Т. А. НИГМАТУЛЛИНА

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОДИФИКАЦИЯ МНОЖЕСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

nota bene

Т. А. НИГМАТУЛЛИНА

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОДИФИКАЦИЯ
МНОЖЕСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

МОСКВА 2021

УДК 323:39:94(47)
ББК 63.5
Н60

Нигматуллина, Т. А.

Н60 Этнокультурная кодификация множественной региональной идентичности / Т. А. Нигматуллина. — М. : NOTA BENE, 2021. — 207 с.

ISBN 978-5-8188-0243-5

Монография посвящена социально значимой в современном мире и в России проблематике — формированию многомерных идентичностей личностей человека как представителя этноса, региона, языковой и религиозной общности, носителя самобытных традиций. Рассмотрено влияние мифологии и фольклора на конструирование современных этнополитических реальностей.

Издание предназначено преподавателям гуманитарных дисциплин, аспирантам, магистрантам и студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся этнополитическими аспектами формирования идентичностей.

УДК 323:39:94(47)
ББК 63.5

ISBN 978-5-8188-0243-5

© Нигматуллина Т. А., 2021
© Оформление.
БИСТ «филиал) ОУП ВО «АТиСО», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

Глава I
МИФОЛОГИЯ
В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ:
ПРАКТИКИ РЕКОНСТРУКЦИИ 9

1.1. Миф как этнополитический конструкт 9

1.2. Этнополитическая архитектура мифа. 18

1.3. Праздники и культурные события
как инструмент социокультурного моделирования
этнополитической реальности 34

1.4. Мифология в этнополитическом протесте 38

1.5. Мифологические мотивы в этнополитическом дизайне . . .53

Выводы по I главе 55

Глава II
ЕДИНСТВО ФОЛЬКЛОРА И МИФА
В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ 57

2.1. Классификатор подходов исследования мифологии 57

2.2. Синхронизация мифа и фольклора
в формировании идентичности 60

2.3. Миф и фольклор как нематериальное наследие
человечества 73

2.4. Мифология в генезисе культуры 84

Выводы по II главе 88

Глава III
АРХЕТИПЫ ФОЛЬКЛОРА В ФОРМИРОВАНИИ
ЭТНИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ 90
3.1. Архетипы мифа как основа
этнокультурной кодификации 90
3.2. Эпические символы мифологии
в развитии мировоззрения 95
3.3. Этнотопонимика в формировании
национальной идентичности 102
3.4. Этнические формы политической консолидации
как фактор формирования национальной идентичности . . . 109
Выводы по III главе. 112

Глава IV
ЭПИЧЕСКИЕ «ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»
В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЗМА. 115
4.1. Героический фольклор
как прототип политической идеологии 115
4.2. Патриотические мотивы фольклора
в формировании национального духа 120
4.3. Аксиология современного героизма 132
Выводы по IV главе 139

Глава V
ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ 141
5.1. Этнополитическая роль языка
в консолидации гражданского общества 141
5.2. Этнополитические аспекты
языковых коммуникаций 171
5.3. Полилингвальное образование как фактор
формирования множественной идентичности 180
Выводы по V главе 185

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 190

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 196

ВВЕДЕНИЕ

Национальная и языковая идентичность, соотнесение их с идентичностью общероссийской, евразийской — европейской и азиатской, в широком смысле — с контекстом глобализации стали популярной проблематикой на фоне социальных и ментальных трансформаций и проявления политических представлений и институций с начала постсоветского периода, вызвавших «цунами» идей этнического самоутверждения.

Разнообразные формы сохранения и трансляции традиций, исторической памяти, культурного наследия, интеллектуального и духовного потенциала идентификации каждого народа образуют собой его уникальный этнокультурный код в развитии современной цивилизации. Этнополитическое прочтение мифа как сложного многомерного явления требует опоры на обширный перечень наук — философию, литературоведение, фольклористику, культурологию, лингвистику и другие.

Этнополитика основана на образно-символическом выражении переживаний, рефлексии этнокультурного потенциала, поиске людьми своей национальной и языковой идентичности в мире активных перекрестных контактов. Этносфера, наполненная моральным содержанием, создает для человека дополненную реальность — мир жизненных переживаний и дидактических целеуказаний, выраженных в образно-символической форме. Этнополитический анализ процессов, происходящих в коммуникационном пространстве и культурах народов, позволяет определить набор социальных механизмов (эпическое наследие, традиции, ритуалы, обычаи, родные языки и другие элементы семиотических систем), способных обеспечивать этнокультурную преемственность и кодификацию национально-культурной жизни в современных условиях.

Через систему этнокультурной кодификации и этнополитическую мобилизацию ресурсов этничности каждый народ воспроизводил свою духовную культуру, этнический характер, этнопсихологию, мировоз-

зренческие оценки действительности, межэтнических взаимодействий, наследовал и транслировал ценности и идеалы сменяющим друг друга поколениям.

На наш взгляд, импульсы движения человечества к единой глобальной культуре носят искусственный характер, и следует признать, что история не отвергала национальные начала в развитии обществ. Современный мир, прогресс, технологии порождают множественные измерения культуры, к которым восприимчивы разные поколения людей. В свою очередь они проецируются на фоне политической реальности, однако при этом этносы не отказываются от своей традиционной духовной культуры и этнокультурной идентичности, а сохраняют и развивают их в контексте происходящих в обществе трансформаций. Так, прорывная динамика развития стран Азии (Япония, Китай, Южная Корея и др.) демонстрирует сочетание сохранения национальных традиций и вектора инноваций. Ресурсы этничности, этнокультурная и языковая идентичность не только сберегли, но и кратно увеличили свое значение в этнополитическом пространстве и социокультурной жизни стран, регионов и народов.

Миф способен стать значимым фактором в ряду прибежищ человечности, поскольку хаос современной трансформации общества приводит к диспропорциям в развитии культуры целых стран, включая самые развитые, и тотальному разрушению нравственных норм. Миф как первая ценность человечества в ходе социокультурной эволюции сначала племен, затем этносов и наций проходит лейтмотивом сквозь всю их историю, формируя через социальное творчество гуманистическое измерение любой объективной картины мира — от мифологической и фольклорной, языческой и религиозной, художественной и эстетической — до этнополитической.

Миф придает самодостаточность как традиционной, так и современной культуре и открывает для народа, его носителя, способность к диалогу с другими этносами, перекрестным контактам. Именно полисемантичность мифологических образов и способов интерпретации национальных традиций, наличие пантеона памяти о легендарных героях разных эпох позволяет достичь многомерного наполнения этнополитическими смыслами современной действительности. Кроме того, расширение терминологического аппарата за счет использования таких понятий, как «полиэтничная норма», «многокультурный плюрализм», «поликультурализм», «полилингвальность», «мультикультурализм», позволяет по-новому взглянуть на содержательные смыслы дефиниции «этнокультурная идентичность».

Национальная культура, как духовное и историко-культурное измерение социокультурной парадигмы, сохраняет свой гуманистический потенциал «очеловечивания мира» в виде генезиса мировоззрения, превращая его в стержневую основу духовной модернизации общества, источник духовных смыслов и ориентир для этнического и межэтнического творчества.

Мифологический этап развития всего человеческого общества, а значит и богатейшей палитры культуры, представлял судьбоносное значение для многих этносов, развитие которых происходило через призму аксиосферы, и приводило к генерации нравственно-этических и религиозных ценностей. Культурное наследие в виде легенд и преданий, эпических изустных преданий прошлого в настоящем времени обладает влиятельной силой, формируя возвышенные чувства, идеалы, национальное самосознание и языковую идентичность, этнокультурные коды преемственности поколений, спектр вариаций их проявления в политике.

Миф, будучи родоначальником взглядов и мировоззрения, на заре человечества функционирует как пролонгированная система этнокультурных действий и предстает в настоящее время как «система специфических устойчивых нарративов, распространенных на определенной территории, характерных для соответствующих локальных и региональных сообществ и достаточно регулярно воспроизводимых ими как для внутренних социокультурных потребностей, так и в ходе целенаправленных репрезентаций, адресованных внешнему миру»[1]. Вечность мифу придает и то, что он вбирает в себя синкретичный опыт переживания мира людьми многих поколений, содержит все потенциально возможные комбинации его прочтения — бессознательные и осознанные представления, отражает чувства предков, их достижения, подвиги, ценности, описывает трудности, которые ими были преодолены, и проецируется на современные политические процессы.

Таким образом, миф и его потенциал пространственного влияния составляет основу современной политической традиции, придает ей идейный смысл, формирует устойчивую связь единения человека с гражданским обществом, проникает через различные коммуникации во все сферы его жизни, выполняет мировоззренческую функцию, через культы, ритуалы и традиции концентрирует общности людей на целевых ориентирах. Миф образует основу этнополитической традиции,

---

[1] Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М. : Знак, 2006. С. 38.

выступая в роли носителя модифицированного под современные идеалы культурно-исторического опыта.

В своем исследовании мы применяем целую группу подходов — политологический, социокультурный, лингвистический и культурологический, что позволяет аргументированно доказать взаимосвязи мифа и фольклора, их степень влияния на социокультурные и этнополитические процессы, изучить процессы формирования идентичности народов и диаспор, локализованных на территориях Урало-Поволжского культурного ареала. Как отмечает И. А. Савченко, «сознательный выбор формы интеграции в качестве ведущего направления социокультурного взаимодействия может обеспечить как культурную сохранность групп этнически разнородного общества, так и его устойчивость и целостность, что приводит к позитивному росту взаимодействующих друг с другом сфер: экономической, политической, духовной»[1].

В предлагаемой монографии миф, фольклор и история рассматриваются панорамно, как различные способы этнокультурной коммуникации, систематизации и генезиса народа в культурном ландшафте. Единство «мифа» и «фольклора» в истории народа во многом обеспечивает синхронизация устной и письменной традиций, синергия жанров и видов искусств. Это характерно для всех поколений, когда через поточный «фильтр» народной культуры проходят лучшие образцы, способные связать целые поколения или даже эпохи, на века остаться в памяти народа.

Исследование соотношения, взаимодействия, взаимовлияния фольклорных и мифологических представлений, значения мифологем в этносфере народов, анализ сюжетов мифологизации и фольклоризации в исторических и современных контекстах показывает, как современное мифотворчество, построенное на основе архетипов и стереотипов культуры, исторической памяти, конструирует новейшую реальность.

---

[1] Савченко И. А. Многоэтническое сообщество в поисках маршрута интеграции. М. : РИОР: ИНФРА-М, 2019. С. 7.

Глава I
МИФОЛОГИЯ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ: ПРАКТИКИ РЕКОНСТРУКЦИИ

1.1. Миф как этнополитический конструкт

Этнополитическая сторона мифологии до сих пор продолжает оставаться недостаточно изученной. Современная наука видит в мифах дуалистическую природу — ценностный характер и фольклоризированные аспекты бытия народов в разные эпохи. Эволюция мифа проходит через временные эпохи, отражая культурный, социальный и цивилизационный уклады, жизненные практики целых народов, объединяя архаическое духовное наследие с модернистскими явлениями современности, историческую память поколений, каждое из которых создает свою объективную реальность, обогащенную иррациональными смыслами. В этой связи В. С. Полосин полагает, что «миф — не просто необходимый компонент познания и самосознания человека, но, безусловно, необходимый компонент существования общества вообще»[1]. Фактически, без мифа не было бы измерений духовного пространства человечества в фокусе информационного восприятия и коммуникативно-знаковых, социальных и политических отражений. Этнополитическая интерпретация мифа становится новой научной традицией, поскольку современная трактовка исторических и возникающих политических мифов требует синхронного прочтения, позволяющего более полно и достоверно исследовать методологию генезиса коренных народов России.

Мифология коренится в отношении человека к миру, в иерархии его ценностей, через призму которых происходит формирование механизмов социальной регуляции поведения, архаичных форм и способов мировидения. Для фольклорных «напевов» в самодеятельном искусстве характерны лингво-культурные и психологические определения, проявляющиеся длительное время в изустных, бесписьменных и не

[1] Полосин В. С. Миф, Религия, Государство: исследование политической мифологии. М. : Ладомир, 1999. С. 214.

подвластных цензуре и официальному нормированию формах. Они диалектичны, вариативны, анонимны, представляют собой продукт коллективного творчества.

Новейшие политические мифы, как и традиционные, черпают мотивы и сюжеты из прошлого, оперируют понятиями и конъюнктурой настоящего и через призму слияния постмодерна культурной антропологии и этнополитики предопределяют траектории будущего.

Миф более не нормирует обыденную жизнь современного человека целиком, как подчиняла многие века назад его личность архаическая культура, но мифологические сюжеты и образы через инструменты социальной коммуникации формируют его мировоззрение и идентичность. Современное мышление человека из «глобальной деревни», обладающего широким культурным кругозором и свободно входящего в коммуникации с мультикультурными средами, подвержено влиянию множества фреймов самых разных типологий. В первую очередь, это греко-римские фреймы античной мифологии; иудейско-христианские фреймы библейской истории, основанные на монотеизме, доктринах веры и морали; египетские и скандинавские символы, получившие широкое распространение благодаря масс-медиа коммуникациям; трансформы творчества западноевропейских писателей, которые композиционно обогащают свои художественные произведения фантастическими сюжетами и образами, культурой мистицизма.

Политическое сознание может взращиваться на основе мифов, традиций, обрядов, ритуалов и получить логическое продолжение в семантике праздничных событий. В современном прочтении миф становится квинтэссенцией роста национального самосознания через приобщение к иерархии знаков, образов, ценностей и смыслов, параллельно осуществляя функции формирования различных видов идентичностей, изменения этнокультурного пространства, интерпретации ценностей, текстов и иных визуальных контекстов и преломляющихся через них символов в свете происходящих этнополитических процессов, общественных идеалов и социальных идей.

К решающим факторам формирования национальной идентичности мы можем отнести следующие конструкты:

– нематериальное духовное наследие (мифы и разные жанры народного фольклора, книжные и бесписьменные источники);

– культурный ландшафт (памятники архитектуры, достопримечательности), составляющие историческую основу формирования национальной идентичности на территории или в рамках пространства этнокультурного ареала;

– особенности национально-культурной, языковой и образовательной политики (наличие национальных школ, полилингвальных гимназий, институциализация культурной сферы, средства массовой коммуникации);

– этнолингвистическая близость, или этническое родство народов, локализованных в рамках одного культурного ареала;

– административно-территориальное деление и статус территории в масштабах страны (национальная республика, край, область), политические атрибуты и привилегии;

– ресурсная обеспеченность (природные богатства, численность населения, транспортные коммуникации, доступ к социальным благам и т. д.);

– формирование состава населения (общая численность народов, наличие диаспор, степень удовлетворения национально-культурных запросов, соотношение коренного и других этносов на исторической территории), развитые процессы миграционной активности;

– наличие религиозных институтов, формирующих духовную и национальную укорененность в исторической культурной традиции.

Понятие «идентичность» характеризуется своей многомерностью не только по широкой палитре научных мнений, но и принадлежностью к психологии, социально-культурной антропологии, социологии, политологии, лингвистике, литературоведению, культурологии. В новейших условиях само возникновение и развитие идентичностей начинает носить управляемый характер и, преломляясь через этнополитические явления, становится не только аналитическим, исследовательским конструктом, но и ключевым инструментом формирования архитектуры национально-культурных процессов в российских регионах. Как считает Т. П. Поспелова, «национально-культурная идентичность является результатом осмысления и обобщения народом представлений о себе и о своей судьбе, своих достижениях, утратах, способствует установлению между членами этой социокультурной общности определенной внутренней устойчивой связи, которая основана на общих духовно-нравственных и культурных ценностях, на признании ими своей сопричастности к этой общности, на любви и верности ей на основе самоидентификации, отождествления себя с этой общностью, то есть на основе установления и признания своего социокультурного родства, единения с данным народом»[1].

---

[1] Поспелова Т. П. Национально-культурная идентичность российского общества в условиях проведения образовательных реформ : дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2014. С. 14–15.

Концентрированное воздействие мифологических образов на процессы формирования идентичностей приводит к их трансформации в жизнеспособные семантические комплексы. Так, пройдя генезис от наскальных петроглифов, орнаментального стиля в искусстве, мы, потомки, используем их в настоящее время в синкретичном дизайне как элемент художественно-семантического отражения политического мифа, передавая преемственность в формировании образов мифологического сознания. В этом случае насыщение информационного пространства мифологическими образами превращает их в органичную часть этнополитической реальности. Иначе говоря, мифологические сюжеты могут в определенной степени оказаться движущей силой развития современных политических процессов.

Типологически можно выделить следующие характеристики политических и традиционных мифов:

– полиморфность, выражающаяся в распространении однотипного набора символов и фреймов, историй о «мудром правителе» или всепобеждающем герое — борце за справедливость, которые популярны практически среди всех народов. При этом колоритные фигуры героев отражают национальный стиль, этническое своеобразие своего народа, совершая предопределенные им роли, имеющие общее сходство в мифических сюжетах;

– ограниченность: для конструирования новых мифов используется определенная совокупность устойчивых символов, знаков и образов, которые могут иметь множество комбинаций;

– абстрагированность и конкретность: дуализм мифического и реалистичного преломляется через эмпирическую действительность;

– фундаментальность, базирующаяся на непреложных догмах культов, как языческих, так и религиозных, не требующая их проверки на веру, не подвергая критике их истинность;

– подвижность: миф не отражает достоверность, объективность и приверженность конкретному историческому времени, он функционирует в собственном измерении, и являет собой опыт эмоциональной рефлексии.

Политические мифы имеют универсальную структуру, состоящую из набора определенных компонентов:

– архетипы — «архитектура» политического мифа — его «исходный код», интегрально структурирующие опыт всех предыдущих поколений;

– мифологемы — понятия, используемые для расшифровки различных мифологических сюжетов, сцен, образов, имеющих глобаль-

ную географию и отражающих универсальность для культур народов мира.

Этнополитическая интерпретация мифа объединяет в себе абстрактное и конкретное, реальное и вымышленное, предполагает как коллективное, так и личное восприятие мифологических образов и фреймов, использование архаики и мифологии, аутентичных артефактов как фактов или доказательств, опоры для обоснования достоверности мифологического в современной действительности. Задача такой интерпретации состоит не только в извлечении уроков истории, но и генерации максимума идейных смыслов, которые возникают при современном прочтении мифа, сведении их компонентов в общую архитектуру политической семантики. Тем самым обеспечивается преемственность мифологического мышления с переходом от этнокультурных смыслов к этнополитическим. Исторические мифы служат достижению конкретных идеологических целей — консолидации нации, приданию легитимности правящим элитам и укреплению режимов, проведению политических реконструкций и т. д.

Иррационально осмысливаемая картина событий прошлых веков воспринимается как достоверная, даже если она упрощается, и преподносится целевым аудиториям как истина, не требующая доказательств. Так, С. И. Белов указывает на то, что «миф гораздо более привлекателен для массовой аудитории, чем относительно достоверная научная модель истории. В отличие от историка мифотворец находится в более выгодном положении. В основу своей версии событий прошлого он кладет не абстрактные факты, апеллирующие к рациональному сознанию, а обладающий эмоциональным насыщением и, как правило, легко визуализированный набор символов. Это придает мифу не только способность эффективно воздействовать на массовое сознание, но и повышенную устойчивость к критике. Исторический миф во многом близок к квазирелигиям: он дает своим носителям не столько знание, сколько веру. Именно по этой причине попытки разоблачения мифа научными средствами зачастую заканчиваются бесплодно»[1].

Таким образом, исторический миф представляет собой эпическое полотно, отличающееся характерным вкраплением политических идейных конструкций, раскрывающих согласно актуальному идеологическому заказу картину событий прошлого через трансляцию эмо-

---

[1] Белов С. И. Соотношение концептов «политический миф» и «исторический миф» // Вестник московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2018. № 3. С. 41.

ционально насыщенного набора символов, текстов, плакатов, публично высказываемых аргументов с применением всевозможных способов коммуникаций и т. д.

Безусловно, может показаться спорным утверждение о том, что социальная действительность является проекцией мифа, но именно благодаря ему формируется устойчивая картина мироздания, в которой все элементы сбалансированы, структурированы, представлены иерархически, вписываются в общую картину бытия целого народа, соотносятся с поколениями и конкретно с каждым человеком.

Каналы трансляции современных политических мифов имеют отличия: по возрастным группам, социальным статусам потребителей информации, институализации, социальным коммуникациям.

Есть политические мифы, которые достаются настоящим и будущим поколениям по исторической традиции, укорененной в темах протяженного во времени межнационального конфликта, возникшие из-за территориальных претензий, переписывания страниц истории и т. д. Фактически, молодежь становится заложником рукотворных проблем прошлого и оказывается вынужденной пролонгировать действие противоречий и обострений, с ними связанных, накапливая последствия конфликтов уже с участием своего поколения.

Архаика политических мифов опирается на экзистенциональную веру, а исторические мифы и эпосы придают легитимность идеологическому превосходству, поскольку эмпирически проверить достоверность, объективность и правоту сторон уже почти невозможно, особенно в ходе идейного противоборства различных сторон. Тем более, что впоследствии этнополитические теории и доктрины, характерные для своего времени, чаще всего претерпевают крах и становятся неприемлемыми для новых поколений, которые должны извлечь из них свои уроки истории.

Призыв Ф. Ницше обратиться к утраченной силе мифа, его способности обновления человека и культуры отражает его позитивную оценку влияния мифа на развитие цивилизации: «А без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в законченное целое. Все силы фантазии и апполонических грез только мифом спасаются от бесцельного блуждания»[1].

А. М. Пятигорский исходил из того, что мифология проходит лейтмотивом через многие гуманитарные науки: «Я не знаю ни одной

[1] Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. СПб. : Азбука, 2000. С. 204.

философии, которая не была бы мифологична. Более того, я думаю, что очень многие положения науки мифологичны. Но, когда мы говорим «мифологичны», мы не должны забывать, что здесь нет самонаблюдения и самосознания. Человек, который признает, что вещи, которые он говорит, отсылают нас к какому-то мифу, уже чрезвычайно многим рискует, потому что он уже не отделяет себя от объекта своего мышления»[1].

Б. Л. Губман объясняет значение мифа для развития всего человечества, полагая, что миф — «это первая форма рационального постижения мира, его образно-символического воспроизведения, выливающаяся в предписание действий. Миф превращает хаос в космос, создает возможность постижения мира как некоего организованного целого, выражает его в простой и доступной схеме, которая может претворяться в магическое действие как средство покорения непостижимого»[2].

Мы солидарны с Ю. А. Чернявской в том, что «осознание человеком своей принадлежности к обществу изначально освящено мифом. Все типы мифов имеют общую функцию утверждение социокультурной идентичности членов общности в качестве непререкаемой истины и главной ценности. Наличие мифологических констант (сакральное происхождение общности, культурные герои, искупительная жертва, новое начало, построенное на более совершенных основаниях) обязательная предпосылка самоидентификации человека как части целого, большего и несоизмеримо более значимого, нежели сам человек. Потому все классические параметры этноса (язык, территория, представление о прошлом и будущем, ценности, а впоследствии и государственная структура и т. д.), которые обычно относят к объективным характеристикам этноса, базируются на мифологических основаниях»[3].

Мифы занимают особое место в контексте жизненного мира человека, и, как утверждает Ю. С. Осаченко, «миф как реальность есть нечто целое, некий жизненный мир, мир жизни человека и его смыслов, мир, который каждый раскрывает с особой стороны, видит со своей точки зрения. Каждый человек погружен в миф как в свое первопространство

---

[1] Пятигорский А. М. Литература и миф. Беседу вел Григорий Бондаренко // Газета Завтра. 1999. № 8 (26). 16 авг.

[2] Губман Б. Л. Миф и религия // Культурология. XX век. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2. СПб. : Университетская книга, 1998. С. 53.

[3] Чернявская Ю. В. Идентичность на фоне мифа [Электронный ресурс]. URL: http://geum.ru/aref/3924-1-ant-ropolog-iche-kiy-forum-8-198-yuliya-chernyavskaya-identichnost-fone-mifa-pozhiloy-professor-molodo-ref.php (дата обращения: 08.12.2020).

видения, как в свое поле зрения, поле открывающихся перспектив, как в свой жизненный горизонт»[1].

Мы полагаем, что такая интерпретация адаптивна не только к мифу архаичных времен, служившего неким «компасом» для цивилизационной общности, но и имеет вневременной характер, поскольку показывает, несмотря на генезис человечества, сохраняющуюся значимость мифа как первичного опыта слияния мировоззрения человека и его этноса с гранями духовного, нематериального мира, откуда произошли объективные смысловые данности — ценности, идеи, идеалы, запреты, правила, нормы и т. д.

Фольклор в прошлые исторические периоды являлся важным инструментом информационно-психологического воздействия на социум, управления социокультурным пространством, очерчивания миссий людей, заданных моделей и стратегий поведения. Как отмечает С. Б. Адоньева, «фольклор — орудие власти и контроля. Фольклорная речь, принимаемая как коллективная стратегия, разработанная для индивидуального пользования, оказывается тем не менее орудием коллективного контроля. Принимающий эту стратегию размещается в инструментальной позиции: используя что-то как навык, мы не можем находиться в рефлексивной позиции по отношению к нему. Он вбирает нас полностью. Освоение речевых навыков — функциональных стилей — делает субъекта речи проводником определенных «верований» и исполнителем власти»[2].

В этом значении миф как инструмент коммуникации становится объективным способом познания мироздания, когда непостижимое пространство Вселенной в сознании древнего человека обретало свой смысл. Наши предки в первозданном хаосе — от расположения звезд, траекторий прохождения комет, метеоритных потоков и солнечных затмений до природных катаклизмов, то есть во всем многообразии окружающей действительности, которое они эмоционально переживали, усматривали смыслы и образы, которым они придавали имена и значения. Мифы восполняли различные лакуны в осмыслении и постижении сложного мира. Они связывали их с событиями, легендами, отражая многое из своего бытия в унаследованных современным человечеством памятниках — мегалитических сооружениях, наскальных

---

[1] Осаченко Ю. С., Дмитриева Л. В. Введение в философию мифа. М. : Интерпракс, 1994. С. 115.

[2] Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та; Амфора, 2004. С. 136.

рисунках (петроглифах), дошедших до наших дней эпосах. На их основе человек многие века приспосабливался к природе, постепенно складывал свою социальную среду, но, несмотря на весь цивилизационный прогресс, отказ от традиционных архетипов, мифов и фольклора приводит к регрессу.

Мифологическая картина постижения мира складывалась из воображения многих народов и их поколений, описывавших, объяснявших и нормировавших социальную действительность исходя из рефлексивно-ценностных переживаний, воображения, языческой или религиозной интерпретации собственного прочтения мира, актуального и для современности. Мы солидарны с точкой зрения Е. В. Галаниной в том, что «миф реализует экзистенциальную потребность человека в установлении смысловой связи между сознанием и миром. Посредством мифа происходит осмысление мира, его систематизация и упорядочивание, создание целостной картины мира, что, в свою очередь, воплощается в смыслообразах культуры. Гносеологическая функция воображения заключается в трансформации многообразного чувственно данного опыта в образную форму. Воображение помещает сознание человека в обстановку возможных миров, где происходит схватывание смыслов в качестве единства образа и переживания»[1]. Поэтому обращение ко всему архетипическому — нематериальному мифологическому, аутентичному — артефактам материального наследия позволяет объединять иррациональное и объективно существующее для ускорения этнополитического влияния на массовое сознание людей.

«Мифос» является исходным кодом сознания, поскольку эта компонента присутствует в культуре с архаических времен до всякого научно-понятийного оформления, закрепления в семиотических конструктах, катализируя жанровое своеобразие фольклора — эпических легенд и сказаний, в которых отразились синкретические переживания мира и являвшихся «садом цивилизации», отражая культурное смыслополагание и масштабируя потенциальные возможности.

Мифотворчество в настоящее время непрерывно циркулирует в культуре социума не столько как средство достижения художественно-этнической экспрессивности, сколько как метод конструирования новых этносоциальных реальностей. На основе мифов постмодернизма формируются принципиально новая этносоциальная среда, способы этнического самовыражения, возрождения национальных атрибутов

---

[1] Галанина Е. В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры. М. : ИД Академии естествознания, 2013. С. 39.

нематериального наследия с опорой не только на традиционные формы трансляции, но и на современные технологии. Воображаемый мир, отображенный в жанрах фольклора, их мифопоэтике, идеалах, представляет собой мифологическую реальность, дополняющую полноту жизненной среды человека.

1.2. Этнополитическая архитектура мифа

Политическое мифотворчество непрерывно развивается, генерируя все новые истории, которые имеют как универсальные черты, так и отличительную специфику и служат достижению определенных целей. Миф как семиотическое образование, отражающее действительность или квазиреальность, этнополитически преломляется с помощью образов и символов. Политические принципы, какой бы они устойчивостью ни обладали, нередко сталкиваются с иррациональными коллективными представлениями, историческими фактами и всплесками амплитуды этнокультурной активности. В развитии современного гражданского общества мифы выполняют основные социально-политические функции:

– консолидирующую, предназначенную для сплочения разрозненных групп населения — социальных слоев и носителей субкультур — через формирование свода нравственных правил, интегральных политических убеждений, разделяемых религиозных представлений. Наиболее часто политическими технологами применяются практика тиражирования образа «противоборства» (самый распространенный политический стереотип) и культивирование мифа о единстве. Конструирование политического пространства происходит в соответствии с делением людей на «своих» (тех, кто разделяет веру в определенные мифы, ритуалы, выражает активно политическую солидарность) и «чужих» — идейных врагов;

– адаптивную: для результативного диалога общности с политической средой политтехнологи создают стимулы для формирования субъективной картины мира, в которой реальные связи синхронизируются с мифологическими идейными установками о действительности. Слои общества выстраивают новую схему коммуникаций в изменившейся политической реальности. К примеру, в авторитарном обществе создается представление о стране, в которой правящие элиты ведут свой народ через трудности к процветанию, а столкновение с новыми вызовами является политической неизбежностью. Если большая часть

народа начинает разделять это убеждение, то достигается высокая эффективность этой функции;

– художественно-эстетическую: мифологическая картина отображения действительности, с одной стороны, формирует мировоззренчески кристаллизованные, рафинированные представления целых сообществ людей о прекрасном времени из исторического прошлого. Концентрация усилий для совершения попытки вернуться в вымышленный хронотоп, с одной стороны, приводит к публичному выражению политического протеста, который служит инструментом достижения собственных представлений о счастье, благополучии и процветании, а с другой — к возникновению нового политического дизайна пост-культуры, невзирая на разрывы в едином цивилизационном пространстве;

– возвеличивания власти: любая правящая система политически функциональна, если она имеет устойчивую поддержку населения, а в обществе складывается вера в справедливость и законность действий вертикали власти. С политических трибун, через масс-медиа каналы, включая сетевые коммуникации, обществу объясняется, почему в конкретное время принимаются определенные политические решения. Фактическое принуждение общественного мнения принять как безальтернативную данность правомочные действия власти, не подвергая их критике, становится новой мифологической реальностью. Такое воздействие мифологии в определенном идейном фокусе побуждает человека к безоговорочному признанию деятельности институтов власти, принятию неписанных социальных норм и законов, воздвижению в культ «героев» как жертв бывших политических режимов;

– реабилитационную: в драматические периоды развития гражданского общества, когда происходит смена правящего строя, политических элит, идеологий, резко возрастает потребность в заполнении образовавшегося духовного вакуума новыми идеями. В такие периоды у людей повышается запрос на историю, вера в иррациональное, появляются идейные смыслы, в то время как обращение к мифам, проведение политических ритуалов, всевозможных вече, майданов, факельных шествий придают сакральность происходящему. На общем политическом фоне подобное структурирование коллективных отношений создает иллюзию священности происходящих событий, якобы помогая на ментальном уровне справиться с последствиями кризисов, пережить тяжелый период и выйти на новые траектории развития;

– пост-этическую: в современной политической мифологии отражаются новообразованные традиции общества, которые оказывают

влияние на проектирование свода этических законов, выводят на политический небосклон новые фигуры и т. д. Мифы эффективно воздействуют на морально-нравственный климат общества. Мифология подчиняет пассионариев — «диктат меньшинства», которые являются инструментом для достижения определенных политических целей и устанавливают правила для всего гражданского общества. Все это приводит к формированию коллективной морали, которая не всегда отвечает интересам большинства, общечеловеческим и традиционным ценностям, идеям общности людей, партнерства и содружества, межгосударственным договоренностям. Некоторые политические движения создают свою «непреложную мораль» нового времени, категорично отвергающую традиционные уклады и подвергающую обструкции исторически признанные ценности.

Периодически в различных странах на постсоветском пространстве предпринимаются попытки реконструкции комбинации старых политических мифов разных эпох — обращение к победам и завоеваниям прошлого, возвеличивание известных личностей прошлых веков, возвращения к социальному равенству, коллективному благоденствию, развитию всевозможных культов. Соответственно, возрастают патерналистские ожидания более деятельного участия государства в жизни своих граждан, увеличения его ответственности и справедливого распределения благ. Этнополитические мифы в странах постсоветского пространства стали движущей силой многих идеологий и региональных суверенитетов ввиду проявившихся в полную силу в 90-х гг. XX века процессов обретения независимости, идейных смыслов, атрибутов государственности, обновления политического дизайна и т. п.

Критика настоящего — политического строя, государственного уклада, правящей элиты, идей и ценностей общества, возведенная в ранг догмы, для идеологической поддержки одной из сторон противоборства обращается к мифологии, политизация которой способна придавать как позитивный, так и отрицательный смысл любым социальным процессам. В свою очередь, миф может рассматриваться как своеобразный «ключ к современности», связывающий настоящее время с наполненным различными событиями драматического характера прошлым и открывающий политически значимые смыслы в настоящем и для будущего. Политическая значимость реконструкций исторических, патриотических и иных идеологических контекстов прошлого возрастает в кризисных ситуациях, усиливая привлекательность для общества минувшей героической или славной эпохи, эхо завоеваний которой обретает новые политические смыслы. Можно предположить,

что в таких ситуациях миф порождает «утопическую память», выдающую воображаемое за действительное.

Известные тезисы политического романтизма: двигаться по пути прогресса в будущее, извлекая уроки из прошлого или возвращаясь к его страницам, — связаны с тем, что апеллирование как к прошлому, так и к будущему, позволяет увидеть в пространственной системе координат идейные ориентиры новой трансформации общества.

Попытки восстановить прообраз «золотого века», в котором мифические фигуры, люди и природа находятся в гармонии, — не только семантическая конструкция, объясняющая происхождение мира или народа, но и создающая образ его будущего, — по своей сути иррациональна. Однако именно она способна свести в политически органичную целостность разные сообщества людей на основе синхронизации генеральных идей дальнейшего развития общества. Вместе с тем мифологические сюжеты, наполненные сводом ценностей нравственного кодекса или правил, не содержат в себе «нормативной инструкции» по построению процветающего общества, но обладают большой побудительной силой, в том числе, могут быть использованы для этнической или общегражданской мобилизации, что подтверждается примерами современной истории.

Существовавшие многие века общепринятые традиционные практики — исполнение народных песен, проведение спортивных игр, общих для всех поколений праздников, имевших сакральное значение, — в настоящее время модернизированы и институционализированы, служат решению новых национальных задач региона или целого государства.

Менталитет и мировоззрение народов Российской Федерации за многие века совместного сосуществования претерпевали многократные изменения и обрели достаточную устойчивость для сохранения своего духовного иммунитета. Современные процессы экономической и политической трансформации в условиях постсоветской действительности, связанные с переходом к глобализации, переосмыслением своей роли в истории, выражаются в симбиозе модернизма и архаики, традиционного и инновационного.

Каждый коренной народ — держатель этнокультурной традиции, мифологии, исторической памяти, а российская нация, объединяющая более 160 этносов великой страны, — держатель стратегии устойчивого развития целого государства, нацеленная на укрепление своего единства, формирование национальных и языковых идентичностей, проводник коммуникативных внутренних и внешних стратегий, пре-

ломляющихся через актуальные идеологические месседжи и послания в общество.

Конкретизация значений дефиниции «политический миф» позволяет выявить его характеристики и отличительные черты от другого научного понятия — «традиционный миф». На наш взгляд, «политический миф» — это интегральная форма политических фреймов и мифологем, образующих сложную конструкцию стереотипных представлений, через призму архетипов прошлого оказывающих прямое воздействие на формирование ценностных ориентаций и идей самоорганизации общества и проектирующих его социальное поведение.

Придание мифам политических смыслов позволяет обеспечивать проникновение в доходчивой форме в широкие общественные среды, формировать устойчивые образы государственности, персон лидеров, эпохальных свершений. В этой связи, как отмечают Т. В. Козырева и В. А. Слободчикова, «важнейшая функция политического мифа — легитимизация властных институтов и носителей верховной власти в стране. Миф является основой легитимности власти и ее стражем одновременно. Поэтому покушение на основные политические мифы того или иного государства есть покушение на основы легитимности этого государства»[1]. В этом контексте миф нередко порождает идейно-смысловое обоснование исторических предпосылок для трендов политической мифологии.

Объективно проявляется градация, выражающаяся в различиях между мифом историческим и мифом политическим. Исторический миф, основанный на почве известных событий или их целой хронике, может проявляться через уникальные фольклорные мотивы, логику и образность, вплетенные в ткань фантастического повествования, и, соответственно, спустя столетия интерпретироваться как вымысел. Однако достоверную природу этого мифа ни подтвердить, ни опровергнуть уже не представляется возможным. Вместе с тем, отраженные в историческом мифе нравственно-этические представления народа, его национальный дух, ценности и убеждения, пронесенные через века, имели огромное практическое значение для их трансляции последующим поколениям. Политический миф представляет собой видоизмененный вариант исторического мифа и гораздо более адаптирован к интересам власти или сверхкрупной компании, выражающийся в сумме идейных продуктов, символов и ритуалов. Они могут быть

---

[1] Козырева Т. В., Слободчикова В. А. Дуалистичность политического мифа // Вестник Югорского государственного университета. 2017. Вып. 1 (44). С. 76.

нейтральными, партийными, государственными и даже корпоративными, тиражируемыми через фильтр доминантной идеологии, что свойственно было для прошлого времени, но более характерно для современных моделей управления, активно опирающихся на инструменты социальной коммуникации, интернет-ресурсы, масс-медиа, визуальный контент, публичные выступления лидеров.

Политический миф, опирающийся на архаические образы, может быть совершенно нейтральным или консервативным по своим смысловым оттенкам, но чаще всего он несет либо положительный, либо отрицательный заряд трансформации социальной действительности. По мнению А. Кольева, «политический миф — это архетипическая конструкция, спроецированная в сферу самоорганизации общества или народа. Связь с архетипом говорит о непроизвольности мифотворчества, о его взаимодействии с объективно существующим строем мысли, заложенном в архетипе. Политический миф требует ответа на конкретный вопрос — вечный (как в религии) или сиюминутный, преходящий, но все-таки связанный с бессознательным устремлением массы. Этим миф отличается от лже-мифа, в котором сопереживание лишь имитируется путем воздействия какого-то раздражителя»[1].

Современный миф олицетворяет собой свободную форму политической идеологии, но с четко выраженной доминантой иррационального элемента, связанного с традиционным мифом. Однако его создание и продвижение носит искусственный, проектировочный характер и выражает рациональную рефлексию и универсальные образцы социального поведения.

Процесс сопряжения мифологии и идеологии начинается с трансформации целостной системы традиционной мифологии, легенд и фольклора вследствие политической мифологизации коллективного сознания. Возникновение политической мифологии провоцирует множество современных явлений: социальное неравенство, расовые, этнические, религиозные конфликты, цветные революции, техногенные и экологические катастрофы, глобальные эпидемии и т. д.

Этнополитическая составляющая мифа нации — это охранительные, консервативные идеи: национальная идентификация в рамках культурно-языкового кластера на конкретной территории, восстановление демографического потенциала, реконструкция и модернизация

---

[1] Кольев А. Политическая мифология. Ремифологизация социального опыта [Электронный ресурс]. URL: https://velikoross.org/wp-content/uploads/2014/05/politicheskaya-mifologiya-andrey-savelev-2003.pdf (дата обращения: 18.08.2020).

форм этнической культуры, обретения себя в палитре народов мировой цивилизации. Идентификация всегда происходит относительно чего- или кого-либо, поскольку притяжение и отталкивание от «других»», «инаковых» — важное условие цивилизационного прогресса. В неустойчивой «глобальной деревне» национальная идентичность является критерием оценивания принадлежности к своему народу, укорененности в национальной культуре, этнокультурной традиции.

Политические мифы зримо присутствуют в общественных процессах регионов современной России, приобретая сакральное значение. Они проявляются в ритуалах и праздниках местного, регионального и общегосударственного уровня, использовании символики, орнаментов, национального стиля, технологиях проектирования политической реальности, оформлении элементов политической рекламы. Таким образом, тиражирование через современные информационные коммуникации дизайна политического мифа может стать одной из технологий эффективного управления гражданским обществом, обеспечения консолидации народов, солидаризации групп и слоев населения, привлечения внимания к мировоззренческим основам существования России.

В соответствии с названными выше тенденциями конструируются четыре основные группы современных мифов, приобретающих политическое, конфессиональное или этническое значения:

– общественно-политические, или национально-политические, создающиеся институтами гражданского общества — политиками, партиями, СМИ, социальными сетями;

– этнической и религиозной идентификации, образующие культурный ландшафт территорий, формирующие национальную идентичность, включенность в религиозную общность;

– продвижения неоязыческих культов и фантастических сюжетов авторской художественной литературы.

– масс-медиа сетевой культуры, оказывающие влияние на искажение объективной действительности, идеологий, ценностей, формирующих современную этнополитическую картину на основе иррациональных смыслов и, при крайних формах, проводящих социализацию радикального характера.

«Мифы» как основания политических идей передают иррациональные смыслы, и в этом контексте следует отметить: то, что является несомненной истиной для одних народов или государств, может противоречить идейным основаниям других сообществ. Таким образом, генерация истин или, напротив, фальсификаций в дискурсе окна Овер-

тона[1] служит для завоевания электората, фокусирования на них политических предпочтений, как и реализации политических стратегий применения «мягкой силы» в доказательстве превосходства в конкурентном противостоянии идейных конструктов для развертывания геополитических конфигураций на расширяющемся поле своего влияния.

Миф как наследие фольклорного творчества, политическая реконструкция и продукт авторской фантазии — это совершенно различные явления, которые не тождественны друг другу. Вместе с тем их объединяют способы переживания и эмоциональной рефлексии, внедрения в коллективное сознание как готовых мифов, созданных в прошлые века и не имеющих авторов, так и построенные политтехнологами и предназначенные для тиражирования в широких слоях населения. Общность политическому и традиционному мифу подчеркивает и идея Р. Барта о том, что «миф есть коммуникация»[2]. Рационализация пространства мифа деструктивно влияет на его изначальные иррациональные смыслы, но берет на вооружение исторические образы и сюжеты, символы, создавая на их основе актуальные мемы и фреймы и придавая им политический окрас.

Мифы, связанные с архетипами, представляют собой маркированное художественное полотно о наследии прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего. В современный период миф конструирует идейную архитектуру гражданского общества, оказывая сильное влияние на формирование политической идентичности, принятие которой во многом зависит от доминирования политического строя, культурного ландшафта, всплеска пассионарной активности. Как полагает эксперт Д. И. Гагаури, «принимая на веру тот или иной миф, индивиды отождествляют себя с конкретной политической ролью и приобретают идентичность. Помимо того, что политический миф вводит оппозицию «друг / враг», «мы /

---

[1] Окно О́вертона — концепция наличия рамок допустимого спектра мнений в публичных высказываниях с точки зрения общественной морали. В российской публицистике и сфере сетевых коммуникаций это понятие употребляется с 2014 года, трактуется как технология сознательной манипуляции общественным мнением с неблаговидными целями. В политологических изданиях фиксировалось, что эта концепция, развернутая по отношению к российскому политическому дискурсу, может нести отрицательный заряд, представляющий угрозу национальной безопасности страны и мировоззрению народов России, и приводящих к замещению национальных ценностей на условные общечеловеческие в глобальном измерении.

[2] Чубукова Е. И. Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта [Электронный ресурс]. URL: http://anthropology.ru/ru/text/chubukova-ei/mifologi-cheskaya-koncepciya-kommunikacii-r-barta (дата обращения: 18.08.2020).

они», он создает когнитивную основу политической идентичности, мировоззренческую картину для каждого, кто вовлечен в политическое сообщество: миф объясняет политическую реальность, эмоционально насыщает ее благодаря персонализации политических сил и тенденций. Посредством мифа политическая действительность осмысляется в контексте исторической памяти, а человек становится идеологически «дееспособным» в политической сфере»[1]. Отсюда следует, что политические фреймы, мифологемы, архетипы и мифемы начинают формировать или искажать гражданскую идентичность под определенным политическим фокусом, включая воздействие прошедшего апгрейд исторического и национально-политического наследия.

С развитием новейших информационных, особенно сетевых, коммуникаций тиражирование мифов становится основой политической рефлексии, которая может быть рассмотрена в контексте этнокультурных представлений того или иного народа, этнополитической и религиозной парадигмы, трансформации идеологии или общественного уклада целого государства и как катализатор духовных и патриотических смыслов.

На политическую самоидентификацию нередко влияет искусственно инспирируемый внешними силами комплекс вины всей нации за проступки определенных социальных групп, сообществ или конкретных исторических фигур. Это происходит через предоставление иностранных грантов на выпуск научной и публицистической литературы, публикации в популярных изданиях, запуск в телевизионном кинопрокате кинофильмов и сериалов, которые под определенным углом освещают спорные страницы истории и способны менять мировоззрение достаточно большого числа людей. Любая цензура вызывает резкую общественную реакцию, приобретая характер обвинения власти в ограничении свободы слова. Однако подобные инсинуации в западном информационном пространстве практически невозможны, так как подрывают рост патриотических чувств и формирование единства нации. Более того, нередко малозначащие факты истории в иностранной прессе подаются как решающие и переломные, а лица, вызывающие неоднозначную реакцию, выставляются спасителями нации.

Отсутствие целостного мировоззренческого пласта, с одной стороны, осложняет формирование единой национальной идеологии, с другой — обогащает ее палитру яркими красками, что отражается в формировании

---

[1] Гигаури Д. В. Символические измерения политики идентичности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С. 85.

эклектичной духовной культуры, предопределяющей выбор разных моделей социального поведения в политическом измерении.

В то же время в XXI веке мифологические мотивы, рассчитанные на глубокое погружение в человеческое сознание, не обязательно могут иметь эпическую, пространную форму: это может художественный фильм, зрелищная инсталляция, изображение в рекламе, компьютерная, интерактивная игра, аудио-, видео- или текстовое сообщение в мессенджере, популярный пост в социальной сети, красочная фотография или запоминающийся слоган. Иначе говоря, технологии социальных коммуникаций трансформируют мифологическое сознание современного человека. Согласно семиотической теории французского ученого Р. Барта, «любое любые материальные носители мифа (статьи, фотографии, репортаж, кинофильмы, спектакли, изобразительное искусство, реклама, спортивные соревнования, ритуальное поведение в обществе и т. п.), приобретающие эффект социального значения, формируют мифологическое сознание»[1].

Структуру этого сознания образуют три уровня:

– эмоциональной рефлексии в связи с чувственным и практическим опытом аксиологического и эмпирического освоения мира;

– фантастического олицетворения мира, символизирующего эмоционально-обобщенные представления этноса, его прото-религиозные верования и космогонические представления;

– мифологической трансляции, объективации соответствующих представлений в мифологемах, знаковых, смысловых и символических системах.

Преимущество использования потенциала мифологического сознания в коллективном усилении этнополитической сферы обусловлено тремя персонифицированными уровнями осознания и принятия мифа, которые проецируются на больших сообществах людей:

– эмоциональная рефлексия выражения чувственного отношения к миру, политическим процессам и т. д.;

– символизация этнокультурных кодов, эпических жанров фольклора, искусства, выраженных в образах, которые используются как элементы политического дизайна;

– безусловная сакрализация страниц истории, национальных героев, индустриальных и политических достижений прошлого, уникаль-

---

[1] Чубукова Е. И. Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта [Электронный ресурс]. URL: http://anthropology.ru/ru/text/chubukova-ei/mifologicheskaya-koncepciya-kommunikacii-r-barta (дата обращения: 18.08.2020).

ных природных ландшафтов, памятников и достопримечательностей, являющихся узнаваемыми символами и брендами конкретных территорий;

– мифопоэтическое отражение политической реальности, генерация мемов и фреймов, имеющих мифологическое происхождение, через сетевые инструменты коммуникационного арсенала;

– проецирование культурно-исторических контекстов на современную действительность.

Вводя в научный оборот нашего исследования термин «мифологема», отметим, что в современном русскоязычном интернет-словаре литературоведческих терминов утверждается, что «Мифологема — это (от др.-греч. μῦθος — сказание, предание и др.-греч. λόγος — мысль, причина) термин, используемый для обозначения мифологических сюжетов, сцен, образов, характеризующихся глобальностью, универсальностью и имеющих широкое распространение в культурах народов мира. Примеры: мифологема первочеловека, мифологема Мирового дерева, мифологема Потопа (шире — гибели человечества, и спасения избранных) и т. д.»[1].

В этом контексте следует отметить, что мифологема — фрагмент мифа, мифема — конститутивная единица, утратившая свои автохтонные характеристики и функции, встроенная в фольклорное повествование, в котором воспринимается как воображаемое украшение или традиционная сюжетная линия. Синхронизация мифем — мельчайших элементов, корневых составляющих мифа — образует его социокультурную парадигму, которая пронизывает разные жанры искусства и литературного творчества, соотносясь с мировоззрением человека и его народа, и образует структурно-семантическую основу мифологического мышления.

Н. И. Коновалова выделяет восемь ключевых смыслов, раскрывающих понятие «мифологема»: «1) максимально большая смыслообразующая единица текста мифа...; 2) единица религиозного нарратива...; 3) цитата из библейского текста...; 4) элемент наивного представления о мире, выступающий в роли результата его когнитивного освоения...; 5) исходные образы и сюжеты в искусстве, основанные на традициях народной культуры и приобретшие статус символических...;

---

[1] Давыдов И. П. Миф, мифема и мифологема — структурно-функциональный анализ мифографии (на примере одного стихотворения Иосифа Бродского) [Электронный ресурс]. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/197597/1/117-121.pdf (дата обращения 18.08.2020).

6) лексическая единица знакового характера, выступающая как репрезентант свернутого текста мифологического содержания (мифологема в семиотическом ракурсе); 7) некая первичная сюжетная схема, некая кросскультурная идея, встречающаяся в фольклоре разных народов...; 8) стереотипы массового сознания, в том числе идеологические клише...»[1].

В современной политической этносфере выделяются следующие смыслы «мифологем»:

– максимизированная смыслообразующая единица художественного повествования мифа, имеющая семантико-функциональные параметры, архитектура которых образует сложную конфигурацию информационного воздействия);

– единица конфессионального нарратива (в этом случае во внимание принимается одна из сущностных характеристик мифологемы, отражающая ее связь с религиозным культом или верованием);

– цитата из аутентичного текста основного мифа (такое понимание представляет лишь одну из частных разновидностей мифологемы, используется в работах по лингвофольклористике и текстологии);

– элемент наивного представления о мире, выступающий в роли результата его когнитивного освоения (определение мифологемы, обращенное к ее психоментальной сущности, характерное для современной когнитивистики);

– кодифицированные образы и сюжеты в устно-поэтическом и художественном искусстве, сложившиеся на основе традиций самобытной культуры и распространенные как знаково-символические (социокультурный подход, характерный для этнополитической масс-медийной проекции);

– лингвистическая или пиктографическая единица знаково-символического характера свернутого текста, мема, изображения мифологического содержания, расшифровывающая мифологему в семиотическом ракурсе;

– первичная сюжетная композиция, кросс-культурная идея, распространенная в фольклоре народов мира (в обобщенном виде представляющее использование понятия «мифологема» в трудах по этнопсихологии, этнографии, фольклористике);

– стереотипы общественного сознания, в том числе этнополитические клише (такой подход характерен для современных технологий

---

[1] Коновалова Н. И. Мифологема как свернутый сакральный текст // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 210.

манипулирования общественным мнением, концентрирования внимания на реконструированных мифах, интернационализация и тиражирование брендов протестного движения), декларация абстрактных общечеловеческих ценностей, героизация националистических образов — идеализация одиозных фигур прошлых эпох, фальсификация информационных и полисемантическая интерпретация политических контекстов, искусственная сакрализация жертв политического режима;

– концентрированное формирование через фреймы и мемы окна Овертона, предполагающего радикальное изменение мировоззрения, менталитета, морали, поведения и общего уклада жизни населения страны.

Все приведенные выше определения, интегрально влияющие на формирование мировоззрения как конкретного человека, так и общества в целом, апеллируют к отличительным особенностям ментального базиса мифологемы.

С. Б. Адоньева рассматривает фольклор как особый семиотический аппарат, формирующий отношение к многомерным процессам жизнедеятельности людей и целых этносов и, исходя из его жанровых особенностей, проявляющийся:

1) в отношении к социальной ситуации: намерение говорящего, его базовые социальные характеристики, идеологические и ментальные установки (это пресуппозции); декларация целей, игровые моменты; исполнение фольклорных жанров может характеризоваться как «уместное» / неуместное», оказываясь в тесной связи с социальными нормами и коммуникативной ситуацией;

2) в соотношении между фактом реальности и фактом речи (былина — отдаленное прошлое; свадьба — одновременность; заговоры — будущее);

3) в отношении к результатам высказывания, к ответной реакции слушателя;

4) относительно используемых языковых средств (в широком смысле понимания «языка»)[1].

В условиях множественности интерпретаций этнических реальностей стираются различия между объективностью, достоверностью, историчностью и фальсификацией, искажением, симулятивностью, что приводит к новому витку этнополитической мифологизации.

---

[1] Адоньева С. Б. Прагматика фольклора. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та: Амфора, 2004. С. 243.

Благодаря фольклорному наследию человек способен к мифологическому переживанию реальности. Как отмечал Н. А. Бердяев, «человек познает как извне данную ему реальность то, что порождено им самим»[1]. В каждый исторический период этнополитические трансформации формируют собственные мифореальности, в которых реальное и воображаемое не различаются между собой.

Мы солидарны с утверждением Н. А. Бердяева в том, что «мир постижим лишь мифологически», так как он несет на себе отпечаток хроники эпох, отражает генезис народа, его характер, национальный дух, истории, связанные с его существованием. Поэтому любое противоборство с мифами иллюзорно и нерезультативно и может привести к обратному эффекту — множественному росту искаженных этнокультурных и этнополитических реальностей, появлению искусственных «миражей» на фоне меняющегося культурного ландшафта целого региона или даже страны.

Как отмечает философ А. М. Лобок, «подлинная тайна неолита заключается в том, что он является не просто хозяйственной, не просто экономической революцией, но и революцией мировоззренческой... Главное последствие неолитической революции — вовсе не увеличение производительности труда, а изменение повседневной вещной среды, окружающей человека, и, стало быть, смена всей системы мифосемантических кодов»[2].

Традиции, которые кажутся архаичными или претендуют на статус аутентичных, нередко имеют более позднее происхождение или исходят из альтернативной истории, то есть являются изобретенными и обусловленными конъюнктурными этнополитическими ситуациями, характерными для современных региональных демократий постсоветского периода. Отечественный патриотический дискурс включает в себя исторические контексты, в том числе, из разных эпох: от архаичной — до советской. Идейное значение символических образов, фреймов и мемов, возрождающихся праздников и обычаев прошлого за последние годы в формировании языковой, национальной и гражданской идентичности только возрастает.

Мифы, отражающие знания о культурных феноменах, которые являются частью коллективной когнитивной базы представителей единого социокультурного пространства, существуют в виде стержневых

---

[1] Бердяев Н. А. Самопознание. М. : Международные отношения, 1990. С. 278.

[2] Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1997. С. 532, 567.

основ этнополитического проектирования. Миф выступает и как уникальная символически закодированная форма, и как нормативный регулятор поведения, и как вид самого долговечного художественного творчества. Одна из отличительных его характеристик состоит в том, что он способен к преобразованию: в художественном тексте излагается в виде сюжета, который ведет к прочтению и осознанию концепта как глубинного смысла эпического повествования. С другой стороны, концепт может быть структурирован в виде фрейма. Поэтому мифологический фрейм разрешает объединить все мифемы в виде классификатора знаний, ритуалов, представлений о мире. Таким образом, мифологический фрейм — это специфическая, лингвистически модифицированная модель представления знаний, хранящихся в памяти этносов, и этим он значим для этнополитического конструирования социокультурного пространства.

Как отмечает А. В. Вихлянцева, «многоуровневая структура мифологического фрейма позволяет описать мифологический сюжет или образ как конкретного мифа, так и тематически объединенных групп мифов. В процессе создания произведения авторы часто «встраивают» миф в текст как некую готовую, наполненную содержанием структуру, поскольку в силу своей исконной символичности мифология является удобным языком «описания вечных моделей личного и общественного поведения, неких сущностных законов социального и природного космоса»[1]. В целом знакомство с мифом обращает внимание читателя или слушателя на первичные образцы, образы, переживания, ценности, возвышенную поэтику и смысловые поля[2].

Мифологический фрейм интерпретируется нами не только как набор конкретных и абстрактных знаний, определенным образом представленный автором, но и как лингвокультурологический продукт его актуализации в эпическом повествовании с учетом ментально-когнитивных способностей слушателей — расшифрованная совокупность практических и сакральных знаний. Объективная задача сказителя — обратиться к архетипам, глубинным пластам истории, легендарным образам, соотнести в прочтении мифемы с фоновыми мифологическими знаниями и ходом истории народа, объединив их с личностными переживаниями и эмоциями, проявив при этом кон-

---

[1] Вихлянцева А. В. Структурная организация мифологического фрейма [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnaya-ogranizatsiya-mifologicheskogo-freyma/viewer (дата обращения: 18.08.2020).

[2] Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М. : Наука, 1976. С. 34.

цептуальную модель авторского понимания мироздания всего сущего. В целом в основе философского мировоззрения лежит целая история народа, которая через событийную мифологическую ленту описывает природные и социальные феномены, представляя собой первичный опыт научного абстрагирования и трактовки действительности.

Под мифологическим фреймом в исследовании понимается сбалансированная модель ментального, эмоционального и бессознательного знания, репрезентирующая социокультурные феномены мифов. Мифологический фрейм рассматривается нами достаточно широко — во всей его иносказательной плоскости и распространяется на мифы, сказы и легенды, поскольку эпическое содержит в себе логико-смысловую последовательность мифологических знаний, которые структурированы с помощью фреймов и транслируются через цепочку коммуникативных единиц в широкие пласты общества.

В эпическом произведении мифологический фрейм употребляется в трансформированном виде, в согласии с коммуникативной интенцией сказителя, то есть осуществляет развертывание закодированных в художественном повествовании установок: знакомит с ритуалами, ценностями, запретами, тотемами, магическими неотъемлемыми свойствами явлений природы. В тексте модифицированный миф является предметом описания и приобретает инвариант восприятия, становится фреймом.

Структурные иерархии мифологических фреймов вызваны количеством ассоциаций, которые образуются у слушателей при их осознанном восприятии. В случае сочетания коллективных и личностных ассоциаций мифологический фрейм приобретает кристаллическое строение, каждая из координатных линий которого раскрывает сюжетные особенности и знакомит с конкретными действиями персонажей как образцовых или неприемлемых моделей поведения. При нарастающем количестве ассоциаций мифологический фрейм структурируется в виде многогранника, образующего ядерный элемент эпического повествования.

Таким образом, политическое мифотворчество, основываясь на прототипе архаического мифа и исторических контекстов, конструирует собственную архитектуру реальности — со своими идеями, логическими и сюжетными законами, уникальными отличительными символами, образами, ритуалами, доступными для массового восприятия, объединяющими вымысел и реальность и задающими конкретные эмоциональные и поведенческие реакции.

1.3. Праздники и культурные события как инструмент социокультурного моделирования этнополитической реальности

Праздничное торжество у всех народов мира с архаичных времен считалось украшением социальной действительности и проводилось преимущественно как веселое всенародное действо, циклично запускавшее возрождение и обновление мира, когда смена времен года давала новую жизнь и совершавшиеся при этом магические действия или ритуалы с помощью фольклора нормировали правила поведения, отношений людей, культивировали их ценности и традиции.

Как символы торжества социально-политического курса, праздники являются инструментами формирования общей религиозной, этнокультурной, языковой, гражданско-политической идентичности, которая способна конструировать на платформе символической политики, объединять людей, стимулировать солидарность целого этноса или группы народов в единую идейную общность, побуждая их к определенным политическим действиям. Синхронизация «символической», мифолого-ритуальной политики и комплекса идентичностей через систематическое воспроизведение дискурсивных практик: праздников, символических событий, памятных дат, устойчивых и определенных во времени, — становится эффективным способом конструирования моделей поведения общества. Как считает немецкий историк Я. Ассман, «праздники и обряды в регулярности своего повторения обеспечивают передачу и распространение знания, закрепляющего идентичность и тем самым воспроизведение культурной идентичности»[1]. Таким образом, обладая потенциалом коммуникативного феномена, праздники, как памятные даты в хронике истории, в том числе крупные победы на спортивных чемпионатах мира, позиции в рейтингах завоевания медалей на Олимпиадах, формируют консервативную или модернизированную версию политической реальности. При оперировании ценностными смыслами, формирующими архитектуру идейно-патриотических смыслов, важны позитивные месседжи, укрепляющие единство всех слоев и групп общества и государственность страны, ее признание в международном сообществе.

---

[1] Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольского. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 60.

А. Ф. Некрылова исходит из того, что «праздники национальные, этнические должны занять здесь свое место, обрести свою обдуманную, оправданную специфику, опирающуюся на традицию и степень сохранности народной культуры в конкретных местностях, слоях населения, в культурной памяти каждого народа. Надо учить население и приучать праздновать, ценить этническое своеобразие и воспринимать праздник как время творческое, дающее возможность проявить свою индивидуальность. Необходимо создавать не одноразовые, пусть и оригинальные, праздники, а выстраивать систему, предусматривающую иерархию праздников и обретение этническими, народными праздниками своего лица, с особой этикой поведения, ритуализацией, с локальными, этническими зрелищно-игровыми приемами, символами и особенностями-константами»[1].

Самобытные праздники — самая оригинальная, интересная, счастливая, познавательная часть истории, быта и культуры любого народа, отражающая его мировоззрение, образ и уклад жизни, собирательно отражающая его традиции и формирующая его национальную идентичность.

Наиболее распространены праздники, исторические корни возникновения которых уходят в глубь веков и несут на себе отпечаток памятных событий, судьбоносных решений, связанных с конкретным народом или имеющих общенациональное значение, раскрывают яркую палитру традиций того или иного этноса или всей нации.

Лейтмотив таких праздников состоит в том, что они имеют непреходящее значение, а в современных условиях еще более возрастает их значение, объединяющее людей в единую общность на основе принятия общих идей, воззрений, патриотических принципов, свода нравственных ценностей образцов поведения и т. д.

Праздничная культура является областью коллективного самораскрытия людей в свободных коммуникациях. Праздник занимает немаловажное место в общественном укладе и социальном поведении. Поэтому именно культура и его дух оказывают большое влияние на формирование позитивной установки на национальную идентичность. А. З. Негмати подчеркивает, что «праздники во все времена отражали общественное мировоззрение. В жизни каждого народа праздник занимает свое особое место. Примечательна весьма

---

[1] Некрылова А. Ф. Этнический праздник в современных условиях // Фольклор и этнокультурная идентичность : мат-лы IV Междунар. Школы молодых фольклористов / сост. Н. Н. Глазунова. СПб. : РИИИ, 2014. 184 с.

важная социологическая особенность праздников, заключающаяся в том, что народ здесь имеет удачную возможность раскрыть и творчески выразить себя как исторический субъект, непосредственно участвуя в празднествах»[1].

Известный философ культуры, религиовед, историк религий, этнограф и писатель с мировым именем Мирча Элиаде[2] утверждает, что праздники — это воспроизведение в настоящем какого-либо священного события, происходившего в мифическом прошлом, а участие людей в празднике являет собой некий «выход» за пределы обычной временной протяженности для восстановления мифического Времени.

Исследователь космогонических мифов, известный энциклопедист мифов народов мира, редкий специалист по индоевропейской культуре В. Н. Топоров писал: «Любой праздник, имеющий древние корни, совершается в максимально сакральное время и в сакральном месте, в максимально сакральной временной точке, то есть всегда разворачивается в начальном времени[3]. Именно реконструкция начального и священного времени, отбрасывающего цивилизованного человека к началу времен — рождению мира, погружающего его в этническое культурное пространство, как раз и отличает образ и модели поведения человека в дни праздника от его повседневного поведения.

В новейшее время политический миф выступает в качестве социального регулятора репрезентации политической идентификации в процессе восстановления исторической памяти и этнокультурной кодификации ее символов, «переписывания» страниц прошлого с позиции объективной необходимости современного политического заказа, конструирования тематических каналов коммуникации, мифо-сценариев вовлечения людей в единые общности в интересах политического доминирования. По мнению Д. И. Гигаури, «политика идентичности использует символические, информационные и коммуникативные ресурсы, позволяющие конструировать единое сообщество и формировать чувство общности и важности для всех политических задач, мобилизуя граждан на совместные действия. Политический миф создает когнитивную основу политической идентичности. Особую роль в закреплении и воспроизводстве идентичности

---

[1] Негмати А. Э. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков. Душанбе : Дониш, 1989. С.10.

[2] Элиаде Мирча. Священное и мирское. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 41.

[3] Топоров В. Н. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам // Этимология. 1972. М. : Наука, 1974. С. 69.

выполняет политический праздник как форма государственного ритуала»[1].

На современном этапе появление в календаре официальных дат новых праздников, с одной стороны, отображает закономерный ход истории, трансформации идеалов и ценностей, а с другой — является общественным узакониванием и нормированием сопряженных с ними обрядов и ритуалов и т. п. Так, появление российского государственного праздника — День народного единства — обращает современников-россиян к судьбоносному историческому событию 1612 года, когда перед лицом смертельной опасности произошло единение нашей державы и народным ополчением под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского была освобождена от польских интервентов Москва. Исторически через празднование этого поворотного события в отечественной истории, связанного с окончанием Смутного времени в России в XVII веке, проходят параллели, символизирующие сплочение и единение всего российского народа и его готовность объединиться в драматические периоды. Цикличность истории проявляется и в том, что освободительные войны — Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война 1941–1945 гг. — становились катализаторами внутренних ресурсов для созидания и консолидации народов России.

В новейшей истории День воссоединения Крыма с Россией также имеет знаково-символическое значение для формирования гражданской идентичности. Вхождение Республики Крым после результатов общенародного референдума в состав Российской Федерации, по мнению европейских политических кругов, не стало презумпцией прецедента, подобно отторжению Косово от Сербии, и отказ в праве на аналогию стал источником применения санкций против России со стороны США и ЕС. Запад на свой манер пытается конструировать политическую мифологию, совершенно не принимая во внимание историческую память, духовные связи двух братских народов, общие традиции, единые религиозные воззрения и т. д.

Политический миф и ритуал являются идейной основой для проведения публичной национальной политики формирования идентичности, которая, в свою очередь, выступает действенным инструментом конструирования коллективного мировоззрения через трансляцию мифологем. Через принимаемые совместно ритуалы и мифы люди обре-

---

[1] Гигаури Д. И. Политический миф и ритуал в структуре современной символической политики : автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. С. 16.

тают представления об истории, традициях или, напротив, оказываются во власти заблуждений в результате формирования осознанной или бессознательной коллективной идентичности.

1.4. Мифология в этнополитическом протесте

Процесс «изобретения традиций» в русле идей английского ученого Э. Хобсбаума всегда связан с институализацией, мифологизацией и ритуализацией. Введенное этим ученым в научный оборот понятие «изобретенная традиция» являет собой новую закономерность формализации и ритуализации, объясняя их как «совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение. Последнее автоматически предполагает преемственность во времени. И действительно, всюду, где это возможно, такие практики стараются обосновать свою связь с подходящим историческим периодом»[1].

При этом введенная в этнополитический оборот традиция, коррелирующая с современной реальностью, всегда синхронизируется с историческим наследием прошлого, несмотря на то, что эта связь носит условный, мифологический характер. Этнополитический праздник как символическая составляющая мифолого-ритуального действия, являясь пространством конструирования политической реальности, отражает ключевые стратегии реализации политики формирования идентичности, проведения результативной прямой и обратной коммуникационной связи с гражданским обществом, поскольку представляет собой коммуникационный инструмент репрезентации образов и мифологем в контексте публичной национальной политики. Также его основной функцией становится закрепление и тиражирование социально значимых для гражданской коллективной идентичности всего общества управляемых событий.

Этим явлениям есть подтверждения, связанные с распадом СССР, образованием на постсоветском пространстве новых государств Восточной Европы. В конце XX в. происходило бурное развенчание социалистических идеалов, запускались процессы ревизии исторически достоверных событий, усиливались религиозные и националистические течения, возникали разные амплитуды роста и падения регионального

[1] Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). С. 48.

сепаратизма. Гражданское общество должно научиться защищать себя от интоксикации фальсифицированными продуктами истории. В этом, на наш взгляд, состоит убеждение в том, что изъятие историко-культурных стержней из отечественных или национальных культур приведет к их замещению искусственно изобретенной политической мифологией, искажающей современные межнациональные отношения. Модернизация мифологий, когда традиционные начала подменяются политическими течениями, сформированными под идеологическим влиянием псевдо-историй, никогда не приведет к развитому гражданскому обществу — устойчивой на века цивилизации.

Вместе с тем, во многих бывших социалистических странах демонстративно уничтожались символы советской эпохи, которые замещались новыми памятниками, кинофильмами, книгами, контентом социальных сетей, фестивалями, наполненными новыми этнополитическими смыслами.

Однако на геополитическом евразийском пространстве и сегодня происходят искажения в восприятии мира этнической культуры. Они являются попыткой переосмыслить древние пласты цивилизации и через призму современной действительности интерпретировать мифы и фольклор, преломляя их через социальные коммуникации. Безусловно, побочным эффектом можно считать утрату влияния традиционных начал культуры, как и ее оскудение, утрату исторической достоверности, ее универсализацию и вестернизацию по матрицам глобальных культур, растворяющих национальный колорит в ущерб этнической самобытности.

В то же время разрушение мифологических оснований мифов со всем их этнокультурным базисом социокультурного феномена приводит к замещению традиционных оснований на глобальные, универсальные для всех ценности, нередко агрессивно навязываемые масс-медиа культурой. В этой связи, как отмечают И. В. Никитина и Н. В. Виницкая, «через систему мультимедиа эта отчужденная и превращенная форма культуры, стереотипы которой выдаются за общечеловеческие ценности, навязываются всем народам мира в качестве единого стандарта, чем нарушается главный закон функционирования и развития культуры как измерения социокультурной системы: национальная самобытность как результат ориентации социокультурного типа на менталитет каждого народа или группы духовно родственных народов, проживающих в едином обществе»[1].

---

[1] Никитина И. В., Виницкая Н. В. Миф, эстетическое и художественное как источники духовности. Бийск : АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2018. С. 417.

Интеграция традиционных форм общественного уклада и заимствованных форм политического волеизъявления приводит к использованию исторических форм в современной архитектуре протеста. Как показывают срезы этнополитической ситуации в постсоветских странах, многие «цветные революции» получали идейное основание — обращение к архаичным пластам коллективной памяти, когда происходит манипулирование поведением целых общностей через обращение к мифам, фольклору, хронологическим всплескам прошлого, и их архитекторы «пытаются освятить собственную теперешнюю идентичность. Через память, наследие, юбилеи, исторические празднества утверждаются и переосмысляются ключевые координаты осознания себя как общности»[1].

Последние десятилетия XX — начала XXI веков были ознаменованы заметными межэтническими катаклизмами, сыгравшими драматическую роль на территориях Восточной Европы, Балтии, Центральной Азии и Украины. Они во многом связаны с изменением этнополитической полярности, разрывами межэтнических и хозяйственных связей отраслей экономики и т. д. Эти годы были отмечены драматическими потрясениями, которые сопровождались усилением национально-сепаратистских тенденций, лингвистических преобразований, еще более обострившихся проблемы поиска этнокультурной идентичности.

Историческое прошлое часто синтезируется с новой, искусственно состаренной традицией, но, благодаря произведенному апгрейду, приобретает совершенно иное этнополитическое звучание. Преемственность событий, выстраивание ассоциативных связей между культурными пластами прошлого и современности, обращение к эпическому наследию, исторической памяти о героических фигурах, изречениям выдающихся личностей становятся инструментами управления социальной реальностью. Специфика «изобретенных» традиций состоит в том, что их связь с историческим прошлым по большей части синтезирована из фрагментов исторических страниц, и этот прием распространен в этнополитике постсоветского периода, когда комбинируются достоверные и фальсифицированные события, факты, в свете которых издается научная и художественная литература, в кинопрокат выходят пропагандистские фильмы.

В. Х. Сахибгоряев, С. В. Котов, А. В. Понеделков, рассматривая аксиологическую парадигму «цветных революций» на евразийском про-

---

[1] Рождественская Е., Семенова В. Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. № 6. С. 027–028.

странстве, подчеркивают их иррациональные смыслы, обращающие сообщества к искаженным абстракциям мифов и легенд, вычлененным цитатам и призывам, реконструированным радикальным идеям на современном культурном ландшафте. В результате вкрапление фальсифицированных компонентов в этнокультурные доминанты провоцирует возникновение деструктивных националистических реакций, обращая людей к разрушительному видению действительности. Любое осознание собственного этнического превосходства с его доведением до состояния абсурда и отрицанием культуры многонационального диалога всегда приводит к росту конфликтной мобилизации. В частности, на примере Украины, где, как указывают ученые, «синкретическая, многослойная, в какой-то степени агрессивная мифология «постреволюционной Украины» едва ли имеет отношение к аутентичному отражению сути событий прошлого и настоящего, однако она имеет непосредственное отношение к реальности. Она формирует «твердую породу» национального сознания, претендует на определение векторов будущего культурного движения целого народа, способствует «культурной интеграции», «воображаемому единству»[1].

Известный российский исследователь «цветных» революций» А. В. Манойло емко определил сущность «цветных» революций, которые не есть «мягкая», гуманитарная сила, укрепляющая демократические институты, а фактически «инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских образцов незападными странами, которые имеют признаки имитационности. Можно утверждать, что американцы не только создали модель демократического устройства государства, ориентированную «на экспорт», но и позаботились о создании специальных инструментов, предназначенных для ее слома и демонтажа, если в этом вдруг возникнет необходимость. В современном мире такими инструментами, играющими роль своеобразных отмычек для взлома политических режимов западного либерального типа, являются технологии цветных революций»[2]. Под системой противодействия «цветным революциям» автор понимает совокупность субъектов противодействия «цветным революциям»

---

[1] Сахибгоряев В. Х., Котов С. В., Понеделков А. В. Имагинативная природа феноменологии «оранжевой революции» на Украине// Власть. 2016. № 10. С. 203.

[2] Манойло А. В. Проблемы демонтажа политических режимов в современном мире [Электронный ресурс]. URL: http://nic-pnb.ru/articles/problemy-demontazha-politicheskix-rezhimov-v-sovremennom-mire/ (дата обращения: 18.08.2020).

и нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность по выявлению, предупреждению (профилактике), пресечению, раскрытию и расследованию деятельности, направленной на свержение легитимного государственного аппарата, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений «цветных революции».

Доказательная практика свершившихся «цветных» революций позволяет раскрыть формулу успеха их архитекторов, придерживающихся определенных алгоритмов подготовки и планирования технологического цикла, от замысла до результативной реализации сценария.

Выработка системы противодействия «цветным» революциям предполагает проведение системного анализа тенденций от стадии их возникновения до их развертывания, а также последствий, которые наносят ущерб духовной безопасности страны. Рассмотрев всплеск «цветных» революций «арабской весны» и известных событий Майдана на Украине, рост протестных настроений и действий в Белоруссии, экологические и политические протесты в ряде российских регионов, мы видим, что мобилизация протестного потенциала происходит вопреки экономическому благополучию, общественной стабильности. Иначе говоря, в основе протестов лежат иррациональные смыслы и политические мифы, что целесообразно учитывать при профессиональном выборе политических технологий противодействия конфликтам.

Как видим, современная история наглядно показывает, что «наиболее отчетливо легитимирующая функция мифа проявляется в ходе национально-государственного строительства, позволяя презентовать националистические претензии как логику истории. Тем самым анахронизмы используются для обоснования современных политических целей. Еще одно проявление легитимирующей функции мифа — мифологизация войн как сакрализация массовой жертвенности прошлых поколений, «взывающих» о самопожертвовании во имя страны (а по сути, в интересах существующего политического режима) к современным поколениям»[1].

А. В. Савиных, исследуя инструментальный характер управления межэтническими процессами в цивилизационных общностях европейского социума, отмечает «немаловажную роль в определении качества этнополитики того или иного государства играет культурная политика по отношению к этническим меньшинствам. И здесь возможны две взаимно не исключающие стратегии: сохранение и развитие культурного

[1] Мусихин Г. И. Политический миф как разновидность политической символизации // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 109.

наследия, придание культурным кодам и символам государственного статуса. В первом случае позитивные результаты политики бережного отношения к культурному наследию миноритарных этносов не решают проблемы маргинализации самой их культуры, в том числе придания ей фольклорных очертаний. Во втором случае происходит качественно более высокое признание культуры этноса, в основном через повышение статуса языка миноритарных этнических групп до государственного или официального»[1].

Таким образом, нарушается объективация действительности, когда современные этнополитические константы берут на вооружение отдельные страницы истории, фрагменты мифологической картины, игнорируя конкретные исторические координаты, события, смыслы, объективность и достоверность, подмененные изобретенными фальсифицированными представлениями. В итоге молодое поколение обращается к чуждым радикальным идеям, и для участников «цветных» революций виртуализация сознания, подпитываемая искусственной природой сконструированного мифа, становится более реалистичной данностью, подменяющей действительный порядок вещей, достоверность истории, истинность событий и процессов. Как показывает ситуация, в качестве движущей силы конфликтной мобилизации в странах постсоветского пространства выступает поколение Z, для которого характерна сетевая реальность и которое по изготовленным извне матрицам политического конфликта для стран евразийского пространства пытается построить свое будущее.

Архитектура «цветных» революций основывается на логике иррациональных конфликтов, мифо-ритуальных сюжетах и вырванных из исторических контекстов части хроник прошлых столетий, разжигании вражды и ненависти, этнополитических амбиций, получающих часто выражение в форме экстремистского поведения. Фактически, эти явления диаметрально противоположны, поскольку разновидность политической мифологии имеет преимущественно дело не с личностным «Я», а с коллективным бессознательным, провоцируя массы людей на протестное самовыражение. Кодификация мифолого-ритуальных воззрений, формирующая болезненные переживания за будущее страны, основывается на манипулировании общественным сознанием, в результате чего упрощаются подходы управления толпами людей на основе архетипов и мифологем. Это приводит к поражению демо-

[1] Савинов А. В. Идеи европейской этнополитики: реалии и перспективы // Идеи и идеалы. 2013. № 1 (15). С. 135–136.

кратического общества — отказу от демократичности, цензуре слова, установлению диктата меньшинства, появлению новых «вождей», реконструкции националистических символов, фальсификации истории, фильтрации инакомыслящих, люстрации по политическим мотивам, образованию отрядов «чистильщиков» истории, милитаристских групп и т. д.

Конструирование современных реальностей связано с интерпретациями «прогрессивными движениями» исторической ленты, мифологического и фольклорного наследия, как бы лимитирующими нормы, правила, модели поведения, которые еще несколько лет назад казались немыслимыми. Во многом стратегия по управлению реальностью как технология манипулирования общественным мнением получила свое развертывание еще в 90-х годах прошлого века и получила свое название — окно Овертона, по имени основоположника этого дискурса измерения свободы.

Согласно модели Овертона, для каждого отрезка времени характерны идеи, нормирующие жизнь общества, образуя точку отсчета для его развития в определенный исторический период, в то время как остальные идеи, даже самые парадоксальные или фантастические, находясь на периферии общественных смыслов, могут входить в диапазон допустимых либо исключаются как неприемлемые. Однако даже такой условный или отложенный статус может с течением времени радикально повлиять на формирование цивилизационного уклада, изменить ход истории, мировоззрение целого народа, привести к появлению идеологических догм или неприкасаемых правил общества, меняющих действительность, как минимум, для одного поколения. Исходя из этого подхода, американский неоконсерватор Джошуа Тревиньо предложил для оценки допустимости идей шестиступенчатую шкалу: немыслимые, радикальные, приемлемые, разумные, стандартные, действующая норма. Подобные изменения нередко или отрицают нормы морали, либо, обращаясь к мифологии, архаичным образам прошлого, конструируют и декларируют на их основе новые идеологии.

В восприятии архитекторов геополитической картины мира фабрики и обсерватории, имеющие статус неправительственных институтов и активно распространяющие массивы фальсифицированной информации, возводящие в ранг истины абсолютную ложь, считаются самыми деятельными институтами внешней политики, особенно в рамках сетецентрических информационных войн. Впоследствии они могут разоблачаться, но, когда результаты внешнего воздействия достигнуты, любые опровержения не получают дальнейшего серьезного хода в ми-

ровых масс-медиа, а также политического осуждения основными игроками мировой политики, в частности, группы G7.

Овертон утверждал, что исключительно общественное мнение является решающим фактором формирования идейных предпочтений публично избираемых политиков, а не их личные убеждения и взгляды. Фиксация новых идей в политике нередко оказывается лишь реконструкцией мифологем, которые транслируются с помощью коммуникационных технологий, а их воздействие на идентичности, мировоззрения и меняющуюся культуру общества могут формировать радикальные взгляды абсолютно на любые явления. Поэтому если в так называемом «окне» оказываются конкретные идеи на почве борьбы с мнимым расовым превосходством, гендерным неравенством или же пропагандируется распространение ценностей свободных отношений, создания «зеленого» коридора для мигрантов, то они становятся акторами глобального влияния, и любые альтернативные точки зрения отвергаются не самым демократичным образом.

Проекция постмодернизма в этнополитическом пространстве обращена к мифу, где истинное и действительное, и изобретенное и воображаемое фактически не конфликтуют друг с другом, а обогащают ценностями на стыке реального и виртуального, в котором мышление поколения Z являет собой новую социальную парадигму «homo virtualis», с характерными символами, фреймами и мемами, образующими цифровой эквивалент мифологической реальности. Мифы, представляя собой универсальные источники интерпретации современных феноменов действительности, имеют нейтральную идейно-содержательную основу формирования национальной идентичности, которая может сложиться или как моноэтнический продукт и даже дать стимул для роста национализма, или как социокультурный конструкт воспитания человека в духе диалога культур. Поэтому мифы, к примеру, славянские или скандинавские, их образы, эмблемы и символы часто находятся в спектре внимания и отражаются в дизайне идеологий, действий молодежных сообществ, в том числе склонных к радикальному самовыражению. Такая реконструкция мифологии вызвана объективными факторами — миграционными процессами, расовыми предрассудками, рисками сепаратизма и национализма.

В последние десятилетия не только в странах постсоветского пространства, но и Европы в новой геополитической конфигурации обозначился новый вызов роста языкового и этнического национализма, связанного с историческими реконструкциями, поиском привилегий для коренных этносов, ответом на миграционные процессы. Ввиду этого раз-

мывание ценностей, исчезновение традиционных праздников, диалектов, снижение роли родных языков коренных народов в системе общественных коммуникаций, дезориентация в выборе нравственных координат, унификация моделей социального поведения приводит к росту протестного настроения и интереса к проблемам этнокультурной идентичности.

Как уже отмечалось выше, одновременное воздействие тенденций глобализации и регионализации на организацию этнокультурной сферы жизни общества приводит к парадоксам многокультурности. В частности, современные миграционные волны становятся новым вызовом для культур и идентичностей коренных народов, оказывают определенное воздействие на формирование культурного ландшафта страны прибытия беженцев и выходцев из бедных стран, что приводит к нивелированию границ между народами и культурами. В этих условиях все более заметным становится стремление народов к сохранению своей культуры в широкой палитре этнокультурного многообразия, поиска места в современном мире. Безусловно, в мультикультурных сообществах, где высоки миграционные перемещения, оправдана точка зрения, согласно которой разрыв традиционной связи с родным языком и национальной культурой создает большой риск для полной утраты этнической идентичности.

Множественность изобретенных миров, получивших воплощение в художественной литературе в жанрах фэнтези, а также анимации, комиксах и косплее, компьютерных играх, сопряжена с многообразием мистических сюжетных, языковых и смысловых конструкций легенд и мифов. Обращение к фольклорным персонажам, использование языка пиктограмм и иероглифических символов, элементов культурных традиций разных эпох и частей света позволяет максимально красочно синкретично совместить воображаемое с реальным. Новейшая культура общественных коммуникаций в определенной степени сделала мифы идеологическим оружием в конкурентной борьбе за влияние на сознание, мировоззрение и поведение людей.

Среди причин политического мифотворчества, на наш взгляд, следует выделить следующие:

1) историю делают политики, ученые, знаменитости, которые вынуждены следовать определенным культурологическим и этнополитическим традициям и заниматься мифотворчеством в интересах управления общественным мнением;

2) мифам свойственны географические локации, на пространствах которых происходит генерация этнополитических истин, характерных для конкретной культурно-исторической эпохи;

3) символы мифов служат инструментом распознавания и этнической идентификации, определения «свой — чужой»;

4) этнос в той же степени свободен от мифа, в какой человек свободен от общества, поскольку его генезис определяют психологические контексты: потребность в воображении, генерации нового, следовании идеалам, испытании психики, склонность к воображению и фантазиям;

5) мифы не дают абсолютного знания, реалистичности, исторической достоверности в хронике прошлых веков, но они учат абстрагированию, развивают воображение, раскрывают культурные горизонты, служат личностному самоопределению человека, коллективной идентификации;

6) различные политические силы полагаются на мифологию в своих программных заявлениях, поскольку абстрагированные категории мифа несут мощный заряд воодушевляющего патриотизма через простые и доступные всем объяснения и задействуют большие пассионарно настроенные целевые аудитории, но, однако, не передают конкретики достигаемых целей. По мнению С. Ю. Неклюдова, «миф доказал свою необыкновенную живучесть, неустранимость из глубинных структур человеческого мышления и высокий адаптационный потенциал: научные понятия наполняются в повседневности мифологическим смыслом или, наоборот, нечто экзотическое получает квазинаучное объяснение»[1].

Восстановление геополитических преимуществ России на евразийском пространстве и ее уверенная демонстрация своей приверженности традиционным ценностям, способность отстаивать суверенитет, активное участие в формировании многополярных центров мира и институтов безопасности, оказавшиеся неожиданными и неприемлемыми для США, являются в определенной степени обращением к патриотическим началам, в основе которых лежат мифы о российской государственности: фреймы прошлого: «Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать» — тезис теории старца Филофея (ок. 1465–1542), формула триады графа С. С. Уварова «Самодержавие. Православие. Народность». Яркий образец политического мифа в России, освященного византийской имперской традицией, — божественная природа царской власти, придававшая ей сакральную легитимность в восприятии всех слоев общества, но разрушившийся после Октябрьской революции. Отметим, что во многих государствах прошлого, правление властных

---

[1] Неклюдов С. Ю. Структура и функции мифа // Современная российская мифология : сб. статей. М. : РГГУ, 2005. С. 17.

институтов которых было освящено религией, преобладала следующая установка: «Идея прямой связи правителя с миром богов в условиях религиозно-мифологического мышления всего общества — необходимый ресурс государственного управления»[1].

В советский период главной стала идея строительства светлого будущего советского народа как единой социалистической общности. На постсоветском пространстве с 90-х годов прошлого века начали преобладать идеи евразийства и политического самоопределения новообразованных государств, взявшие на себя доминантную роль в самых разных идеологиях.

Даже для национальных республик Российской Федерации в конце XX — начале XXI вв. концептуальным политическим мифом длительное время являлся миф обретения независимости, суверенитета, гипертрофированного политического самоопределения, который уже через четверть века развития российского федерализма практически исчерпал свой потенциал, ресурсно-идейную базу. Реализация крупнейших по своему масштабу национальных проектов, наряду с ростом российской общегражданской идентичности и вкупе с дискредитацией экстремистски настроенных сообществ, привели к утрате привлекательности идей суверенизации для большинства жителей регионов, включая национальные республики. Очевидно, что обновление Конституции России позволило объединить традиционные начала, направить усилия государства на всемерную поддержку самобытных культур и родных языков, всецело гарантировать их сохранение в будущем.

Несмотря на кардинальную смену государственных институтов правления и политических идеологий, изменения дизайна управления, подходы к решению принципиальных задач просвещения, национально-культурного строительства могут сохраняться без принципиальных изменений достаточно долгое время. Мы солидарны с точкой зрения И. Илишева в том, что «во многих странах основы внутреннего законодательства были разработаны многие десятки, а то и сотни лет назад, и не могли не прийти в противоречие с современными нормами международного права, определяющими ныне права человека и народов. Поэтому во многих государствах назрела необходимость осуществления конституционных и законодательных реформ для того, чтобы отразить изменения, происшедшие в подходах мирового сообщества к указанным пра-

---

[1] Политическая мифология [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/uplfile/histan/kruglye_stoly_pdf/Politicheskaya_mifologiya_%E2%84%962%2848%29,_2012.pdf (дата обращения: 12.08.2020).

вам. Законодательные акты могут быть также направлены на решение специфических проблем коренных народов»[1]. Не случайно трансформация правового поля вследствие внесения изменений в Конституцию Российской Федерации приобретает первостепенное значение.

Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» предусматривает «создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций»[2].

Архитектура управления межнациональными и межконфессиональными отношениями по линейно-горизонтальному и вертикальному уровням включает Совет по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации и Федеральное агентство по делам национальностей, Советы по межнациональным вопросам и межконфессиональным отношениям. На региональном уровне участие в их работе представителей организаций национальных диаспор, содружество которых под эгидой Домов дружбы народов, ассамблей и съездов, гильдий и иных собраний позволяет гармонизировать сферу межнациональных отношений и не допустить рисков возникновения конфликтов на почве межэтнических коммуникаций.

Традиционным началам в укладе многих государств противостоят так называемые псевдо-ценности свободы абсолютно от всего, подчиняющие всеобщему универсализму любые формы непохожести на общечеловеческие принципы, с которыми иностранные эрзацы демократий нивелируют любое проявления самобытности и независимого поведения. В частности, инспирация в разных точках мира «цветных» революций показывает, что развитые страны не одержимы демократическим альтруизмом построить процветающий мир во всех уголках планеты, и мифотворчество западного превосходства над многополярным миром порождает свои геополитические издержки, экономические санкции и гуманитарные катастрофы. Создание зоны стратегических интересов в странах, обладающих основными запасами минерально-сырьевых ресурсов или имеющих выгодное геополитическое положение, происходит через формирование неоколониальной политики.

---

[1] Илишев И. Г. Языковые права народов в европейском измерении: опыт государств-членов ОБСЕ. Уфа : Гилем, 2002. С. 67.

[2] Указ о национальных целях развития России до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/63728 (дата обращения: 04.08.2020).

Тиражирование «цветных» революций проецируется преимущественно на страны, ресурсный потенциал которых открывает новые возможности транснациональным корпорациям, создает преференциальные условия разработки и экспорта углеводородов, руды драгоценных металлов, фактически изымаемые за бесценок как военный трофей, и т. д.

Обладая исключительно развитыми культурами с многотысячелетней историей и соизмеряя традиционную логику развития своих народов с глобальными цивилизационными процессами, теократические страны — Тунис, Египет, Бахрейн, Йемен, Ливия и Сирия — имеют богатейшие залежи углеводородных ресурсов, а их территории представляют геополитическое и геоэкономическое значение в этом обширном регионе. Периодические западные «крестовые походы» на Восток, не имеющие легитимность с позиций ООН, нацелены на ускорение политических изменений на азиатском направлении и экспорт демократий с подменой национальных ценностей на мифические идеалы.

В геополитическом смысле ненасильственные «цветные» революции в виде тиражирования демократических мифов и общечеловеческих ценностей — это высокоточное оружие гуманитарной интервенции, применение которого совершенно не требует обязательного согласования с ООН. Они представляют собой основной инструмент косвенного и, в определенных случаях, прямого воздействия на ослабленную внутренними конфликтами страну для осуществления государственного переворота, приведения к власти марионеточных и часто сменяемых правительств, последующего достижения геополитических преимуществ, завоевания доступа к ресурсам, создания условий, ограничивающих политическую и экономическую самостоятельность. В то же время деструктивную роль в сокращении влияния на развитие этнической мифологии может сыграть противопоставление национальных и общечеловеческих ценностей, столкновение различных национально-патриотических и религиозных парадигм, которых придерживаются различные политические группы, диаспоры, общины и т. п.

Алгоритм протестных настроений, апофеозом нарастания которых становятся «цветные революции», реализуется по следующей схеме: «происходит смена сакральной зоны: общество снимает защиту со своих прошлых «богов» — разворачивается критика, которая расчищает место для «богов» новых; новая сакральность воплощается в точном отборе символов: происходит смена названий городов, улиц, замена памятников и т. п.; как результат предыдущих этапов осуществляется смена зоны агрессии: общество меняет иерархию в системе «друг-враг»;

старые тексты теряют свою актуальность; производится большое количество новых идеологических текстов, призванных обосновать смену политических декораций; на политическую сцену выходят специалисты по вербализации реальности — журналисты, писатели, ученые; символические процессы, кажущиеся неуправляемыми, на самом деле четко направлены к определенной цели»[1].

«Цветные революции», несмотря на то, что они идеологически опираются на местные мифологии, представляют собой экспорт зарубежных технологий мобилизации протеста, по сути информационного оружия геополитического влияния. В частности, на развитом Западе «ястребы» не хотят мириться со снижением своего неоколониального господства в странах Азии, где складывается система противовесов, защищающих их менталитет, право на собственное саморазвитие в цивилизованном мире.

Ни одна из просвещенных демократий не готова поделиться суверенитетом и, несмотря на широкое распространение различных субкультур, идейных течений, рост протестных настроений жестко преследует сторонников трансформаций собственных политических укладов, расправляясь с инакомыслящими и периодически бездоказательно заявляя о вмешательствах в их внутренние дела. К примеру, на обезличенную толпу молодых людей, громящих магазины, поджигающих автомобили, заставляющих людей белой расы преклонять колени перед портретом Джорджа Флойда — новой иконой борьбы за права афроамериканцев и скандирующих «Жизни черных имеют значение» как на подготовленную матрицу, могут накладываться любые деструктивные политические клише. Тем не менее, подобные системные протесты, возглавляемые, в том числе, яркими представителями политических партий и даже отдельных институтов власти, не выходят за рамки собственных представлений о свободе и не несут никаких последствий для территориальной целостности.

В настоящее время во всем мире происходит санация культуры через политическую мифологию — развенчиваются мифы о столпах истории, свергаются с пьедестала памятники знаковым фигурам, через столетия обвиненным в колониальной политике и иных преступлениях против гуманности. Так, с площадей и постаментов в национальных музеях, библиотеках и дворцах культуры США сносятся памятники, имеющие от-

---

[1] Князева М. И., Фадеева Н. И., Холкин И. Н. Информационное пространство социокультурной идентичности [Электронный ресурс]. URL: www.isiksp.ru/library/knyazeva_mm/ knyazeva-000004.html (дата обращения: 26.08.2020).

ношение к периоду зарождения демократии, сложного характера взаимодействия европеоидного населения с коренными народами Северной Америки. Апелляция к проблематике угнетения народов Африки запускает новую этнополитическую мифологию — обратного превосходства, когда на теме расизма доминанты культуры толерантности порождают новые искусственные стереотипы, любое отклонение от которых приводит к крушению устоявшихся гражданских правил общественного поведения и формированию новой семантической реальности.

Количественный рост движений и течений, представляющих собой фактически самостоятельные институты гражданского общества, легитимирующих, а впоследствии законодательно закрепляющих свое отличие от исторически установленных и признанных обществом иерархий ценностей и норм и требующих признания и уважения к своему праву на их публичное выражение, означает фактическое распространение культуры этнических диаспор, гендерных групп и иных субкультур в форматах, нередко входящих в противоречие с тенденциями, доминировавшими многие века на Евразийском континенте. Зафиксированный после Второй мировой войны свод ценностей, осуждавший фашизм, «коричневую чуму», национализм, любые формы расовой и этнической сегрегации, на основе которого строились эталонные социальные и политические теории, в настоящее время испытывает прессинг современных идей и форм самовыражения и уже не является догматическим аргументом для некоторых социальных групп молодого поколения.

В результате глобальных трансформаций в мире наблюдается сегрегация общества: в ряде развитых стран за последние десятилетия произошла градация общества на классы по имущественному, социальному, образовательному, технологическому цензу, когда достижение успеха для одних сделало это немыслимым для немалой части населения. Культ толерантности как дань политкорректности не избавил некоторые социумы гражданского общества от политических мифов о своем превосходстве. Нарастающее этносоциальное напряжение в конгломерате субкультур, этносов, диаспор, демонстрирующих совершенно разные модели поведения, приводит к когнитивному диссонансу, из-за чего искажаются понятия свободы личности, идеи, воззрения, ценности, поведенческие и эмоциональные реакции, вызывающие общественные волнения, многотысячную волну протестов.

Однако условно называемый «клуб развитых стран» не считается с правом многих государств на формирование собственной государственности, поскольку на их территориях сконцентрированы мине-

рально-сырьевые богатства, представляющие интерес для их экономик, а природные ландшафты подходят для геополитического позиционирования и достижения военного превосходства.

Таким образом, области политической и геополитической мифологии как многомерные понятия представляют собой поле символического и идейного противоборства.

1.5. Мифологические мотивы в этнополитическом дизайне

Этнополитический дизайн культурных ландшафтов стран постсоветского пространства за последние десятилетия значительно усложнился, что вызвано территориально-политическими обособлениями и развитием процессов культурного самоопределения, в свою очередь потребовавших возрождения мифов в изменившихся условиях.

В последние десятилетия понятия «проектирование», «конструирование», «моделирование», относившиеся ранее исключительно к техническим наукам, стали неотъемлемой частью социальной инженерии и вывели в орбиту технологического творчества совершенно новое понятие — «политический дизайн». Переход от формализации и стандартизации к креативной функциональности идейно-идеологических систем растянулся в пространстве и времени, однако в настоящее время политический дизайн позволит значительно расширить представления и модернизировать, казалось бы, консервативные движения, и заявить об этом устойчивом явлении в прикладных науках как «о синкретичном виде творческой деятельности, основная цель которой — функциональная организация внешней среды, в том числе предметной, коммуникативной, политической и т. д.»[1].

Так, Д. В. Нежданов в основе концептуализации термина «политический дизайн» усматривает не только визуальные или репрезентационные характеристики продвигаемого политического продукта, но и структурно-функциональные и композиционные свойства, придающие устойчивость политическим брендам, идеям, расширяющим арсенал политических партий: «Формирование брендов политических институтов (государств, межгосударственных объединений, отдельных органов государственного и муниципального управления, партий, парламентов и др.), работающих на различных политических рынках, предполагает профессиональную дизайнерскую практику, с одной стороны, направ-

[1] Волкова В. В. Дизайн рекламы. М. : Университет, 1999. С. 23.

ленную на создание публичного дискурса политического институционального бренда, а с другой — представляющую собой деятельность по развитию внутриинституционального (непубличного) дискурса»[1].

Конструирование новейших социально-политических мифологий предполагает необходимость применения методов политического дизайна как продукта проектирования, концентрирования и сопряжения коммуникационных связей между историческим наследием и процессами его реконструкции в современных контекстах.

Дискурс политической мифологии: эпос — эпические герои — завоевания прошлого + политическая модификация + ресурсы мобилизованной этничности = возрождение легенд и их реконструкция в новейших культурно-исторических контекстах.

Архитектура национальных кодифицированных идеологий отражает разные точки зрения понимания природы нации, выраженных в следующих интерпретациях политического и этноконфессионального дизайна:

– аврамическая религиозная традиция, свойственная народам — носителям иудейского, христианского и исламского мировоззрения, оказывающих влияние на развитие национальных культур и политические процессы;

– коллективная солидаризация граждан на основе единых и объединяющих всех идей формирования демократического гражданского общества;

– отражение этнических свойств национального духа, подкрепляемого мифами, культурными нормами, символами как культурного наследия предков;

– надэтнический культурный плюрализм как основа единого коммуникационного мультикультурного пространства, вбирающего в себя не только этнокультурное своеобразие народов — выходцев из разных европейских и азиатских стран, но и разнообразие жизненных стилей, ритуалов, ценностей, манер поведения;

– образования этнополитической центристской общности, возникновение которой инспирировано драматическими событиями, «цветными революциями», массовыми протестами, инцидентами нарушения прав и свобод человека и целых народов, появлением независимых национальных общественных движений, экономическими, экологическими, политическими кризисами, ростом запросов на справедливость.

---

[1] Нежданов Д. В. Политический дизайн как инструмент политической борьбы // Политология. 2011. № 10. С. 98.

Все эти интерпретации и их проявления не существуют изолированно, в отдельности друг от друга, поскольку они в значительной степени взаимозависимы и взаимообусловлены и имеют разные степени амплитуды проявления в зависимости от складывающейся политической ситуации в стране и в мире.

Легендарные имена прошлого, политические действия которых по прошествии десятилетий и даже столетий могут интерпретироваться с диаметральных точек зрения, нередко становятся частью персонифицированных партийных брендов, и, по сути, как и любое обращение к национальным архетипам и символическому языку, подтверждающим уникальность этнополитического продукта, отражают маркетинговый ход завоевания собственного превосходства на политическом пространстве. Образы прошлого в этом смысле, бесспорно, имеют преимущества, поскольку они, вызывая определенную реакцию общественного сознания, через разные каналы коммуникации передают массам священность, сакральный смысл и сообщают индивидуумам личную сопричастность к событиям происходящего, порождая новую политическую мифологию. К примеру, благодаря такому политическому дизайну придают условную легитимность действиям различных общественных движений, даже если они расходятся с правовыми оценками.

Выводы по I главе

1. Архаический (традиционный) миф является матрицей для формирования мифа политического, этнокультурный код которого формирует множественные идентичности и влияет на конструирование современной политической реальности.

2. В человеческом мировоззрении мифы преломляются через набор идентичностей, вбирающих архетипический опыт, коммуникационные практики, опыт социальных взаимодействий, историческую память. Политический миф формируется совместно с комбинацией магических сюжетов и фреймов, мемов и образов, позиционированием их смыслов в мифоритуальных практиках.

3. Знаковая система символов и образов, исходящих из мифологических контекстов — семантических, художественных, вербальных, пиктографических, а также мемы и фреймы образуют политический дизайн продвижения конкретной идеологии. Кроме того, эта система обладает также потенциалом мгновенной мобилизации ресурсов этничности и трансляции этнополитических смыслов, эмоциональных

переживаний, типичных образцов социального поведения. Инструментальные свойства современного политического мифа используются архитекторами политических пространств, в том числе политическими партиями, в интересах управления общественным мнением и развития институтов гражданского общества.

4. Этнополитическая генеральная идея реконструкции политической мифологии возрождает и кристаллизует в современной действительности национальные архетипы, образы, традиции, формирует символьное пространство.

5. Политический миф, выполняя функцию реконструкции традиционной «картины мира», обращается к этнокультурным мотивам и исторической памяти, среди которых в качестве доминантных выделяются мотивы будущего нации, государства, поиска судьбоносных траекторий развития в глобальном мире.

6. Мифологизация сознания и поведения современного человека приводит к принятию мифотворчества как данности политической реальности, включая, в том числе, обстоятельство «диктата меньшинства» — влияния пассионариев на развитие всего гражданского общества. Ввиду этого на постсоветском пространстве проявляется совершенно новый этнополитический феномен, который возможно назвать как «мифологический радикализм». Это явление приобретает силу опасной тенденции современного мира, когда политические мифологии начинают подменять правовые регуляторы, выдвигая в качестве догмы правила социального поведения, обусловленные современным мифотворчеством. В результате не только в странах Восточной Европы, но и Азии за последние два-три десятилетия происходили «цветные революции», ставшие, в том числе, результатом мифологизации общественного сознания, конфликтной мобилизации ресурсов этничности и т. д.

7. В связи с этим констатируем, что формирование общего политического пространства, включая компоненту партийного строительства, представляет собой многомерную конструкторскую, дизайнерскую, художественно-технологическую, мифолого-реконструкционную, коммуникационно-сетецентрическую деятельность, направленную в своем композиционном единстве на максимальное завоевание доверия электората, достижение превосходства в свободной конкуренции ценностей, идеалов и политических идей.

Глава II
ЕДИНСТВО ФОЛЬКЛОРА И МИФА В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

2.1. Классификатор подходов исследования мифологии

Анализ многомерного культурного ландшафта является основой для процессов формирования национальной идентичности. Идентичность этнических начал, проявляющаяся в орнаменте, мифологии, фольклорных мотивах, различных видах искусства, народных обрядах и других проявлениях традиционной культуры, свидетельствует о том, что все фрагменты истории человечества являются частями единого целого общечеловеческого духовного наследия, имеющего общие исторические корни.

Изучение мифологии началось в XVIII веке, но системно, на научно-методологической основе — только с начала XIX столетия. Предложенную классификацию В. Вундта, который подвел итоги этой работы в начале XX в., выделив основные теории мифологии, без сомнения, необходимо расширить с учетом появления новейших технологий, уровня развития цивилизации, изменений в демографической и миграционной картине мира, сочетаний традиционной и политической мифологии. С нашей точки зрения, иерархия теорий, концепций и подходов может быть представлена в следующем варианте:

– конструктивная теория: в ее основе лежит некая привнесенная идея, например, у знаменитого христианского проповедника Аврелия Августина — идея божественной цели, которой все подчинено;

– теория вырождения: согласно позиции романтиков и немецкого философа Ф. В. Шеллинга, зарождение мифологии происходило в одном источнике, а впоследствии мифы и эпосы распространялись среди народов по всему миру, и постепенно архаичное в них вырождалась;

– теория прогресса, или эволюции: утверждает поступательный характер мифологии, накапливающей новые ценности без какой-либо утраты прежних;

– натуралистическая теория немецкого филолога-мифолога Якоба Гримма, исходившего из того, что в основе мифологии находятся природные процессы, явления природы;

– анимистическая теория «отца британской антропологии» Эдуарда Бернетта Тайлора, основа мифологии которой усматривалась в представлениях о духовных существах, одушевлении всех окружающих человека предметов, что являлось неотъемлемой частью мировоззрения людей прошлых веков. Для таких представлений характерна философская природа, источником для которой служили мифология и религия;

– преанимистическая теория, или теория «чародейства»: основывается на абсолютизации магических элементов в мифологии;

– символическая теория: отождествляет миф с поэтической метафорой, отличие которой лишь в том, что она является творением отдельного лица — поэта, тогда как миф — результат коллективного бесписьменного творчества, слияния эпических преданий и иных фольклорных форм. Содержание мифа считается действительным, поэтическая метафора — плодом воображения. Главное отличительное свойство мифологического мышления, по мнению сторонников символической теории, — метафорическое олицетворение, происходящее на бессознательном уровне и протекающее иррационально, вне законов логического мышления. Все это сближает мифологию с религией, когда под влиянием мифологических сюжетов, образов и ценностей трансформируется социокультурная действительность и историческое наследие экстраполируется в современные контексты;

– рационалистическая концепция: определяет мифологию как первобытную науку, которая пытается анализировать причины возникновения природных явлений через космогонические мотивы;

– теория иллюзий: фантастическое, иносказательное или ложное восприятие окружающей действительности;

– теория внушения (или подражания), в социально-психологическом контексте передающая имманентно свойственное человеку стремление к воспроизводству распространенных моделей поведения других индивидов и групп, носителей субкультур[1];

– теория неомифологизма: состоит в реконструкции исторического мифа в современный период, заимствовании архетипов прошлого, мифологических прототекстов для конструирования настоящего и будущего политического пространства, символического дизайна субкультур, использовании их в инициации молодежи постмодернизма, моделировании гражданской, национальной, языковой идентификации через парадигму инвариантов этнополитического заказа;

---

[1] Вундт В. Миф и религия. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1912. С. 35.

– теория альтернативной истории — «Новой хронологии»: ее суть — в модификации исторических событий, поиску возможных сценариев развития человечества, радикальном пересмотре хронологии всемирной истории, государств и целых народов, пространственной реконструкции, слиянии мифического и подлинного, комбинировании массивов данных множества наук от археологии, истории, генетики, лингвистики до астрономии. Любые доводы о достоверности событий сторонники этой теории называют глобальной фальсификацией исторических документов, обращаясь к мифам и легендам как абсолютно верным источникам информации;

– евразийская теория «основного мифа»: характерна для исследования и популяризации принципиальной особенности индоевропейской мифологии, смысл которой заключается в выделении доминанты ее мифологического сюжета — борьбы антропоморфного божества — Громовержца с хтоническим Змеем. Создана отечественными лингвистами В. Н. Топоровым и В. В. Ивановым во второй половине XX века на основе источников нематериального культурного ландшафта (славянские, скандинавские, ведийские мифы, легенды, летописи, топонимия и т. д.);

– теория аллегорической и эвгемерической интерпретации мифа, характерная для заката античности и начала средневековья, когда мифические истории определялись как торжество природных сил, наречения их именами из пантеона богов древности и складывались из прославления царей, героев, мудрецов, воинов, наделения их сверхъестественными способностями;

– теория поэтизации мифологических историй, выражающаяся в обогащении литературного творчества именами божественных сущностей индоевропейских мифов, сравнительными аллегориями, подчеркивании настроений, когда бесписьменные мифы становятся классической поэзией, реконструированной спустя тысячелетия в высокохудожественных текстах Иоганна Вольфганга фон Гете, Александра Пушкина, Александра Блока, Вячеслава Иванова, Джона Рональда Руэла Толкина, Уильяма Батлера Йейтс и многих других творцов своего времени;

– теория сравнительной (компаративной) мифологии: связана с тем, что толкование мифа позволяет провести параллель с определенным мифом или мифологическим мотивом другого этноса и таким образом выявить уникальность, общность, заимствование или факт взаимопроникновения культур.

2.2. Синхронизация мифа и фольклора в формировании идентичности

Исторически традиционный фольклор проходил формирование в моноэтничной социальной среде (изначально возникал в родоплеменных структурах, закладывая архитектуру духовного бытия целого этноса, многие века находившегося в состоянии самоизоляции или ограниченных перекрестных контактах). В то же время постфольклор изначально «фрагментирован в соответствии с социальным, профессиональным, клановым, даже возрастным расслоением общества, с его распадом на слабо связанные между собой ячейки, не имеющие общей мировоззренческой основы»[1], и его развитие происходит в полиэтничной среде, на перекрестке множества культур.

Следствием ограниченности, рамочности мононациональной среды является изоляция от внешних воздействий как средства самосохранения устной культуры. С одной стороны, благодаря этому сберегаются в неприкосновенности многие аутентичные формы бытия, а с другой стороны, активное включение во внешние коммуникации создает большие риски для сохранения духовного иммунитета, целостности традиций, будущего языков коренных народов.

Таким образом, традиционная этносфера выступает как содержательное «ядро», образующее национальный колорит культурного ландшафта, придавая ему уникальную узнаваемость среди других самобытных культур.

В этом значении фольклористика являет собой органичное, естественное, закономерное социокультурное явление, способствующее структурированию и содержательному наполнению духовной жизни народов мира. В тесной взаимосвязи с мифологией она представляет большой интерес не только с научной, культурной, коммуникативной, но и идейно-идеологической, этнополитической оценки действительности каждой страны.

Духовный запрос современной цивилизации на возрождение мифа, фольклора и иных жанров традиционного искусства является социокультурным парадоксом, выражающемся в том, что человечество, совершив поразительные открытия в науке, создав новейшие образцы культуры постмодернизма, по-прежнему нуждается в мифе и фольклоре.

---

[1] Неклюдов С. Ю. Несколько слов о «постфольклоре» [Электронный ресурс]. URL: http:// www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm (дата обращения: 05.07.2020).

Реконструкция в настоящее время, казалось бы, архаичных форм бытия является органичным способом выживания человека в глобальном мире, не разрушая своего постмодернистского мировоззрения и невзирая на технологическое превосходство над первобытной природой мифа. Именно реконструктивные функции фольклора и мифа не позволяют угаснуть национальному духу народов, утратить свой кодифицированный в этнокультурной парадигме нравственный стержень.

Очевидна художественно-эстетическая и эвристическая взаимосвязь мифа и философии, этнологии, языкознания и искусства. Народная мудрость в известных форматах — эпических сказаниях, преданиях, былинах и сказках прочих фольклорных жанрах — концентрированно представляла собой эстетику и поэтику, сакральные знания, которые, являясь духовной неформализованной частью культурного наследия, передавались из поколения в поколение.

Обрядово-ритуальный комплекс, связанный с семейным и календарным земледельческим циклом, материнская поэзия, игровой фольклор, к сожалению, утратив свою практическую значимость в эпоху постмодернизма, в ряде современных сообществ становится безнадежно устаревшей архаикой, и в то же время стараниями энтузиастов возрождается на традиционной этнической основе, сообщая их непреходящие духовные смыслы последующим поколениям. Колоритные особенности современной этносферы особенно заметны в развитии культуры событийного, этнического, аграрного, гастрономического туризма.

Перефразируя высказывания известного французского государственного деятеля Э. Эррио: «Культура — это то, что остается, когда все остальное забыто» и известного советского, российского писателя Д. А. Гранина: «Образование — это то, что останется, когда все вызубренное забыто», можно доказательно предположить, что уникальное нематериальное наследие переживет любые социальные катаклизмы, исчезновение целых пластов наследия цивилизации, но останется в общечеловеческой памяти ярким примером духовного расцвета человечества в разные тысячелетия.

Миф, несмотря на свою имманентную природу, является конструктивным элементом мировосприятия человека любой культурно-исторической эпохи. Представляя собой этнически обособленную вариацию общечеловеческой культуры, он сохраняет жизнеспособное для множества поколений уникальное средство постижения духовного наследия мира и конструирования реальности.

Мифологические константы увеличивают в разы эвристические и патриотические возможности этнической мобилизации националь-

ного духа конкретных народов, особенно в исторические периоды, отличающиеся особо драматическими страницами — отечественные войны, революции, смены политических режимов, обретение новых политических статусов и т. д. Обращение к культурному наследию помогает консолидировать этнические общности и пережить солидарное возрождение национального самосознания.

Традиционные мифы по своей точке исхода чаще всего восходят к далекому прошлому, и их происхождение могло затеряться в веках и даже тысячелетиях, и, следовательно, можно утверждать, что вечного мифа как книги жизни одного рода-племени или целого этноса не существует, так как немало великих народов — цивилизаций были утрачены на просторах Евразии, оставив за собой россыпь этносов с глубокими историческими корнями.

Миф и фольклор, лучшим образцам которых насчитывается от нескольких тысяч лет или столетий, способны оказывать значительное влияние на моделирование современных социокультурных ситуаций. Миф фантастичен по своей образно-героической структуре, но, облеченный в художественное слово и даже отретушированный спустя века, способен превратить человеческую историю в мифопоэтику для будущих поколений.

Миф — это самая эффективная коммуникационная система, связывающая поколения, этнические общности и их семьи в единый народ, даже, по сравнению с последующими системами передачи информации, успешно помогавшая обретению смыслов и передачи культурного кода. Она способна стать мощным мобилизационным ресурсом в этнополитической сфере.

Обращение к мифу в последние десятилетия носило периодический характер, в основном с позиции художественно-эстетического познания мира. Однако в XXI веке информационная политика взяла на вооружение понятийный аппарат, структуру, символические образы мифов, адаптировав их под этнополитический фокус мобилизации ресурсов духовности. В этом значении мы полностью разделяем точку зрения В. Полосина, который утверждает: «Миф есть иносказательная история, трактующая посредством символических образов, метафор и аналогий реальный, индуктивно обобщенный до архетипичности позитивный и негативный опыт реализации той или иной потребности общества»[1].

Основанием мифа является фольклор, представляющий в разнообразных своих проявлениях дошедшую до нашего времени историче-

[1] Полосин В. Миф. Религия, Государство. М. : Ладомир, 1999. С. 27.

скую реконструкцию формы социокультурного пра-текста: возникнув в бесписьменную эпоху, когда человек осваивал пиктографические начертания, изображения которых тысячелетия хранили своды пещер, и пытался объяснить коллективное понимание мироздания своего рода-племени. Сумеречные легенды норвежских фьердов, уральские сказы рифейских гор Урала, русские былины, башкирские и якутские сказания, рождавшиеся на необозримых просторах от Юга до Арктического Севера, формировали устойчивое мировоззрение многих поколений.

Фольклор, являясь изустной литературой, за сотни лет претерпевал значительные изменения и не только передавал яркие грани архаики, но и отражал действительность, обогащая культуру метким словом частушки или протяжной песней, либо эпической победной песней, или правдивым преданием, из которого следует извлечь уроки будущим поколениям. Казалось бы, давно уже в прошлом половецкие пляски, украшавшие жизнь половецких племен Великой Степи, но, возрожденные в XX веке гением великого постановщика башкирских танцев Файзи Гаскаровым, они через века передают колорит танцевальной и музыкальной культуры предков башкир.

Фольклорная картина мира — это неотъемлемая часть общей картины мира, «трансформированный мир действительности» — вырабатывалась в результате семантического объединения мифов, этнографии, традиций и обрядов, символики, пронизывающих их фольклорных кодов путем интегральной типизации в свод различных жанров этнической поэтики и искусства, обладающих огромной силой формирования духовных архетипов. Как метко подчеркивает М. А. Стеблин-Коменский, «для тех, кто создавал миф, он был объективной действительностью и, следовательно, не мог быть ни аллегорией, ни символом, ни поэзией, ни наукой, ни архетипом, ни структурой»[1].

Под фольклорной картиной мира понимается особая фольклорная реальность, складывающаяся из множества миров, легенд, эпосов и деяний героев, обладающая вневременным характером. Все они существуют параллельно действительности и выражаются с помощью богатого языка традиционного народного творчества в воображаемом мире, но вполне коррелирующиеся с реальностью.

Фольклорная картина мира основывается на художественно-эстетическом отражении практических народных знаний и наблюдений

---

[1] Стеблин-Каменский Михаил Иванович. Миф. Теории мифа [Электронный ресурс]. URL: http://litra.pro/mif/steblin-kamenskij-mihail-ivanovich/read/2 (дата обращения: 10.08.2020).

за временами года, мировоззренческих суждениях, способах эмоциональной объективации сурового мира. Можно предположить, что в зависимости от принадлежности к сословию происходила маршрутизация носителей определенного социального статуса, культурного и/или образовательного уровня. Так, дворяне могли отчасти воспитываться на волшебных сказках и исторических преданиях, наполненных примерами рыцарства, достойными для подражания будущими джентльменами, а сметливые крестьяне чаще всего предпочитали пользоваться фольклором, сообщавшим практическую мудрость, например, обрядами и приметами, сопровождавшими календарь, да и всю хронику сельской жизни. Вспомним, что детство Александра Сергеевича Пушкина и в последующем все периоды творческого восхождения великого русского поэта проходили под влиянием его знаменитой няни — Арины Родионовны, воплотившей в себе прекрасные качества женщины-крестьянки. Она являла собой кладезь историй, сказок, былей и небылиц, знала народные поверья, мастерски владела искусством их рассказа, постоянно использовала в своей речи пословицы и поговорки. По признанию поэта, Арина Родионовна была «оригиналом няни Татьяны» из «Евгения Онегина»», няни Дубровского. Литературоведы полагают, что Арина является прототипом и мамки Ксении в «Борисе Годунове», княгининой мамки («Русалка»), женских образов романа «Арап Петра Великого». Ее собирательный образ запечатлен в памятниках, книгах, трудах ученых и напоминает о том, что стержневой основой российской культуры является именно народность.

Многие мифы разных народностей уже столетия назад эволюционировали в фольклорный жанр волшебной сказки. Значимое место в фольклорном достоянии занимают сказки, песни и загадки, отражающие веру в сакральную силу слова. Они также выступали в качестве своеобразного этнокультурного кода, оказывали влияние на формы поведения людей.

Принципиальное отличие сказок от мифа и от героического эпоса связано с тем, что в основе почти любой сказки лежит вымысел, отражая, по словам В. Я. Проппа, «мир невозможного и выдуманного». В то же время она в поэтичной форме передает нравственное содержание, содержит достойные примеры или ненавязчиво дает советы; пушкинское выражение: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок» — идеально передает нравственные контексты сказочного мира. «Слов драгоценные клады» действительно открывают потомкам историю каждого народа, передают через мифы, легенды и сказания его надежды и чаяния, чувства, которые неподвластны

времени, и при разумном обращении к ним могут обрести силу высоты спустя столетия.

Одной из вершин эволюции устного творчества стала сказка, именно этот литературный жанр, укорененный в этнокультурной и культурно-исторической традиции, существенно отличается от мифа, в частности, по несущим функциям и смыслам, передает нравственно-этические и даже политические смыслы. Если мифы объединяют множество сказаний, саг, легенд, песен в единую цикличную, многокоординатную социокультурную архитектуру, то сказки, по сравнению с мифом, рассчитаны, как правило, на детскую целевую аудиторию, являют собой изустное полотно краткого повествования, обогащенное художественными образами. Через всю жизнь взрослого человека проходит теплота воспоминания «Расскажи мне, мама, сказку...», когда маленький ребенок, едва научившийся первым словам, своим эмоциональным интеллектом и чувствами воспринимает всю полноту образов про «Царевну-лягушку», «Сивку-бурку», «Жар-птицу», «Ивана-царевича» и многих других волшебных персонажей. Знакомство с ними в более зрелом возрасте воспитывает читателей или слушателей на самых разных поучительных историях, раскрывает правдивые и домысливаемые, фольклоризированные через призму народного мировоззрения истории о государственном управлении, отношение народа к политическому устройству, правящим сословиям и т. д.

Следует также отметить, что такого социокультурного явления в художественном творчестве, как детская литература, достаточно длительное время не существовало. Так называемые сказки, обогащенные фольклорными мотивами, изначально были рассчитаны на взрослого читателя. Как правило, обращенные к конкретной начитанной публике, они раскрывали народные начала, словно в противовес западной культурной традиции, привнесенной с другими иностранными заимствованиями. Поэтому, зачитываемые в салонах и клубах, публикуемые в частных изданиях, передававшиеся в рукописном изложении, они расходились по домам, постепенно утрачивая политические смыслы, и, напротив, приобретая педагогическое, воспитательное значение.

В целом сказки объединяют социокультурные смысловые синтезы, позволяющие детскому сознанию в доступной форме упрощенно воспринимать окружающий мир и общество, содержат обороты и метафоры, отточенные выражения, образующие стройную композицию сказочного повествования. Общность мифов и волшебных сказок состоит в том, что они существуют на рубежном пограничье двух миров — внешнем и внутреннем, граница между которыми настолько

условна, что персонажи мифов и сказок живут и действуют в едином смысловом пространстве. В то же время они незримо переступают через эти границы, и происходит слияние ситуаций и событий — вымышленных и реальных.

Агрегатором народных знаний, поверий, ценностей являются интегрально переработанные и изложенные по законам фольклорного жанра и способов лексических интерпретаций массивы информации о взаимопроникающих сферах внешнего мира и внутренних устоев человека, сведенные воедино опытные практики жизнедеятельности. Ее отличительные свойства — фантазийность, мотивированная возможностью емко и содержательно воплотить и передать через разные жанры фольклора практические смыслы жизни, которые тем не менее отличались разной степенью аллегорической условности в понимании и отражении действительности.

Социокультурный аспект формирования мифологического сознания раскрывают Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, Б. Малиновский. С появлением термина «коллективные представления» миф исследуется не только как первая форма интерпретации социальной реальности, но и как феномен, приобретающий большую значимость в интересах духовного развития современного общества. Структуралистская интерпретация мифа К. Леви-Строса окончательно нивелировала условные представления о различии мышления человека древнего и современного.

Как отмечает Э. Гамильтон, «принято считать, будто древнегреческие и древнеримские мифы отражают образ мышления и мировосприятия, свойственный нашим далеким предкам, жившим в незапамятные времена. Согласно этой распространенной точке зрения, по мифологическим сюжетам можно проследить пройденный человеком путь от абсолютного слияния с природой к полному отрыву от нее, то есть к цивилизации. В рамках такого подхода мифы интересны прежде всего тем, что позволяют нам перенестись в ту пору, когда мир был еще юным, а люди имели такую тесную связь с землей, деревьями, морем, цветами, холмами, какую мы уже не способны ощутить. Когда создавались мифологические сюжеты, человек еще слабо отличал действительность от вымысла. Разум не сдерживал буйство воображения, поэтому в лесных дебрях любой мог разглядеть мелькнувшую за деревьями нимфу, а в прозрачной воде родника — лик наяды»[1].

---

[1] Гамильтон Э. Мифология. Бессмертные истории о богах и героях. М. : Альпина нон-фикшн, 2020. С. 13–14.

Мифологические сюжеты определяли:

– модели поведения реальных тотемных прототипов, послуживших основой для их проекции на мифологических существ;

– социальные иерархии, ритуалы, языческие обычаи и традиции древней общины, которые конструировали отношения между реальным и вымышленным — мифологическими существами и людьми;

– миропостижение реальности и космогонические представления;

– иерархии ценностей и запретов.

В нашей авторской интерпретации мифы рассматриваются как объективированные и четко структурированные в лингвокультурологической сфере в виде текста или образца устного народного творчества свершившиеся факты культуры, образующие квинтэссенцию мудрости народа, агрегирующие его опыт за многие поколения. В обобщенных трактовках, типичным образом определяющих эпическое сказание, — это древнейшее произведение, в котором на «донаучной фантастической основе излагаются общезначимые для отдельно взятого этноса представления о происхождении и устройстве мира и народа, о силах и существах, управляющих миром и судьбами людей»[1].

Мифы древности — эпосы и легенды, песни и сказания самых разных культур, передававшиеся из поколения в поколения сказителями, не дают исчерпывающих представлений о том, как жили предки многие сотни и даже тысячи лет назад в разных частях света. В полной мере это компетенции этнологов. Но они очень убедительно показывают, какими были своды их нравственных правил, что гораздо важнее для нас, современников, унаследовавших образ мышления, основы политико-правовых, художественно-эстетических и культурных традиций стран и земель Азии и Европы. Возможности исторической и этнологической реконструкции позволяют воссоздать хронику мифологического конструирования мира, в том числе с помощью обращения к мифам и фольклорному наследию, являвшимся кладезем сакральных знаний и учебником практических умений выживания в условиях суровой природы.

В своем исследовании мы исходим из трактовки, предложенной В. Т. Михайловым и Й. Рунге, которые понимают идентификацию «как процесс и идентичность как состояние и структуру, которая возникает, временно кристаллизируется, трансформируется или исчезает в ходе

---

[1] Никитин М. В. Основания когнитивной семантики : учеб. пособие для студентов вузов. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 48.

этого процесса»[1]. Этнокультурные коды мифа являются «якорными» смыслами формирования национальной идентификации.

Отличительной особенностью фольклорно-мифологической картины мира, способствующей сохранению духовного иммунитета при выборе идентичностей, является семантическая оппозиция распознавания «свой — чужой». Это не только универсальный набор действующих культурных стереотипов по отношению к окрестным народам — этническим группам, единоверцам или иноверцам, но и окружающему миру в целом, когда разумное проявление идентификации — языковой, этнической, религиозной, гражданской — является способом позиционирования этноса в исторические времена или в современных условиях. Мы солидарны с Н. И. Осмоновой в том, что «миф дает определенную картину мира, реальности вне человека, он является коллективным верованием и выступает чрезвычайно успешным механизмом эмоциональной, психологической, духовной консолидации общности. В этом заключается специфика мифа как основного фактора национальной идентификации»[2].

Если жанры фольклора предельно доступны для восприятия и легко воспроизводятся каждым представителем своего народа или культурной общности, то мифология требует глубокого осмысления, истолкования, подготовки чтеца эпоса, мастерского владения художественным словом и музыкальным инструментом, и эти умения и культурные «коды» нередко передавались из поколения в поколение. Поэтому сказители эпосов пользовались глубоким уважением в социуме как носители сакральной культурной традиции, их оберегали, так как культура являлась не только основой духовного бытия, но еще и условием физического выживания.

Необходимость межпоколенного сохранения преемственности в сбережении духовного богатства целого народа была одной из основ его жизнеобеспечения. Профессиональный импровизатор, сказитель, аксакал, сэсэн — творческая личность грандиозного масштаба, мыслитель, вещий провидец в одном лице. Не случайно народ главными качествами сэсэна, наряду с многогранным талантом поэта, певца, музыканта, им-

---

[1] Михайлов В. Т., Рунге Й. Идентификация человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 53.

[2] Осмонова Н. И. Культурные основания мифа как фактора национальной идентификации // Общечеловеческое и национальное в философии. Кантовские чтения в КРСУ (22 апреля 2004 г.) : мат-лы II Междунар. науч.-практич. конф. КРСУ (27–28 мая 2004 г.) / под общ. ред. И. И. Ивановой. Бишкек : КРСУ имени Б. Н. Ельцина, 2004. С.158.

провизатора, знатока истории, мифов и традиций, считал мудрость, находчивость, остроумие. Так, устно-поэтические предания о легендарном Коркуте — герое, получившем признание всех племен и народов Евразии как «аксакал, мудрый патриарх, вещий певец и прорицатель»[1], прошли через многие века и сохранились до настоящего времени. Одухотворенное чтение кубаира под аккомпанемент башкирской домбры (струнный щипковый музыкальный инструмент), кубыза (губной варган) или курая (башкирской флейты) приобретало особую сакральную торжественность и надолго оставалось в памяти слушателей.

Произведения устного народного творчества — кубаиры отражают одобрительное отношение башкирских племен к присоединению к Российскому государству. Во-первых, в эпических сказаниях (к примеру, в «Кусяк бий») повествуют, в том числе, и о том, что после подданства Белому царю был положен конец межплеменным раздорам, как и покончено с господством Ногайского, Казанского и Сибирского ханств, что также получило отражение в многочисленных шежере. Во-вторых, отражены мировоззренческие сдвиги и переход от языческих культов к исламскому вероучению. В-третьих, присоединение отразилось на увеличении численности народонаселения, повлекшего за собой оседлый образ жизни, развитие культуры агрохозяйствования, рост потребности в продовольствии. В-четвертых, — в ведении кантонной системы управления территории Башкирии, формирования служивого сословия, призванного на службу Российскому государству.

М. Х. Идельбаев справедливо утверждал: «Изустные творцы всегда находились в гуще общественно-политических событий, пользовались всеобщим уважением масс, смело вмешивались в деятельность вождей и предводителей, в необходимых случаях влияли на них своими мудрыми советами. Характерная особенность творчества изустных сочинителей — затрагивать самые насущные проблемы времени, актуальные для данного общества именно к моменту публичного высказывания. Жгучие общественно-политические проблемы рождали широкий круг тематики и комплекс жанров от героических и социально-бытовых эпосов до исторических, лирических, афористических песен, гимнов»[2].

---

[1] Жирмунский В. В. Тюркский героический эпос. Л. : Наука, Ленингр. отд., 1974. С. 532.

[2] Идельбаев М. Х. Авторская изустная поэзия тюркских народов // Россия и Восток. Взаимодействие стран и народов : труды X Всерос. съезда востоковедов (Уфа, 7–10 октября 2015 г.). Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 400.

Мифолого-фольклорное наследие, образуя содержательную сторону формирования национального духа, совершенно неотделимо от следующих поколений. Мифологические традиции получили свое отражение практически во всех фольклорных жанрах и оставили свой след в артефактах и памятниках культуры.

Лингвокультурологическое пространство как прошлых веков, так и современности определяется ментальными и мировоззренческими, религиозными и мифо-ритуальными особенностями и представлениями самих этносов, природно-климатическими и ландшафтными особенностями, культурно-историческим наследием, подвигами лучших представителей народов, трудовыми достижениями.

Отличительной особенностью проявления мифотворчества в современной культурной ситуации является собственный уникальный отпечаток мифа в фольклоре, который передает специфику миропонимания предков относительно постоянно изменяющейся социокультурной ситуации, то есть интегрально миф и фольклор способствуют формированию нравственного иммунитета современного человека и этноса, обеспечивая в их взаимосвязи духовную безопасность всего общества.

Люди закладывают в мифотворчество нации глубинное содержание своего бессознательного — запечатленный в этнокультурных символах, кодах, ритуалах духовный опыт предков, который, будучи извлечен из культурно-исторических контекстов и соединенный с новейшими политическими реалиями, становится одной из базовых основ этнополитического дизайна любой современной или осовремененной идеологии. Налицо мировоззренческое видение всей мифологической конструкции, адаптивной к современным политическим процессам, и социальное поведение, отражающее дух национальной идеологии.

Что касается конструирования фольклорной модели мира этноса или их семей, то каждая из них представляет собой идеально структурированную и композиционно согласованную систему, элементы которой образуют интегрально взаимосвязанную коммуникационно-семантическую сеть. Ее каналами связи с людьми выступают опорные полнозначные жанры фольклора как носители максимально воспринимаемой информации.

В любой политической реальности существовало понимание того, что все поступки и дела, как добрые, так и самые отрицательные, будут обязательно зафиксированы в народной памяти, а значит, будут запечатлены в мифах и фольклоре. За тысячелетия даже в са-

мые правдивые истории эпического масштаба привносились элементы волшебства, которые по закону жанра воспринимаются и в наши дни почти как подлинные. Возвращение Одиссея после долгих скитаний по грозным морям и зачарованным островам в родную Итаку ради самой искренней любви, как и плавание аргонавтов под предводительством Ясона за золотым руном в далекую Колхиду не оставляли равнодушным ни греков, ни современного европейского читателя.

Удивительно свежа память о том, что еще в 356 году до нашей эры некий Герострат сжег храм Артемиды Эфесской в городе, которого уже давно не существует, однако память об этом страшном поступке, пройдя сквозь столетия, сохранилась и сегодня. Именно с тех давних пор закрепилась традиция нести ответственность за свои деяния, что стало главным мерилом человеческого достоинства.

Падение непреступных твердынь — Трои, Карфагена, Рима, Константинополя — означало не только завоевание столиц древнего мира, но и закат цивилизаций, подтверждая хорошо известное изречение «Nil novi sub luna» — «Ничто не вечно под луной». Народная память, опираясь на несомненные шедевры духовной и материальной культуры, в свою очередь, не позволила утратить драгоценные уроки истории. И это касается каждого народа, легенды и предания о свершениях которого стали осколками бессмертных цивилизаций в виде устного творчества и летописей, в новое время легли в основу учебников, энциклопедий, википедий, детской литературы.

На важность исследования языка фольклорных произведений указывает крупнейший российский фольклорист XX века В. Я. Пропп: «Генетически фольклор сближается не с литературой, а с языком — отсюда возникает и изменяется совершенно закономерно, независимо от воли людей, везде там, где для этого в историческом развитии народов создались соответствующие условия»[1].

Фактически, так называемое «мышление дикаря», по сути первобытного человека, на заре цивилизации по своему гуманизму не было тождественно мышлению современного человека, превосходило его по своим нравственным смыслам и заветам, отображенным в фольклорном наследии. Вера в сверхъестественное, управлявшее его мышлением, несмотря на весь мистицизм, стала основой формирования духовного мира этноса, его эволюции, нравственного иммунитета, и сохранение фольклорной компоненты в современной культуре

[1] Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М. : Наука, 1976. С. 22.

равносильно защите от регресса целых народов или их общностей. Не случайно фольклор своим идейным содержанием и красочно-эмоциональным, глубоким, фактически энциклопедическим знанием народной жизни обогащал творчество признанных мастеров слова — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. А. Жуковского и многих других. Вдохновил на отображение образов и легенд, старинных преданий на прекрасных полотнах и иллюстрациях книг И. Н. Крамского, В. М. Васнецова, Б. В. Зворыкина, И. Я. Билибина, Е. Д. Поленову и многих других.

Образно и емко выражена созидательная мысль замечательным киргизским прозаиком Чингизом Айтматовым о том, что миф является важнейшей опорой реализма: «Энергия мифа — это, можно сказать, то, что питает современную литературу огромной первозданной поэзией человеческого духа, мужества и надежды. Если беллетристика, суть унылый копиизм, замыкает человека на себя, на быт, отчуждая его от забот и тревог всего мира, то миф, включенный в реализм и сам ставший реальностью жизнеощущений человека, — свежий ветер, наполняющий паруса времени и литературы, устремляющий их к бесконечному горизонту познания истины и красоты»[1].

Эпические сказания развились из мифов о тотемных животных и первых людях — патриархах истории людей — путем последующей циркуляции фольклорного материала вокруг героического эпоса.

Безусловно, в современной реальности далеко не все народы являются прямыми наследниками эпосов и других образцов духовной и материальной культуры, образованных в исторические времена на территориях, где в последующие времена проживали и проживают другие народы.

Эпические творения человеческого духа, в своем большинстве не имеют конкретного автора, имена самих сказителей, сэсэнов и летописцев овеяны легендами. Несмотря на то, что создавались они в определенную историческую эпоху, современного читателя сопровождает стойкое ощущение, что оставленное потомкам культурное наследие существовало всегда. Из глубины веков до нас дошли шумерский эпос «Гильгамеш», древнеиранский свод «Авеста», древнетюркские сказания «Манас», «Алпамыш», «Сказание о Деде Горгуда», древнеисландский эпос «Старшая Эдда», древнеирландский «Кухулин», башкирский «Урал-батыр» и якутский «Олонхо», кал-

[1] Айтматов Ч. В соавторстве с землею и водою. Очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е изд. Фрунзе : Кыргызстан, 1979. С. 400.

мыцкий эпос «Джангар», карело-финский эпос «Калевала», армянский эпос «Давид Сасунский», где представлен широкий спектр древних воззрений, уходящих корнями в недра первобытнообщинного строя. К более поздним памятникам относятся славянский литературный памятник «Повесть временных лет» Владимира Мономаха, тюркский «Кисса-и Юсуф-Али» Кул Гали, азербайджанский «Искендернамэ» Низами Гянджеви, грузинский «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, казахский «Путь Абая» Мухтара Ауэзова, являющиеся шедеврами мировой цивилизации.

В целом мифология давно уже вышла за границы своего культурного ареала и самоопределения отдельного этноса, она способна отражать своды нравственно-этических кодексов и представлений для целых социокультурных общностей.

2.3. Миф и фольклор как нематериальное наследие человечества

Фольклор мифологичен в своей идейно-образной, сюжетной и жанровой основе. Геном мифа описывался в трудах исследователей еще в начале XX века и получил отражение в мюллеровских толкованиях мифов. Мифы в основном сводились к солярной или лунарной теориям, проявлениям естественных сил, представленных также в трудах натурмифологической школы. Например, в известной монографии «Всеобщая мифология и ее этнологические основы» (1910 г.) подробно раскрыта лунарная теория, с позиции которой толкуются мифы всех народов. Есть точка зрения, согласно которой главные древнескандинавские боги олицетворяли собой три мировых закона в действии — тяжести, движения и сродства. В свою очередь, комплексное применение сравнительного и лингвистического методов давало не только почву для прослеживания миграции того или иного мифа, но и позволяло провести параллели между культурами древнего мира, найти их смыслы в современных реалиях, предложить их новые толкования в интерпретации постмодернизма.

Профессор Евразийского национального университета Ж. О. Артыкбаев считает, что «миф — это не первоначальная форма знания, а особый вид мировоззрения, специфическое образное представление о явлениях природы, космической и коллективной жизни. Миф для человека — подлинная действительность, совершенно необходимая категория мысли и жизни. Миф — это представление о мире, не идеальное,

но желающее наиболее полно обрисовать его картину»[1], и мы с ним абсолютно согласны.

Попытки представить миф как примитивную науку не тождественно проведению параллели между магией и религией, или алхимией и современной химией или физикой, либо фольклором и классической литературой. Каждое из этих явлений есть уникальный продукт творения мысли писателей, сказителей, ученых, философов и просветителей, духовных лиц, создававших шедевры в свое историческое время, и здесь вовсе не обязательна приставка — «прото-». Мифы, в отличие от религии, никогда не были ортодоксальными, и потому вся их космогония излагалась как изустная поэтика в виде бесписьменного эпоса, а не в формате манускрипта, который мог легко затеряться в глубине веков.

Немецкий поэт-романтик Уланд, оставивший весьма подробное исследовательское наследие о скандинавских мифах, подчеркивал: «Мифы могут быть правильно поняты только поэтом» — фраза, которая говорит о том, что научное препарирование природы мифа не передаст всю полноту красок, которое передает древний фольклор. Этому высказыванию вторит Ф. Шлегель в «Речи о мифологии», справедливо подмечая, что «поэзия должна покоиться на гармонии реального и идеального»[2]. А «обобщение данных чувственного опыта и превращение всей ползучей чувственной действительности в обобщенную закономерность» в интерпретации А. Ф. Лосева равнозначно тому, что «абсолютная мифология есть символизм»[3]. «Миф — это сама непосредственно созерцаемая истина»[4], отраженная в фольклоре, когда мифологическое начало наделяет устное поэтическое и национальное хореографическое творчество уникальными чертами, неподвластными времени.

Фольклор служит своеобразным основным инструментом преподнесения мифа человечеству, и в фокусе восприятия конкретного народа объясняет ему его корни, происхождение, закономерности бытия

---

[1] Артыкбаев Ж. О. Казахская эпическая поэма «Козы корпеш — баян сулу»: якутско (саха)-казахские мифо-исторические параллели // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2015. № 2. С. 49.

[2] Шлегель Ф. Разговор о поэзии // Зарубежная литература XIX века. Романтизм : хрестоматия историко-литературных мат-лов / сост. А. С. Дмитриев, Б. И. Николаев. М. : Высш. шк., 1990. С. 46.

[3] Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. : Мысль, 2001. С. 178, 249, 268.

[4] Мириманов В. Б. Искусство и миф. Центральный образ картины мира. М. : Согласие, 1997. С. 13.

мира, открывая простор для фантазии, домысливания, пробуждая чувство внутренней свободы и веры в собственные силы, укрепляя связь с предками через обряды и ритуалы. Поэтому возрождение фольклорной традиции бесценно для современности и будущего, народов, живущих в настоящее время, и их потомков. Нечто появлявшееся на уровне осознаний или открытий, запечатлений в тексте или изустных сказаний, собственно говоря, не является условным прототипом, но выступает как «зерно» творения человеческой мысли — прекрасное отражение духовного бытия в каждую эпоху и как пролог к появлению великих творений современности.

Оценивая подход английского этнографа Бронислава Малиновского, который провел много лет среди коренных жителей Меланезии, М. И. Стеблин-Каменский пишет: «Миф, как показал Малиновский, — это важнейшая социальная сила. Он обосновывает устройство общества, его законы, его моральные ценности. Он выражает и кодифицирует верования, придает престиж традиции, руководит в практической деятельности, учит правилам поведения. Он тесно связан со всеми сторонами народной жизни, в частности, конечно, и с обрядами»[1].

Взаимосвязь мифа и фольклора является очевидной, и, на наш взгляд, в их определении единства не имеет смысла поиск того, что первично — миф или фольклор. Это связано с тем, что каждая из этих ипостасей наполнена дополняющими друг друга архетипами и образами, меткими и емкими мемами, культурными кодами, обогащающими замысловатые или, напротив, простые формы трансляции информационных потоков, генерируемых этносом или племенем и отраженных в разных жанрах его родной литературы. Миф и фольклор образуют собой индивидуальный, самобытный «портрет» этноса, который, несмотря на его историческое взросление, консолидировано и через обмен ценностями дополняет общечеловеческий опыт и его культурные пласты.

Поэтому, несмотря на всю прогрессивность человечества, огромное значение для сохранения его идентичности в цивилизационном ландшафте приобретают инкорпорированные элементы фольклора и мифа. Они также эволюционируют, отражаясь в комиксах и запоминающихся персонажах косплея, постфольклоре фантазийного кинематографа и мультипликации, компьютерных играх и т. д., впитывая волшебство давно минувших эпох. В этом плане фольклор выступает в качестве самого достоверного источника этнокультурной информа-

---

[1] Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1976. С. 16.

ции и связующего моста как ребенка, так и взрослого человека с его родным языком, культурными традициями, ценностями, имеющими самое реалистичное значение для формирования современного общества, что выдвигает в качестве одной из движущих сил его развития мифореализм.

Нередко к категории «миф» обращались писатели, философы, психологи, которые связывали свое понимание творчества с эстетической проекцией мира — мифом, ритуалом, фольклором. Томас Манн ставил миф, праздник, игру и творчество в отношения онтологической эквивалентности, не метафорической, а буквальной[1]. Эрих Фромм писал, что в языке мифа «внутренний опыт, чувства и мысли выражены так, словно бы они были... событиями внешнего мира», а «миф — «средство коммуникации от нас к нам самим»[2]. Согласно утверждению О. М. Фрейденберг, античный человек, «выражая свои состояния, пел себя посредством показа чужих состояний и вводил для этого мифологический персонаж»[3]. Различные формы искусства, мифо-ритуальные, календарные и иные обряды, выстраивали концепцию многомерного мифотворческого духовного пространства и получали отражение в мифопоэтике.

Что касается соотношения между воображаемым и реальным в творчестве, то, если имеется в виду мифологический эпос или фэнтезийная художественная литература, пространство для вымысла у каждого жанра собственное, как и этический кодекс, которого придерживается сказитель или автор современного романа. И если автор обладает полной свободой фантастического изобретательства, то сказитель придерживается изустных литературных традиций, ценностей, норм, запретов, ритуалов, имеющих большое просветительское значение. Если проанализировать такие знаменитые культовые романы, как «Хроники Амбера» Роджера Желязны, «Волшебник Земноморья» Урсулы Ле Гуин, «Мерлин», Мэри Стюард, «Властелин колец» Джона Толкина, «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, создавших в фэнтезийном жанре миры, настолько реалистично описанные, то нельзя не за-

---

[1] Манн Т. Художник и общество : статьи и письма / пер. с нем.; сост., предисл. и примеч. С. Апта, послесл. И. Голика. М. : Радуга, 1986. С. 21.

[2] Фромм Э. Душа человека : сб. исследований / пер. с нем. В. А. Закс, Э. М. Телятникова ; пер. с англ. Т. В. Панфилова, Т. И. Перепелова. М. : Республика, 1992. С. 438.

[3] Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М. : Восточная лит-ра, 1998. С. 184.

метить, что сама магия высокохудожественного слова, придающая им красоту и образность повествования, приближает их к классическим мифам прошлых веков. Они написали гениальные по эпическим масштабам книги, которые обрели своих преданных последователей, уверенных в достоверности написанного, несмотря на то, что эти произведения не выдерживают проверки на объективность и историческую верификацию.

Как отмечают исследователи, «по правилам пространственно-временной модели формируются и персонажи фэнтези: боги, маги, чародеи, волшебники, духи. Согласно европейской неомифологической культуре, представленной в виде тестов художественной литературы или популярных кинофильмов, пользующихся многомиллионным спросом, темные существа локализированы в подземелье, в хтоническом, почвенном мире, на севере и востоке. В противоположность — боги и светлые духи — на юге. Символом центра мира, на пограничье двух миров выступает главный герой — человек. Функция героя — установление нового порядка — может называться мифологической. Поведение героя в классической фэнтэзи продиктовано самой традицией фольклорного эпоса и рыцарского романа и также этическими установками самого автора»[1]. Таким образом, архаический миф проецируется на мировоззрение и идентичность современных поколений, особенно Y и Z.

В то же время следует отметить, что художественных произведений на мифологические темы и на любой читательский вкус, с разным полетом фантазии и вымысла может быть множество, но эпосов, сыгравших судьбоносное значение в становлении целых народов, — считанные единицы. Безусловно, каждый читатель или слушатель избирательно, по своим вкусам выбирает литературный жанр или книгу, которую ему хотелось бы прочитать, и в большинстве случаев это не литература архаичного прошлого, а современные произведения, чаще всего модных писателей-фантастов. Естественно, что знакомство с «Махабхаратой», ставшей источником многочисленных сюжетов и образов, получивших воплощение в художественных произведениях народов Южной и Юго-Восточной Азии, в целом повышает уровень читательской культуры и мировоззрения, но к таким памятникам больше обращаются специалисты или знатоки культуры Вос-

---

[1] Галанина Е. В., Батурин Д. А. Фэнтези как неомифологическая реальность // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 3 (385). Вып. 39. С. 43.

тока. Однако именно знакомство с литературой древности — мифами открывает путь к диалогу с прототипами разных героев и персонажей времен колыбели цивилизации, наполняет мировоззрение современного человека образами, чувствами и эмоциями, которые как архетипы остаются с ним навсегда.

Как отмечает Р. В. Кононенко, «потребление культурных артефактов, связанных с культурной памятью, — это не индивидуальные, а коллективно ориентированные практики, укорененные в коммуникациях, это специфическое символическое потребление, в рамках которого ценятся символы поколенческой связи и социальной принадлежности»[1].

Исторически, фольклор пользуется естественным «языком» природы, органично наделяющим человека идеями-образами, обновляющим его чувственно-отвлеченное мировоззрение и формирующим его мифическую идентификацию. Несмотря на весь генезис общества, художественное сознание, нормированное разными жанрами искусства, не подменяет собой сознание мифологическое, хотя грань между ними достаточно условна. Оно придает человеку духовный иммунитет, переносит его в эпоху мифической объективации, подлинная реальность которой настолько несомненна, что получает отражение в архетипах духовного и артефактах материального миров, синтез которых, переданный через философско-фольклорные мотивы, является его движущей силой в потемках лабиринтов современного сознания.

В. М. Пивоев определяет мифологическое сознание как «способ аксиологической интерпретации мира (социально-природной среды), главная задача которой — положительное самоопределение человека»[2]. Исходя из этого понимания можно утвердительно сказать о первостепенной миссии мифа в создании и трансляции эталонных ценностей, как характерных для каждой культурно-исторической эпохи, так и имеющих вневременное значение в духовной жизни этноса.

Таким образом, фольклорная картина мира отражает ментальные, мировоззренческие, религиозные культурные и психические проекции бытия этноса, историческую память, стереотипы сознания, коренящиеся в древних мифах, эпосах и более современных преданиях старины, конструируя на языке фольклора архетипы народов мира.

---

[1] Кононенко Р. В. Фольклор как коллективная идентичность и wow-factor: социокультурный анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). Вып. 1. С. 156.

[2] Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск : Карелия, 1991. С. 99.

В то же время в мире свободных и открытых коммуникаций национальные культуры постоянно сталкиваются с тенденциями и процессами глобализации, вхождения элементов дизайна «западного» или «восточного» в обыденную жизнь — заимствований из европейской и ориентальных культур. Безусловно, под таким внешним влиянием происходит изменение этнокультурной кодификации, когда образ жизни, стиль мышления, нравственные и культурные ценности делают резкий крен в сторону выбора общечеловеческих начал, а осознание человеком себя как части определенной этнической общности начинает носить условный характер. Насыщение культуры современного человека нравственно-этическими ценностями, знакомство его с фольклорным наследием, мифологическими представлениями позволяет эффективно формировать его национальное сознание.

Вместе с тем, в мультикультурных, полиэтничных урбанистических сообществах функция формирования национальной идентичности состоит вовсе не в том, чтобы окружающее пространство стало однородным, а население «гомогенным» по своему этническому составу, а культура отражала орнаменты, искусство, литературу, образы одного народа. Напротив, современный человек может выступать носителем множественных идентичностей, которые делают его узнаваемым своим народом, принятым другими этносами, коммуникабельным, гражданином большой страны и жителем конкретного региона (республики, области, города, села), свободно владеющим языками, знающим традиции и уважающим культуры и ценности окружающих народов.

Этнополитологи В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев рассматривают формирование благоприятного климата межэтнических взаимодействий в комплексе с законодательным и политическим регулированием межнациональных отношений, которые реализуются в плоскости информационно-коммуникационной политики: «Для современных государств многоэтничность и поликонфессиональность народа (или нации) — это норма. Культурная сложность наций относится и к языковой ситуации, ибо язык — одна из отличительных характеристик этнических групп. Как правило, нации многоязычны, хотя чаще всего по причинам демографического большинства или удобства коммуникации доминирует какой-то один или два языка, которым в целях оптимизации государственного управления»[1].

---

[1] Тишков В. А., Шабаев, Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности : учебник для вузов. М. : Изд-во Московского ун-та, 2011. С. 88–89.

В качестве методологического основания этой теории В. Тишков выдвигает интегральность неоднородного, признание и сохранение любых идентичностей, отличий, при которых: «общим для всех вариантов политики мультикультурализма, утвержденной в разных странах, было признание неоднородности современных гражданских наций, признание и поддержка культурных различий, включая не только так называемые исторические меньшинства, но и разные по культуре и религии группы иммигрантов, ставших во многих случаях гражданами стран нового пребывания»[1].

Отчасти это связано с тем, что в европейской научной традиции мультикультурализм представляет собой признание и утверждение разновидности социального плюрализма. Некоторые его идеи перспективны для построения социокультурных моделей развития полиэтничного и многокультурного российского общества и тождественны сложившимся в отечественном научном лексиконе понятиям: «интернационализм», «поликультурный», «бикультурный». Поэтому заимствованные из зарубежного понятийного аппарата термины с выраженным аксиологическим императивом «мультикультурализм», «полиэтничность», «поликультурность», «межкультурный диалог», «толерантность» в настоящее время прочно адаптировались к активному лексическому и содержательному использованию.

Неотъемлемой чертой современных сообществ и даже условием их развития является поликультурная мозаичность. Прикосновение людей к разным культурам в ходе из знакомства с зарубежными странами, изучение иностранных языков, рост академических обменов, урбанизация, увеличение миграционных потоков в современных условиях становится факторами движения общества к многокультурности и полилингвальности, ведущих к мультикультурному плюрализму от образования и всей парадигмы просвещения к проникновению этих социокультурных явлений во все институты гражданского общества.

Знаменитая триада ценностей «культура — образование — духовность» в аксиологическом смысле предполагает погружение в многокультурные среды, которые характерно отличают многие республики Российской Федерации. Так, в тюркоязычных республиках, с одной стороны, складывались веками и тысячелетиями культура кыпчак-

---

[1] Тишков В. А. Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием. // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М. Б. Погребинского, А. К. Толпыго. М. : Весь Мир, 2013. С. 146.

ских этносов, образовавшая богатое культурно-историческое наследие тюркских народов: эпические предания, декоративно-прикладное и орнаментальное искусство, национальные костюмы, музыка, ритуалы, традиции и обычаи, ремесла, ставшие духовными «жемчужинами» не только башкирской, татарской, но и российской, и мировой культуры. С другой стороны, тенденции развития глобального общества диктуют необходимость принятия общечеловеческих ценностей, которые способны заместить национальные традиции, языки, идеалы, этнический стиль в искусстве. Поэтому нахождение оптимального баланса между консервативными и инновационными тенденциями в просвещении, общечеловеческими и национальными ценностями, моноэтничностью и полиэтничностью становится объективной необходимостью социального развития России.

Акцент делается на многокультурности — одновременном проживании в рамках культурно-языкового ареала или культурного ландшафта, урбанистического пространства определенной территории, имеющей признаки государственной или национальной обособленности, многих народов и этносов разной этнической принадлежности, независимо от своего правового статуса и личностной идентичности. Принцип многокультурности утверждает приоритет общечеловеческих ценностей над национальными, или равноправие ценностей, культур, языков, что позволяет преодолевать лингвокультурную дискриминацию, в том числе по отношению к детям мигрантов, эмигрантов, беженцев, этнических меньшинств и т. д. Реализацию этого содержательного аспекта принципа многокультурности предполагается осуществить несколькими путями.

Однако в ряде стран признается крах концепции мультикультурализма в действии, поскольку миграционные волны выходцев из стран — беженцев и мигрантов, прибывших в Европу за короткий период времени, — оказывают деструктивное воздействие на сохранение традиционных культур, менталитета коренных народов, и происходящий конфликт цивилизаций изменяет характер межнациональных отношений. Ускорение миграционного движения в европейские страны выходцев из стран Востока, на наш взгляд, обусловлено самой историей колониальной политики, военными конфликтами, гуманитарными катастрофами, открытием границ в западные страны, необходимостью «дешевой» рабочей силы. Поэтому значительный приток малообразованной молодежи, выступающей в значительной степени носителем радикальных форм поведения, ведет к культурно-образовательному диссонансу и социальному шоку.

Безусловно, расхождения в конфессиональном, социокультурном, мировоззренческом, цивилизационном отношениях разрушают логику многокультурного сосуществования иммигрантов — выходцев из других стран с принимающими сообществами, частично приводят к секуляризации либерально-демократического пространства.

В то же время, если в прошлые десятилетия преимущественно сельские жители выступали хранителями традиционных ценностей, атрибутов, ритуалов, родного языка, дававших обильный фольклорный материал для экспедиционных полевых этнографических исследований, то в настоящее время лидерство принадлежит урбанизированным группам. Это диаспоры, историко-культурные общества и центры, ассамблеи и иные формы этнической самоорганизации, которые стараются возродить «очаги» национальных культур и создать предпосылки для формирования идентичности, осознания принадлежности к родному народу в сельской глубинке.

Вопреки критическим высказываниям относительно будущего концепта «мультикультурализм» в глобальном обществе с акцентом на право сохранения идентичности в полиэтничном мире, А. В. Рыбаков и Д. А. Квон выдвигают достаточно значимый аргумент: «Сегодня отказаться от сосуществования в условиях культурного плюрализма уже невозможно, ведь культурное многообразие — это не только и не столько этническое многообразие. Это и многообразие жизненных стилей, культурных ориентаций, норм поведения, то есть всего того, что является определяющей характеристикой постмодернистского этапа развития общества. Отсюда актуальной для многих стран является необходимость приблизить поликультурный концепт к своей национальной специфике»[1]. Формирование отношения к культурной «заданности», многовековому наследию культуры, которое образовывало самобытный духовный опыт, этнически и социально запечатленный в каждом представителе своего народа, происходит в условиях многокультурных и многонациональных общностей, перекрестного обмена ценностями, традициями, ритуалами, языкового диалога.

Мы разделяем позицию В. А. Тишкова, считающего, что «важнейшую роль в утверждении национального самосознания и в воспитании ответственного гражданина продолжает играть система образования, хотя роль общей культурно-информационной среды и индивидуаль-

---

[1] Рыбаков А. В., Квон Д. А. Мультикультурализм как социальная теория и политическая практика // Власть. 2016. № 6. С. 70.

ного опыта все больше возрастает. Современный образовательный стандарт предусматривает духовно-нравственное развитие и воспитание личности, осознающей свою принадлежность к гражданской нации и вместе с тем знающей культуру, традиции народов России, прежде всего своего народа и региона. Несмотря на коррективы, нерешенной остается проблема поликультурного воспитания и образования в регионах со смешанным населением и в стране в целом. В России, например, до сих пор нет школьных учебников, которые раскрывали бы поликультурную природу российского народа и вклад в историю страны представителей разных национальностей. В стране как бы сталкиваются две крайние точки зрения на прошлое: старая русскоцентристская и новая этнонационалистическая, что может вызывать напряженность и нетерпимость между учащимися разных национальностей»[1].

Таким образом, можно утверждать, что национальная идентичность в гражданском обществе практически не существует в кристаллических однородных видах, поскольку она должна сочетаться с гражданской, политической, культурной, языковой, полиэтнической идентичностью, учитывать развитие межкультурных коммуникаций. Полагаем, что идентификация должна носить наднациональный характер. К примеру, национальные республики Поволжья как полиэтнические общества включают тюркские, славянские, финно-угорские этносы и ряд диаспор народов, поэтому проведение сбалансированной национальной политики является важным условием формирования содружества, толерантности и атмосферы доверия по отношению разных этносов друг к другу, их духовному и практическому опыту. Соблюдение вышеназванных условий обеспечит сбалансированное и заинтересованное участие всех этносов и субкультур в развитии гражданского общества и многонационального государства.

Следовательно, понятие «национальная идентичность» по своей архитектуре имеет мифологические основания, конструирующие общее и личностное понимание картины мира, ценности, идеи, поскольку эмоционально-образная рефлексия прочтения мира является основополагающей компонентой культуры этноса и, следовательно, персонифицирована для каждой культуры в отдельности.

---

[1] Тишков В. А. Стройка наций. Российская полиэтничность в мировом контексте [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/stroyka-natsiy-rossiyskaya-polietnichnost-v-mirovom-kontekst/ (дата обращения: 26.08.2020).

2.4. Мифология в генезисе культуры

Культурный ландшафт территории в значительно большей степени формирует идентификацию этноса, картину его миропонимания, чем географический фактор и природно-климатические особенности. Историческая локализация этноса позволяет закладывать и закреплять этнокультурные традиции, модели межэтнических взаимодействий, образующие системную основу его пространственного развития в «этнокультурной панораме».

В родословной человечества мифы и фольклор являются достаточно влиятельной силой, способной заложить основы цивилизации, мировоззрения, многомерные идентичности, сохранить духовно-нравственный потенциал вплоть до наших дней. Древние мифы получают свое отражение в идейных конструктах коллективного (общественного) сознания, основанного на художественно-эстетическом восприятии мира и совмещении образа фантастического с самой реальностью.

Аргументы прошлого — события, факты, предания и легенды — имеют связанные между собой мифологические, исторические, лингвистические, эмоциональные контексты. Они интерпретируются по-разному, в зависимости от духа переломных эпох, существующих идеологий, и используются для формирования культурной идентичности как отдельной личности, так и большей цивилизационной общности — нации, этноса, диаспоры, всего населения государства.

Мифы — носители массивов информации о социокультурных феноменах прошлых веков — выступают одной из идейно-содержательных основ коллективной когнитивной базы представителей как традиционного, так и меняющегося культурного ландшафта. Миф многофункционален, он выступает и как символический «культурный код» народа, и как нормирующий регулятор образцов поведения, и как закон — завет предков будущим поколениям, а в литературном смысле — эпический вид художественного творчества, вдохновляющий мастеров словесного искусства на создание шедевров, основанных на мифологических сюжетах.

Мифология характерна для всех народов мира, и, более того, в основу мировых религий заложен этногенетический культурный код, наполненный мифологическими сюжетными линиями, духовными смыслами, откровениями, истоками ритуалов, запретов, часто перекликающимися или повторяющими друг друга, несмотря на разные эпохи, местоположение происходящих событий, имена земных героев и божественных сил.

В каждую историческую эпоху люди по-своему прочитывают и интерпретируют мифы, исходя из уровня мышления, научного прогресса, обмена культурными ценностями, а эволюция развития общества позволяет проводить аналогии между мифами, находить между ними сходство и расхождения, концентрироваться на символах, обнаруживать общие закономерности познания окружающего мира.

Мифология, как уникальный феномен человеческой культуры, дала мощный импульс развитию цивилизации, стала источником разных форм материального и духовного искусства, побудила к созданию выдающихся творений человеческого духа. Поэтому категорически недопустимо сводить ее к архетипам давно минувшего прошлого, рудиментарным ценностям и тем более формам примитивного мышления и мировоззрения древнего человека. Мифотворчество и в XXI веке сохраняет статус проявления человеческого духа, формирования мировоззрения, сохранения духовных начал и преемственности всех поколений. От артефактов древности: наскальных изображений времен верхнего палеолита в пещерах — Шульган-таш (Капова пещера, Башкортостан, Российская Федерация), Альтамира (Испания), созданных 14–17 тыс. лет назад, «Золотых оленей Евразии» из Филипповских курганов сарматской эпохи, скульптурного наследия Микеланджело до музыкального «Полета валькирий» Рихарда Вагнера, воплотивших мифологические мотивы, — мифотворчество служило познанию прекрасного.

Поэтому антропологические и семиотические интерпретации мифов и эпосов народов мира, исходят из того, что все пространные эпические жанры никогда не были примитивными легендами, а представляли собой многокоординатную систему мировоззрения, благодаря которой происходили сбор, систематизация и трансляция межпоколенческой культурной информации — мифов, символов, знаков, начало процесса которых было положено на заре человеческой истории и продолжается до настоящего времени.

Этнический ренессанс в эпоху постмодернизма к началу XXI в. действительно приобрел эпические масштабы. В разных регионах глобального мира (Россия, Центральная Азия, Восточная и Западная Европа, Африка, Азия, Латинская Америка) формируется запрос на историю, происходит обращение к гуманитарному знанию, уравновешивающему тенденцию технологичного развития общества и выражающемуся в реконструкции культурных достижений, мобилизации ресурсов этничности. Безусловно, в новейших условиях преобразуется методология инкорпорирования элементов национальной культуры — в значитель-

ной степени нивелируются академизм и энциклопедизм, абсолютная аутентичная достоверность традиций прошлого, формируется новый дизайн этносферы, который более адаптивен к мировоззрению современных поколений, социальным коммуникациям, и т. д.

Российская идентичность многомерна и, как аскриптивная категория, имеет многокоординатную кодифицированную структуру, получившую отражение в социокультурных процессах. На первый план выходит идентификация, определяемая Конституцией, общегражданскими ценностями и принципами, исходящими из идейных смыслов развития страны и ее регионов. На втором плане находятся собственно территориальные идентификации, влияющие на установление духовной связи и причастности к развитию региона, на третьем — этнолингвистические, этносоциальные и этнотерриториальные идентичности, связывающие принадлежность человека с определенной этнокультурной традицией, историей, духовным наследием — мифами и легендами. Этносимволизм помогает учитывать огромное значение фольклора и мифов в конструировании идентичности 190 народов Российской Федерации и общественно-государственных институтов.

Новейшие цивилизационные процессы, изменяющие форматы духовной культуры, непредставимы без освоения фольклорного наследия прошлого. Многие национальные республики в последние годы приняли законы о нематериальном культурном наследии, направленные на популяризацию и сохранение устного народного творчества — богатства родного языка, сказок, песен, легенд и эпических преданий старины, а также обычаев, обрядов и праздников. В правовое поле регулирования закона входят и уникальные формы танцевального, вокального, инструментального искусства, технологии изготовления музыкальных инструментов, предметы быта. Закон предполагает, в том числе, создание реестра объектов нематериального культурного наследия Республики Башкортостан с учетом исторической и художественной ценности жанров народного фольклора, их самобытности и угрозы исчезновения.

Как справедливо подчеркнул отечественный мыслитель А. Ф. Лосев: «миф есть наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность»[1]. Этот тезис конкретно подтверждают как богатое наследие архаической культуры и фольклора народов России, так и социокультурные конструкты но-

[1] История — миф — фольклор в еврейской и славянской культурной традиции : сб. статей. М. : Пробел-2000, 2009. С. 7.

вейшего времени, для которых мощным этнокультурным ресурсом является фольклор как голос поколений прошлого в настоящем еще со времен бесписьменных коммуникаций.

Сегодня современный мир, переживающий пандемию коронавируса, вступает в очередной виток глобальной трансформации, порождая в сознании людей новые мифы и модели поведения, подвергая пересмотру основы современного общества, синтезируя архаичное и современное в прочтении нового мира.

Через фольклорную кодификацию мифы сохраняют этническую идентификацию, иначе говоря, на уровне нейронных связей выполняют функцию сигнальной системы распознавания.

Так, к примеру, задача сохранения и возрождения в современном культурном ландшафте башкирской и татарской культурной традиции представляет особую значимость не только для этих тюркских народов, но и для всего содружества этноса российского хартленда Евразии, перекрестный обмен ценностями которого обогащает культурное наследие.

В Башкирии широко распространены такие праздники, как Дни славянской письменности и культуры, Международный Аксаковский праздник, фестивали «Никола вешний» и «Русские частушки», многочисленные этнокультурные форумы народов Башкортостана приобщают людей к самобытным традициям, воспитывают у молодых носителей родной культуры чувство уважения к окружающим культурам.

Поддержка профессионального и народного творчества, историко-культурных центров, гранты для учителей языковедческих дисциплин, развитие книгоиздания повышают интерес к изучению русского и родных языков, сохранению богатого культурного наследия. Синергетическую роль в этой работе выполняют Собор русских Башкортостана, Исполком Всемирного курултая башкир, Съезд татар и многочисленные историко-культурные центры, народные ансамбли песни, талантливые певцы и ценители музыкального творчества.

Гигантский скачок к цифровой парадигме знаний привел к тотальной модернизации культурных норм, образа жизни, способов получения образования, появлению новых атласов профессий. На эти обстоятельства еще три десятилетия назад указывал выдающийся мыслитель современности В. С. Библер: «Сейчас заканчивается определенный тип образования, в муках и смутах рождается совсем иной смысл школы, больше того, — иной смысл школьного отсека жизни современного человека... В переходе от Средневековья к Новому времени коренным образам изменился смысл образования — от тривиума и квадриума

классических средних веков — к идеалу «человека образованного», впитавшего в себя «последнее слово» «науки и техники» и — с ходу — способного включиться в эстафету дальнейшего восхождения — вперед и выше. Сейчас меняется строй разумения — от «человека образованного» к «человеку культуры», сопрягающему в своем мышлении и деятельности различные, не сводимые друг к другу культуры, формы деятельности, ценностные, смысловые спектры. Должно быть преобразовано само содержание образования»[1]. Однако такое мечтательное и идеалистическое представление об изменении образовательных смыслов, к сожалению, оказалось не полностью оправданным, поскольку не все идеи форсайта оказались реализованными, а алгоритмизация и технократизация образования привели к ослаблению творчества, читательской культуры, эвристического полета мысли, как учителя, так и ученика.

Выводы по II главе

1. Со всей очевидностью можно утверждать, что мифы обладают конструирующей способностью по отношению к объективной реальности, проявляющейся как в национально-культурном, так и в этнополитическом измерениях, когда «миф» и «фольклор» оказывают деятельное влияние на формирование историко-этнографической реальности, восстановление исторической памяти.

2. Мифология — интегральная символически кодированная система, объединенная образным, метафорическим, ценностным характером представления окружающего мира в разные эпохи и технологиями его трансформации и моделирования. Эпическая поэзия, вобравшая в себя мифологические образы и сюжеты, стала уникальным явлением в художественном вербальном творчестве народов мира, своеобразным катализатором развития национального духа, занимая в течение многих веков главное место в нематериальном культурном наследии.

3. Миф и фольклор обеспечивают самосохранение народов, сближая эпохи, разорванные в тысячелетиях времен, порождая комплекс чувственных ассоциаций, пробуждая эмоциональный интеллект, выстраивая нейронные, синтезирующие хронометрические связи между

---

[1] Библер В. С. Школа диалога культур. Основы программы. Кемерово : Алеф, 1992 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bibler.ru/shdkom_bi_os.php (дата обращения: 15.06.2020).

народами, культурными пластами, даже цивилизациями — как исчезнувшими, так и существующими поныне. Мифологическая действительность в фольклоре оживает в героях, собирательно служащих олицетворением национального духа и лучших качеств народов.

4. Лучшие фольклорные творения не принадлежат исключительно конкретному народу, их совокупность образует собой архитектуру общечеловеческого наследия. Фольклор и миф создают идеальную питательную среду для формирования мировоззрения человека, воспроизводства культурных ценностей из поколения в поколение, сообразно этапам жизни человека, поэтому каждый из фольклорных жанров и адаптации мифов были обращены как к детям, так и к старшим возрастным группам, что придает устойчивость национальным традициям.

5. Принятие своей этнической идентичности ведет к консолидации этнической общности — обращению к родному языку, росту запроса на национальные идеалы, историю своего народа, реконструкции фрагментов национальной мифологии, появлению этностиля в искусстве. Все это становится интегральной реакцией на тенденции возрождения духовной и материальной культуры в условиях глобализации.

Глава III
АРХЕТИПЫ ФОЛЬКЛОРА В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

3.1. Архетипы мифа как основа этнокультурной кодификации

Миф представляет собой комбинацию единства противоположностей, материального и идеального, реалистичного и сакрального, земного и небесного, общего и частного, внутреннего и внешнего, коллективного и индивидуального. В единстве сочетаются сакральное и реальное, отображая космогоническую природу зарождения истоков цивилизации, поиск гармонии между людьми, природой и духовным миром во время священного времени, когда в древние времена первородного мира происходит противоборство между светлыми и темными силами, а у прародителей — земных и небесных — рождаются герои, чьи подвиги и свершения получают отражение в эпических легендах, преданиях и сказаниях.

Мифическая проекция мировоззрения предков, помимо эмоционально-чувственного восприятия мира, включала и знаково-символическое коммуникационное сознание, кодифицировавшее культурный ландшафт и открывавшее горизонты познания действительности, лежавшие за пределами разума предков. В этой связи, как отмечает В. Д. Шинкаренко, «парадоксально, но человек рождается как человек, развивается, формируется и живет в мифе, и миф для него является осознанной частью обитаемой Вселенной, которая становится для него доступной через миф. Но в то же самое время человек, существуя в мифе, познает миф, а не реальный мир вокруг себя; и любое познание мира происходит внутри культурной модели мира — в мифе и по законам мифа. Миф за счет того, что порождает внутренние смыслы, включает в себя все воспринимаемые органами чувств элементы окружающего мира, — и тем самым эти элементы приобретают смыслы, встраиваются и выстраивают социокультурное пространство»[1].

[1] Шинкаренко В. Д. Формирование знаково-смысловой структуры социокультурного пространства: социологические аспекты происхождения игры, ритуала, магии, мифа и сказки : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2006. С. 46.

Миф открывает космогоническую картину мира, реальность, существующую помимо человека, он является коллективным культом, «отцом истории, самой древней религией, а в настоящее время выступает эффективным механизмом эмоциональной, психологической, духовной, межэтнической консолидации общности людей и целых народов, через призму которого может происходить интерпретация социальных явлений современности. В этом и состоит отличительная черта мифа как основы проектирования национальной идентификации личности и целого народа, передачи сакральной информации о самом себе во внешнюю среду. В этом значении мифология становится структурообразующим фактором развития этноса, позволяющим другим этническим общностям прочувствовать истоки культуры другого народа, понять его ценности и идеалы.

С этнологической точки зрения, для мифологической интерпретации характерно коллективное сознание, поскольку индивидуального начала в мифе древнего общества не могло возникнуть в принципе, и складывающаяся сумма общего опыта намного превосходила индивидуальные формы познания действительности. Совершенно справедливо подчеркивает Ф. Х. Кессиди: «В мифе коллективные представления, чувства и переживания преобладают над индивидуальными, господствуют над ними. Господство мифа означает безличность, растворение индивида в первобытном коллективе, родовой общине... Основная функция мифа не познавательно-теоретическая, а социально-практическая, направленная на обеспечение единства и целостности коллектива. Миф способствует организации коллектива, содействует сохранению его социальной и социально-психологической монолитности»[1].

Развертывая мысль Кессиди, можно сказать, что исключительно консолидация и внутренняя самоорганизация общины способны обеспечить ее нормальную жизнедеятельность, через принятие которых происходит ценностное самоопределение и личностное самоутверждение, завоевание своего места в племени, проявление способностей и навыков, в то время как изгнание в чужой мир непознанной природы было равноценно гибели.

Одним из самых действенных гуманитарных инструментов формирования гуманистичной этнической идентичности является фольклор. В глобальном мире имеется масса способов демонстраций и воспроизводства ресурсов мобилизованной этничности: от печатных и элек-

---

[1] Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии). М. : Мысль, 1972. С. 45.

тронных средств массовой информации до консервативных практик репрезентации традиционной этничности в виде национальных фестивалей, народных праздников, календаря событий, отраженного в этнических фольклорных мотивах.

Фольклорное творчество характерно для разных исторических периодов, но согласуется с универсальными закономерностями. Как отмечает исследователь русского фольклора в исторической перспективе М. В. Строганов, «совершенно очевидно, что темпы развития фольклорных жанров отражают темпы развития самой жизни. Фольклорные жанры догосударственного периода формировались и существовали на протяжении тысячелетий. Фольклорные жанры государственного периода формировались и существовали на протяжении веков. Фольклорные жанры индустриального и постиндустриального общества формируются и существуют десятилетия, но при этом они сохраняют основные черты, которые свойственны традиционному фольклору, — вариативность и повторяемость»[1].

Эти неотъемлемые составляющие культурного ландшафта, идеи и смыслы в периодизации истории образуют собой символически кодифицированное пространство, в котором этнические формы идентификации, характерные для целых поколений этносов, конструируются в новейшее время, и эта яркая, орнаментальная палитра проживается не только сообществом, диаспорой, семьей, но и каждым человеком, желающим быть продолжателем культурной традиции. Приверженность мифу как стержневой традиции объединяла людей в племена, роды, а затем и в целые народы. Начиная с доисторического прошлого человечества, описанного в классическом романе Жозефа Рони старшего «Борьба за огонь», когда кроманьонец, научившийся мечтать и мыслить одновременно и разумно, и эмоционально, почувствовал себя человеком, совершил цивилизационный прорыв, и до настоящего времени. И, чтобы не допустить духовный регресс, останавливающий время человека, чрезвычайно важна нравственная кодификация.

В своем труде «Диалектика мифа» А. Ф. Лосев обозначает шесть тезисов, которые выстроены иерархически и феноменологически раскрывают сущность понятия «миф»:

«1. Миф не есть выдумка или фикция, не есть фантастический вымысел, но — логически, то есть прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще.

---

[1] Строганов М. В. Исторические корни фольклорных жанров. М. : РГУ им. А. Н. Косыгина, 2019. С. 122.

2. Миф не есть бытие идеальное, но жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность.

3. Миф не есть научное, и в частности, примитивно-научное, построение, но — живое субъект-объектное взаимообщение, содержащее в себе свою собственную, вненаучную, чисто мифическую же истинность, достоверность, принципиальную закономерность и структуру.

4. Миф не есть метафизическое построение, но — реально, вещественно и чувственно творимая действительность, являющаяся в то же время отрешенной от обычного хода явлений, и, стало быть, содержащая в себе разную степень иерархийности, разную степень отрешенности.

5. Миф не есть ни схема, ни аллегория, но символ; и, уже будучи символом, он может содержать в себе схематические, аллегорические и жизненно-символические слои.

6. Миф не есть поэтическое произведение, но — отрешенность его есть возведение изолированных и абстрактных вещей в интуитивно-инстинктивную и примитивно-биологически взаимоотносящуюся с человеческим субъектом сферу, где они объединяются в одно неразрывное, органически сросшееся единство»[1].

Миф в абсолютном понимании ученого — тождество идеального и материального, идеи и материи, который «есть в словах данная личностная история», а его многозначность позволяет сформулировать и последовательно определить набор его главных свойств: «Миф — это такая диалектически необходимая категория сознания и бытия (1), которая дана как вещественно-жизненная реальность (2) субъект-объектного, структурно выполненного (в определенном образе) взаимообщения (3), где отрешенная от изолированно-абстрактной вещности жизнь (4) символически (5) претворена в до-рефлективно-инстинктивный, интуитивно понимаемый умно-энергийный лик (6)»[2]. В интерпретации А. Ф. Лосева «миф как символ жить есть личность», формирующий личностное бытие, или образ бытия личностного, что позволяет синтезировать понятия личности, истории, слова.

Миф является творцом — демиургом культуры, поскольку обладает воспроизводящими функциями: когнитивной (духовно-практическое освоение горизонтов мира, самоопределение человека в контексте определенной культурно-исторической эпохи), мировоззренческой (логическое и эмоционально-чувственное, художественно-эстетическое формирование картины мира), аксиологической (возникнове-

---

[1] Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М. : Мысль, 1994. С. 71–72.

[2] Там же. С. 183.

ние и культивирование иерархии ценностей), социально-регулятивной (разрушение хаоса и переход к поддержанию всеобщего порядка в мироздании, божественном и земном мирах, нахождение места и роли человека в воображаемых пространствах, ассоциативных ландшафтах).

С. Лурье в труде «Историческая этнология» раскрывает порядок формирования и преобразования этнических картин мира. Он обозначает два структурных элемента, которые образуют их основу: во-первых, это когнитивные константы, которые составляют ядро картины мира и часто носят бессознательный характер; во-вторых, это аксиологические доминанты, которые транслируют заряд позитивных ценностей, они осознаются, выражаются вербально, в том числе в разных жанрах фольклора. Как считает С. В. Лурье, «этническая картина мира — сформировавшиеся на основании этнических констант, с одной стороны, и ценностных доминант, с другой, представления человека о мире — отчасти осознаваемые, отчасти, бессознательные»[1].

Согласно утверждению Клода Леви-Строса, «миф — это язык, но этот язык работает на самом высоком уровне», что позволяет выдающемуся ученому выстроить семиотическую композицию, из которой следуют два основных вывода. Во-первых, миф образуют составляющие единицы, а во-вторых, они соотносятся с такими языковыми единицами, как фонемы, морфемы и семантемы, образуя и усложняя взаимосвязанную структуру из мифем, которые, в свою очередь, отличают мифы от других форм изначального бесписьменного творчества.

Леви-Строс полагает, что реальные единицы мифа образуют фокусы (пучки) отношений и их комбинации, приобретающие функциональную значимость в познании разных граней действительности, расшифровке творческого наследия всего человечества (в лингвистике, литературе, музыке, скульптуре, архитектуре и т. д.).

Необходимо учесть, что слои мифа никогда не бывают строго идентичны. Если оперировать категориями Леви-Строса, исследуя синхронно-диахронную структуру мифа, то начинает просматриваться множественность культурных слоев, формирующих структуру мифа, и теоретически их количество бесконечно, как в «калейдоскопе», где цветовая фрактальная комбинация каждый раз будет меняться и, соответственно, интерпретации мифов будут отличаться от предыдущих. Согласно мнению ученого, миф органично встроен в историю человечества и каждого народа в отдельности: «Миф будет развиваться как бы по спирали, пока не истощится его интеллектуальный импульс, по-

[1] Лурье С. В. Историческая этнология. М. : Аспект-Пресс, 1997. С. 228.

родивший этот миф. Значит, рост мифа непрерывен, в отличие от его структуры, которая остается прерывистой»[1], то есть будет оказывать свое влияние на мировоззрение.

3.2. Эпические символы мифологии в развитии мировоззрения

Несмотря на широкую изученность фольклора народов Евразии в контексте социального конструктивизма, его значение для формирования социокультурной, языковой и этнической идентичности только возрастает.

Политику на необъятных просторах Евразии многие века делали кочевники — печенеги, половцы, золотоордынцы, которые стали легендами Великой степи. Движение кочевых племен связано с историей длительных войн и набегов, которые привели к объединению людей и зарождению государств.

Расшифровка мифов народов Евразии показывает, что эпическое творчество было преимущественно направлено на сакрализацию общественных установок, нормирования верований, местных культов, в частности, поведения кочевников Великой степи. Кочевой образ жизни башкир и связанная с ним хозяйственная деятельность в значительной степени отразились не только на народном укладе, дизайне жилья, особенностях одежды, пищи, то есть на всем комплексе повседневной жизни и взаимодействиях с окружающей средой, но и на мировоззрении кочевников, этническом характере. В этой связи можно выделить такие характерные черты кочевой ментальности, как свобода духа, сочетание языческих и исламских мотивов в культуре — уникальном эпосе, стилевых решениях в искусстве, орнаменте, ментальности, верованиях и космогонических воззрениях, поклонении горам, тотемным животным, почитании предков, укорененности в этно-исторической памяти.

Национальный колорит, психологический склад и мировоззрение этносов, формировавшиеся многие века под влиянием природных и культурных ландшафтов, социальных факторов и передававшиеся через неразрывную связь времен и поколений, позволили сохранить свои уникальные характеристики до настоящего времени. Определяю-

---

[1] Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 2000. С. 121.

щей особенностью этих социокультурных механизмов, проявлявшихся в виде трансляции эпосов и легенд, явилось то, что они, формируя духовное пространство этносов, конструировали как коллективное, так и персонифицированное отношение к действительности. Благодаря этому сохранялось единство социумов и этносов, обеспечивалась преемственность культурных моделей этносоциального поведения, как прототипов законов, создававших своеобразный кодекс диалога между людьми и целыми народами.

Восточные легенды донесли до настоящего времени историю про тридцать персидских птиц, пересекающих горы и моря, чтобы увидеть лик своего бога — Симурга, который есть каждая из них и все они разом. В далеком прошлом любое начинание с благими целями увенчивалось успехом. С большими испытаниями в этом непростом путешествии, преодолев семь долин — поиска, любви, познания, отрешения, единения, удивления и уничтожения, характерные для суфийской философии, птицы находят жилище Симурга в виде большого чистого озера, в котором видят лишь свои собственные отражения. На образном языке поэзии выражение «увидеть Симурга» означает — осуществить несбыточную мечту. Ответ этимологии имени и одновременно истины поиска обнаруживается на самой поверхности: Симург — слово «си» по-персидски — тридцать, «мург» — птица — это и есть они сами, каждая из них и все вместе.

В целом Симург — традиционный символ бессмертия в философской картине миропонимания иранских, арабских и тюркских народов.

Генетически легенда о Симурге связана с образом сказочной птицы Хумай — женским божеством, которое с древних времен чтили некоторые тюркские народы, родственным для славянской мифологии, русского фольклора — птица вещая — Гамаюн, Финист — мудрости или обновления, или же Жар-птица, наделенные сверхъестественными способностями.

Мифологический образ Хумай — волшебной птицы пронизывает знаменитые произведения башкирского фольклора. В европейской мифологии прочно укоренился образ Феникса, метафорически символизирующего триумф вечной жизни, веру в добро, воскрешение, чему в немалой степени способствовало распространение христианства и связанного с ним воскрешения к вечной жизни, возрождения из пепла (праха).

Истоки этнических самоназваний башкир содержатся в архаических фольклорно-мифологических представлениях самого народа.

Башкиры — прямые наследники тюркской кочевой цивилизации, которая была широко распространена в эпоху средневековья на

всем азиатском пространстве, но осталась в веках далекого прошлого. Во многом эти причины кроются в тенденциях общего генезиса, повлиявшего на коренное изменение образа жизни тюркских народов: в связи с добровольным вхождением Башкирии в состав России в середине XVI в. и последовавшим за ним развитием городских поселений, ростом производительного земледелия, культуры ремесленничества, положившей начало индустриализации, расширению перекрестных контактов.

Корневую основу башкирского этноса составили древнетюркские племена, связанные своим происхождением с территориями Саяно-Алтайского нагорья, Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, которые в процессе расселения по Южному Уралу вступили во взаимодействие с местным финно-угорским и сармато-аланским населением. Под именами «башгирд», «башкирд», «башджирт» и т. д. они стали известны уже в IX–X веках. Позднее башкиры активно контактировали с булгарскими, кыпчакскими, ногайскими, калмыкскими, сартскими и другими родами и племенами.

В начале XXI в. численность башкир в мире составляла около 2 млн человек, большинство которых проживает в регионах Российской Федерации. За пределами страны наиболее крупные диаспоры башкир отмечены в Казахстане, на Украине, Венгрии, Германии, Китае, Турции, Японии, США. В Кыргызстане проживают более 1 тыс. башкир.

Древнетюркские племена пришли на Южный Урал с территории современной Монголии, Алтая, Южной Сибири, Средней Азии, Приаралья с уже сложившейся кочевой культурой. В материальной культуре и хозяйственных занятиях башкир прослеживаются общие черты с этими народами, начиная от общих видов хозяйственной деятельности до отдельных узоров в прикладном искусстве — рогообразных и спиралевидных фигур, бегущих волн и производных мотивов. Кочевничество у башкир приобрело черты полукочевого скотоводческого или отгонно-пастбищного хозяйства с устройством постоянных поселений с выездами на яйляу (летовки).

Принадлежность башкир как представителей тюркской семьи к алтаистской цивилизации позволяет им справедливо утверждать, что они жили в этой части Евразии с незапамятных времен.

Удивительно, что языческие мировоззренческие представления башкир, отображенные в фольклоре, привели к слиянию образов человека и возвышенной птицы как символа чистоты и рождения жизни. Так, в эпосе «Урал-батыр» Хумай — дочь царя птиц Самрау и Солнца. Мать, омыв ее водой из родника живой воды, дарит ей бессмертие. Она

живет то у матери на небе, то у отца на земле, принимая облик лебедя или златовласой девушки.

Божественную природу Хумай подчеркивают солярные знаки — сравнения с образами небожителей — Солнцем, Луной, звездами, передающие восторг и преклонение людей перед ореолом небесных светил.

Истинный союз в фольклоре является достойным образом для подражания потомками: народный герой — Урал-батыр встречает на своем пути свершения подвигов равноправную, под стать его выдающимся способностям, героиню Хумай, готовую пойти с ним ради достижения высшей цели. Уралу придает сил любовь богини, и она для победы над драконами — великим Злом и свершения благородных деяний — передает ему булатный меч и мифического небесного коня Акбузата.

Еще одно яркое проявление природной мощи Хумай — рождение сына Иделя. Тема материнства в народном фольклоре занимает особое место, она является неотъемлемой частью первозданного мировоззрения людей и передает естественный круговорот природы. Хумай — мать Иделя — полноводной и сильной реки, символизирующей величие природы Башкирского края, в которой дуально отражено слияние мужского и женского начал.

Всесильным чувством созидающей любви пронизано отношение Хумай к мужу, сыновьям, отцу, матери, всему живому, по сути представляющей собой акт творения — ведь именно ее брак с Урал-батыром послужил зарождению лебединого племени людей на Урале, и не случайно в народных преданиях содержится категорический запрет охоты на этих прекрасных птиц.

Как видим, образы башкирской мифологии распределялись на антропоморфные образы (духи-покровители и злые-духи, герои-батыры), зооморфные образы, обожествленные стихии и первозданная природа.

Нравственный кодекс составлял стержневую основу портрета выдающихся героев прошлого, который как духовный образец наследовался потомками. В образе Урал-батыра получили воплощение такие качества, как бескорыстие, честность, сила воли, заступничество за слабого, великодушие, душевная щедрость, стремление к достижению справедливости, способность к самопожертвованию, мужество и отвага. Весь этот свод достойных качеств подчеркивал идеал верного сына своей земли, башкирского народа. В свою очередь, нравственный идеал женщины, отображенный в образе Хумай, составляют мудрость, красота, смелость, готовность встать на защиту родной земли. В этом значении, как подчеркивает профессор В. И. Баймурзина, «идеалы свя-

зывают исторические эпохи и поколения, устанавливая между собой преемственность лучших традиций»[1].

Таким образом, где «Башкирский Урал» — рифейские горы — самые древние на планете, там и «Великая Мать» — Хумай. Где батыр отрекся от бессмертия ради жизни людей и спасения всего мира, там и благословенное место, увековеченное в народном эпосе. В этом плане мы согласны с точкой зрения Юлии Чернявской в том, что в «эсхатологической трактовке культурный герой трансформируется в жертву. Реальная трагедия — гибель человека, обрастая обобщениями и коннотациями, перестает быть тождественной самой себе. Смерть принадлежит уже не герою, а социуму: она важна как «конец», из которого прорастает завязь «начала». Возможность начала — и в древней, и в новой мифологиях — достигается ритуализацией. Потому современный жертвенный культ всегда имеет отсылку к архаике — к «мировой горе», которая возводится на нетленных останках «отца племени». Поскольку герой и общность представляют собой двуединство, где часть (герой) есть репрезентация целого — этноса, а целое — прообраз части, нередко в роли героя выступает весь народ»[2].

Эпическая победа Добра над древним Злом, ставшая главным идейным смыслом первых времен, привела к процветанию башкирского края, положила начало земледелию и ремеслам, приручению диких животных, возникновению свода ценностных и политических идеалов людей, населявших Урал в древние времена. В башкирском эпосе «Урал-батыр» главный герой говорит: «Сколько мы живем, всегда сильный пожирает слабого. Давайте отвергнем этот злой обычай». Эти исторические слова получили эпохальное значение, и по принципу преемственности как высокая ценность проявления человечности дошли до наших дней. Естественное стремление жить по справедливости — это исконное стремление народов, которое продолжает культивироваться благодаря сохранению легенд и преданий.

В разных источниках Южный Урал определяется как центральная точка возникновения общности людей, откуда новая цивилизация распространилась по всей Евразии. Эта мифологема может соотноситься

---

[1] Баймурзина В. И. Народный идеал совершенного человека // Представления народов России о совершенном человеке // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1. С. 341.

[2] Юлия Чернявская. Идентичность на фоне мифа [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/05/18/1271955806/08_03_cherniavskaya_k.pdf (дата обращения: 18.08.2020).

с открытием палеолитического святилища с наскальными изображениями — пещеры Шульган-таш (Капова пещера) и Аркаима — одного из первых индустриальных поселений человечества.

В качестве ядерного концепта мифологического фрейма «Урал-батыр» выступает «сильный, мужественный батыр». Вокруг него концентрируются субфреймы мифологического фрейма мифов о главном герое башкирского народного эпоса: «Урал-батыр», «рождение будущего героя», «испытания Урала», «подвиги Урала», «отречение Урала от вечной жизни», «самопожертвование Урала», которые выражают стереотипное представление о мифологическом сюжете. Как видно, мифологический фрейм «Урал» имеет двойственную природу в плане организации: статическую — ядерный концепт «сильный, бесстрашный батыр», который позволяет мифу быть обобщением, и динамическую — способность разворачиваться в пространстве в виде сюжета. Условно мифологический фрейм «Урал-батыр» представляем в виде следующей таблицы:

СТАТИЧЕСКИЙ ПЛАН					
Ядерный концепт «сильный, мужественный батыр»					
вершинный уровень	«Урал-батыр»				
нижний уровень					

СТАТИЧЕСКИЙ ПЛАН					
Ядерный концепт «жена легендарного героя, прекрасная лебедь»					
вершинный уровень	«Хумай»				
нижний уровень					

СТАТИЧЕСКИЙ ПЛАН					
Ядерный концепт «герой-антагонист, принявший сторону темных сил»					
вершинный уровень	«Шульген»				
нижний уровень					

Мифологема имеет ярко выраженный национальный колорит, так как при конкретном воплощении испытывает влияние этнокультурной картины мира. В качестве примера можно привести один из священных символов эпоса «Урал-батыр», в котором раскрывается глубокий философский смысл мифологемы — «Родник жизни». Испивший воды из этого истока творения, обретая бессмертие, приобщается к вечной жизни, познает мудрость бытия и постигает высшую Истину. Родник жизни являл собой воплощение природной мощи, и идея о роднике жизни свойственна прото-религиозным и философским традициям тэнгрианства. Урал побеждает дивов, и только у Родника бессмертия осознает сакральный смысл своего бытия, заключающийся в том, что истинное бессмертие человека состоит не в бесконечном физическом существовании, а в добрых делах на благо мира.

Мифологические события, происходившие в глубокой древности, накладываемые через прочтение эпических сказаний на современную карту Южного Урала, показывают географическую пространственность и их привязку к конкретным территориям — имманентно существующим диким лесам, озерам, знаменитым горам. Таким образом, с одной стороны, происходит прославление родной земли, а с другой — через этногенетические мотивы подчеркивается их относительная историческая достоверность, в которой соединились реальность и фантастический вымысел.

Таким образом, великий эпос «Урал-батыр» и запечатленные в нем культурные коды чрезвычайно значимы для формирования духовного стержня российской нации в целом, и самого башкирского народа — автора этого выдающегося произведения прошлого в частности. В современных условиях он по-прежнему выполняет благородную социально-педагогическую миссию — учит людей высоким идеалам гуманизма, достойным поступкам, ведет потомков к новым свершениям по пути добра, истины и красоты.

Фольклорное творчество неразрывно связано с глубинной природой мифа, но, несмотря на их прямую взаимосвязь, они имеют зримые различия. Если в стержневой основе мифа — необъятная попытка понимания мироздания, всей полноты вселенной, раскрываемой в эпических преданиях, то фольклор объясняет мир более упрощенно, нормируя социально-бытовые обряды, ритуалы, празднества, передавая из поколения в поколение повседневные традиции народа.

В традиционных мировоззренческих представлениях человеческие жизненные циклы и сезонные цикличные явления природы сопоставлялись, что получало отражение в фольклоре и обрядах, распростра-

ненных среди сельчан и касавшихся календарной стороны жизни — как кочевой, так и оседлой — семей с устоявшимися традициями хозяйствования.

В целом хранилищем объемных человеческих знаний предков о мире, природе, человеке и разумном поведении в обществе являются национальные эпосы. Обширные культурные пласты за многие века, вошедшие благодаря исторической памяти через предания старины в коммуникационное пространство, в течение многих веков кодифицировались, дополнялись, передавались через сказителей череде поколений и являлись не только отражением прошлого опыта, но и заветами предков будущим потомкам, образцами поведения, отношения к природе, племен и народов друг другу, содержали сакральные знания. Это уже не разрозненные фрагментарные знания, образующие этнокультурные и лингвистические парадигмы коллективного сознания многих поколений людей, но целое эпическое полотно высокохудожественного творчества, олицетворения народной эстетики для говорящих на родном языке. Все это способствует проникновению духовного и социально-культурного опыта в современные пласты цивилизации.

3.3. Этнотопонимика в формировании национальной идентичности

В контексте нашего исследования значимый интерес представляет научный труд Пьера Нора, посвященный местам памяти, в котором ученый справедливо утверждает, что «места памяти — это не история в обычном понимании, а сложная мозаика символов культурной идентичности»[1].

Почитание вершин рукотворного и природного происхождения является общечеловеческой социокультурной универсалией. Величественные горы и пики скал внушали человеку сакральное чувство преклонения перед этими столпами, на которые опиралось само небо.

Вспомним: мифические древнегреческие боги обитали на горе Олимп, что характерно и для японского синтоизма. Библейские пророки древности получали откровения на вершинах гор. На вершине горы Синай пророк Моисей получил от Всевышнего первые заповеди для людей. И знаменитая Нагорная проповедь, ставшая одним из основ-

[1] Нора П. Франция — память. Проблематика мест памяти / пер. с фр. М. Иванищенко. СПб. : Изд-во СПГУ, 1999. С. 17.

ных источников христианского пацифизма, была произнесена на горе, названной впоследствии Горой блаженств. После восхождения на гору Фавор произошло Преображение Иисуса Христа. Строительство храмов на вершинах, что является общим для европейской и восточной культурных традиций, и в космогоническом смысле символизирует разделение мира на мир людей (подножие горы) и мир богов (вершина горы). Архетип горы и его превосходство над равнинами просматривается и в творчестве европейского мыслителя Ницше, в философии которого достижение вершин гор тождественно восхождению к истине и духовному освобождению: «Кто поднимается на высочайшие горы, тот смеется над всякой трагедией сцены и жизни»[1].

Для башкирской мифологии также характерен культ гор, поскольку башкиры являются коренными обитателями территорий Южного Урала, а пространственность мифологического мышления предков получила отражение в эпосе «Урал-батыр», где утверждается, что из тела героя сказания возник хребет Урал-тау. В целом мифологизация пространства башкирскими кочевниками являлась элементом национальной идентичности. Знаменитый энциклопедист, лексикограф и этнограф В. И. Даль писал о существовании у башкир мифологического сознания, наполнявшего природу сказочными персонажами: «Леса, дебри, горы, воды и пещеры населены лешими, водяными, русалками, известными под именем джин, дух; каждою горою, каждым озером обладает такой джин, добрый или злой; но все это рассказывает вам башкир стихами или напевает, вторя чебизге или кураю, в прошлом времени»[2].

Сакрализация памятных территорий свидетельствует о том, что истоки башкирского этноса берут свои национальные начала в этнокультурной традиции сбережения природной среды. Поэтому любые попытки промышленной разработки наиболее известных достопримечательностей, имеющих символическое значение, вызывают сложную этнополитическую реакцию, включение родового мышления и приводят к появлению новых мифов.

Противопоставление сил «добра и зла», известное с изначального рождения мифа, получившее развитие с мифологических времен, представляет собой сегодня одно из основных противопоставлений в рамках экологической и этнополитической мобилизационной проблематики.

---

[1] Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М. : АСТ, 2019. С. 42.

[2] Хамидуллин С. И. Шихан Торатау: прибежище святых, миф о ногайском хане и «книга Чингыз» [Электронный ресурс]. URL: https://realnoevremya.ru/articles/97434-chem-shihan-toratau-sakralen-dlya-bashkir (дата обращения 26.08.2020).

Культура почитания священной горы Торатау имеет древние исторические корни. Социокультурный феномен «Торатау» — это неотъемлемая составляющая духовно-нравственной жизни и культурного ландшафта современного Башкортостана — один из ключевых факторов позитивного влияния на пространственную целостность Башкирского края. Безусловно, частичная производственная эксплуатация гряды шиханов, начавшаяся еще в советский период, послужила и продолжает работать на целые поколения людей, обеспечивая рабочие места и сохраняя социальную стабильность. При этом в современной культуре общества зреет понимание того, что этот геологический, нерукотворный памятник природы — свидетель формирования суши планеты Земля, давший на многие тысячелетия приют уникальной флоре и фауне, должны увидеть потомки. При нем зарождалась и развивалась цивилизация — прокатывались миграционные волны с Алтая, и эта возвышенность стала священной для местных племен: здесь принимались судьбоносные решения, совершались жертвоприношения в языческие времен, а традиция давать обеты сохранилась и в настоящее время.

В прошлые века предками был сложен свод неписанных правил относительно правильного поведения в Уральских горах. Нравственно-этический кодекс предполагал, что соблюдение обычаев и ритуалов сохраняло живших на окрестных территориях от разрушительных стихий, влияния суровой природы гор, где, считалось, обитали духи — древние хозяева этих земель. Почитание, в частности, горы Торатау выражалось в установлении связи с могущественными божественными силами: «Каждый праздник летом и осенью поднимались и произносили благопожелания, просили мира, достатка, водили на вершине горы тунэрэк. В год два раза совершали жертвоприношения, старики молились. Громко произносили благопожелания»[1].

Как пишут исследователи взаимосвязей геологического, природного, исторического и культурного ландшафтов, слияние которых привело к возникновению уникальных мировоззрений и памятников бесписьменной культуры, самых разных фольклорных жанров, «показательны в них проекции верований, мифологических представлений как форм первородных знаний о священности горы Торатау. Собранные фольклорные, этнографические данные (в статье приведена только часть их) предоставляют неоспоримые свидетельства о мировосприя-

---

[1] Султангареева Р. А. Народные знания о священности горы-останца Тратау : сб. статей III Междунар. науч.-практич. конкурса. Пенза : Наука и просвещение, 2016. С. 72.

тии, философии и почтительном отношении коренного народа к своим святыням и к горе, в частности. Гора Торатау представляется как мерило духовно-нравственного состояния народа и материализованный дух мира и являлась частью религиозно-синкретического комплекса. Отсюда идея неприкосновенности связывается с особой силой влияния горы. Устойчиво поверье о том, что, «если разрушится гора, разрушится мир; выйдет большая черная вода, масло (ҡара май) и погубит все вокруг». «Издревле гора — место молений, но если разрушат гору, выйдет большая черная вода и затопит все кругом»[1].

Предки башкир считали, что даже название священных гор недопустимо произносить вслух, и воспринимали их как сакральные, особо значимые места, разделяющие мир на «этот и другой», «свой и чужой». Нахождение рядом с ними, и тем более подъем на гору должны иметь объективную причину, и негласные заветы предписывали особые ритуалы и манеры особого поведения, чтобы уберечься от опасности, не разгневать духов и совершить правильные действия. Вершина воспринималась как непоколебимый и нерушимый образ мира, неподвластный течению времени. Она олицетворяла саму Вселенную: считалось, что гора была построена по велению Тэнгри могущественными стихиями природы — водой, ветром, огнем, воздухом. Это божество тюркских народов было антропоморфизованно, то есть наделено человеческими чувствами, и знаки в виде стихийных природных проявлений, с которыми сталкивались наши предки, воспринимались ими как проявление воли космогонической силы, что получало отражение в фольклоре.

Поэтому любое осквернение или беспощадная выработка горных пород воспринимались крайне негативно во все времена, что подтверждают мотивы защиты хранительницей медной горы заповедных территорий в уральских сказах русского писателя-фольклориста Павла Бажова. Сакральность гор усиливали не только запреты, но и ритуальные древние погребения святых провидцев, шаманов, мулл, достойных ханов, к которым совершались паломничества.

Археологические памятники Южного Урала нередко располагались на возвышенностях, учитывая уникальный рельеф местности, и эти особенности служили сакрализации открытых пространств, при-

---

[1] Султангареева Р. А. Священность горы Тратау: постижение обычаев и норма неприкосновенности (по материалам фольклорных и этнографических записей последних лет) // Мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. (с междунар. участием), посвященной 75-летию профессора Р. З. Янгузина «Люди, культуры, пространство: социокультурная динамика мира Евразии» (Уфа, 15–16 ноября 2016 г.). Уфа : БГУ, 2016. С. 293–301.

родных и рукотворных объектов — средневековые некрополь и современные пирамидки. Так, например, чтобы поклониться святым местам на горе Нарыстау, находящейся на территории Миякинского района Республики Башкортостан, приезжают люди со всего мира. Как гласит легенда, священную силу ей придают захоронения последователей и сподвижников Мухаммеда, отец и сын: Зубаир ибн Заит и Абдуррахман ибн Зубаир. Еще в VII веке они пришли в наш край как миссионеры для распространения ислама среди язычников. Безусловно, суфийские мотивы в религиозном искусстве, формировании архитектуры пространства, как и поддержка местных властей, мусульманского духовенства, индустрия паломничества ведут к признанию этого мемориала сакральным местом для почитания памяти святых людей.

Также считается, что на горе Нарыстау покоится легендарный батыр — Идукай, выступавший против татаро-монгольского ига «Золотой орды». Именно он возглавил восстание за освобождение Урала против хана Тохтамыша в конце XIV столетия. Считается, что благодаря его стараниям по объединению башкирских племен — кыпсак, тамьян, катай, табын, юрматы — его родной народ преодолел разрозненность и изгнал чужеземных захватчиков. Тем самым он доказал, что истинная сила людей — в единстве. Мурадым — сын главного героя, продолжил дело своего великого отца.

В знаменитом башкирском эпосе «Идукай и Мурадым», посвященном этой легендарной личности, Идукай представлен как бесстрашный и справедливый воин, защитник родной земли. Почитание духов предков стало устойчивой традицией, которая привела к маркированию территорий, приобретающих сакральное значение в мировоззрении башкирского народа. Поэтому неприкосновенность отдельных гор, хребтов, курганов, менгиров, озер, родников, даже видов птиц и зверей, наделенных одушевленными свойствами, распространялась не только на отдельные рода, но и на весь народ. Не случайно в эпических сказаниях как уроках нравственности предков были расставлены маркеры предупреждения, задававшие модели поведения в священных местах и осуждавшие любое пренебрежительное отношение к природным и рукотворным святыням.

В народных воззрениях это место обладает особой целебной силой, и здесь человек, пришедший с добрыми мыслями, получает умиротворение, находит ответы на неразрешимые вопросы, а загаданные на холме желания исполняются. Языческие тэнгри-мотивы в восприятии горы «Торатау» причудливо объединялись с суфийскими исламскими воззрениями, что приводило к возникновению религиозного культа

поклонения сакральному месту, олицетворяющему рух (дух) башкирского народа, выполняющему предназначение хранителя жизни, мира и Земли: «Гора Торатау хранит силу — ҡот (т. е. дух) башкирского народа, ее издревле оберегали, молили ее о помощи». «Во время войны поднимались каждую пятницу на гору и молили о победе. Тот, кто совершал по совету стариков круговое хождение семь раз вокруг горы, все вернулись живыми». Бесплодные женщины просили детей. Идут к знахарке, а она и говорит, мол, «а ты попроси у горы». «Мы на горе произносили благопожелания во имя мира и счастья Ер-һыу (Земли-Воды). Она ведь всегда ждет молитвы от человека, тогда и земля, и мы сил набираемся».

В прошлые века сложился особый ритуал восхождения на культовую гору, которого придерживалось взрослое население: «Перед восхождением совершаем омовение, надеваем чистые одежды, произносим ният-обет о том, с какой надеждой, с какой целью поднимаемся, говорим о том, что мы должны делать... Надо обязательно просить позволения Аллаха Всевышнего и духа горы («менер алдынан Алланан, тау эйәһенән ризалыҡ алабыҙ»).

В то же время следует отметить, что на Южном Урале и на степных просторах насчитывается более сотни археологических памятников, сакрализованных в последние десятилетия, и самый знаменитый из них Аркаим — городище бронзового века (около 4 тыс. лет) — ровесник египетских пирамид, нередко сравниваемый с британским каменным мегалитическим сооружением Стоунхендж (внесен в список Всемирного культурного наследия).

Благодаря расширению миссионерских практик, визитам в Башкортостан представителей различных исламских течений, значительно возросло значение обряда поклонения святым (аулия) — захоронениям с многовековой историей. Все это приводит к значительному росту «мест поклонений» — появлению новых достопримечательностей — курганных насыпей, каменных выкладок, установке поклонных символов, рождению новых легенд и преданий, что привлекает большое число паломников.

Широко распространена точка зрения, согласно которой разрушение гор приведет к нарушению космогонического равновесия, из-за чего могут происходить природные катастрофы и духовное обнищание людей.

Экономические интересы промышленной разработки месторождения известняка — идеального минерального сырья из шиханов для производства пищевой соды, представляющих собой в геологическом плане

остатки барьерного рифа Пермского периода, которым насчитывается 300 млн лет, вошли в коллизию с национальным вопросом. Мобилизация чрезмерной этнополитической и экстремальной активности разнородных общественных сил и эко-активистов привела к значительному всплеску протестных настроений летом 2020 года. Стихийные и организованные флэшмобы «Кольцо жизни», народные собрания, палаточные лагеря, мобилизовавшие эко-активистов, защитников природы из других регионов, знаменитых деятелей культуры, вывели этот затянувшийся этнополитический конфликт в федеральную повестку.

С научной и природоохранной точки зрения эти шиханы отличаются разнообразными экосистемами, в том числе эндемичными, избравшими местом своего обитания пермский ископаемый риф. В частности, шиханы Торатау и Юрактау были признаны памятниками природы в 1965 и 1985 годах.

Ландшафты шихан с древних времен притягивали людей. На территории и в непосредственной близости к шихану Куштау в настоящее время имеются четыре объекта археологического наследия. Все они являются объектами федеральной государственной охраны: селище Куш-тау Западное. I тыс. до н. э. (курмантауская культура), выявлено в 1951 году; селище Куш-тау Южное. Первая половина — середина I тыс. н. э. (эпоха раннего средневековья), выявлено в 1952 году; селище Урняк. Середина II тыс. до н. э. (абашевская культура), выявлено в 1951 году; Урнякский могильник. Первая половина I тыс. до н. э. (курмантауская культура), выявлен в 1953 году.

Культурное и эпическое наследие башкир непосредственно связано с этнотопонимикой. В настоящее время эти горы сохранили свое сакральное значение.

Несмотря на попытки общественной организации «Башкорт», признанной экстремистской, искусственно развязать конфликт через провокации и конфликтную мобилизацию и расколоть гражданское общество, этого не произошло, поскольку политическим компромиссом стало придание охраняемого статуса горе Куштау, которая была объявлена памятником природы республиканского значения.

Следует также отметить, что картирование культурных ландшафтов мегаполисов и многих других общественных пространств территорий показывает, что в названиях публичных заведений в немалой степени присутствуют иностранные наименования, то есть они не передают в своей массе ни национального колорита, ни нравственных ценностей. В то же время в Республике Башкортостан популярность начинают приобретать топонимические названия «Иремель», «Шульган-Таш»,

«Торатау», снижающие высокую «засоренность» визуального контента — улиц, магазинов, кафе и прочих общественных заведений иностранными названиями. Безусловно, заведения, работающие по франшизе, не мотивированы на замену названий, однако если создать на муниципальном уровне стимулы и льготы, закрепленные решениями местных советов депутатов, то немалая часть бизнесменов предпочтет заменить «иностранные вывески» на названия с региональным компонентом, что может стать элементом, подчеркивающим особенную самобытность градостроительной политики.

Таким образом, мы видим, как жизнеспособность националистическим настроениям придает архаика массового сознания, наиболее остро проявляющаяся в периоды экономических и экологических катастроф: происходит мобилизация и консолидация местных сообществ в протестные формы самоорганизации, когда традиционалисты, едва не перешагивая грань регионального сепаратизма, начинают ситуативно проявлять экстремальное поведение, доказывать свою приверженность этническим традициям, преданность сакральным уголкам природы, вступать в противоборство с властями и т. д.

3.4. Этнические формы политической консолидации как фактор формирования национальной идентичности

В архаичной культуре башкир еще с древних кочевых времен сложилась своеобразная форма общественного самоуправления племени или рода — Йыйын (в переводе с башкирского языка «сход», «сбор») — народное собрание, орган самоуправления, проходившее как народный праздник. На это знаменательное событие собирались представители родов для обсуждения и решения наиболее значимых вопросов. Как полагают известные знатоки истории, культуры и родного языка Р. З. Янгузин и Ф. Г. Хисамитдинова, «йыйын возник в древности, как орган родоплеменного самоуправления общины, в функции которого входило решение вопросов войны и мира, уточнения границ родоплеменных территорий, порядка перекочевок, улаживания мирным путем межродовых трений, споров. Позднее на йыйынах также решались земельные вопросы, распределялись сенокосные угодья и летние пастбища»[1].

[1] Янгузин Р. З., Хисамитдинова Ф. Г. Коренные народы России. Башкиры. Уфа : Китап, 2018. С. 245.

Всеобщий сбор не определялся конкретным временем года и не относился к числу традиционных календарных праздников, но был ситуационно укорененным в этнополитической традиции и проводился в связи с обострением сложных проблем, требующих участия глав и старейшин родов, присутствия больших народных масс с каждого племени, земли и т. д. Как гласят легенды, аксакалы (дословно — «белобородые») — старейшины рода могли сказать свое веское слово, обратиться к истории, привести поучительный пример, дать мудрый совет, оценку тем или иным событиям и явлениям, грамотно распределить ответственность за принимаемые решения.

Таким образом, в историческое время йыйыны были аналогичны площадкам всенародного схода населения, подобно вече или майдану. В средневековье они представляли собой институт управления и принятия правомочного решения проблем.

Обязательной частью йыйына становилась и совместная трапеза, сохранившая черты первобытного уклада. Угощение из одного котла, распитие кумыса из одной чаши, пущенной по кругу, раздача мяса тоже подчеркивали равенство собравшихся.

Установка в середине майдана шеста (ҡолға) знаменовывала начало праздника. После чтения муллой намаза начинались состязания: борьба, конные скачки, прыжки, бег, игры на курае, песни, пляски. Популярным видом соревнований на йыйынах была стрельба из лука: с большого расстояния нужно было попасть в движущуюся мишень — колечко. Это те виды состязаний, которые способствовали физическому развитию подрастающего поколения и выявлению самых сильных и ловких батыров. По традиции молодежь и начинала соревнования. Победа в таких соревнованиях выдвигала юношу в число уважаемых, выдающихся личностей общины. Он получал звание батыра, а в случае войны возглавлял отряд воинов своего рода.

На йыйынах проводились, как правило, и творческие состязания. В преемственности культуры степняков особую роль играли одаренные люди, способные передать литературные творения в поэтической форме. У башкир — это сэсэны, у казахов — акыны. Сэсэн — поэт-импровизатор и певец. Он импровизирует в форме песенного речитатива под аккомпанемент думбры. Многие исторические сведения о йыйынах хранятся в эпических произведениях народного творчества.

Нельзя не отметить, что в последние годы йыйыны проводятся и башкирскими диаспорами, проживающими за пределами Башкортостана — в регионах России и за рубежом. В 2019 году в Ишимбайском районе у подножия горы Торатау впервые прошел Республиканский

фольклорный праздник «Торатау йыйыны». На мероприятие собралось более 50 тысяч зрителей не только со всей Башкирии, но и из соседних регионов России. Это событие стало настоящим йыйыном башкир, где состоялось заседание исполнительного комитета Всемирного курултая (конгресса) башкир с участием гостей со всего мира. На нем обсуждались актуальные вопросы дальнейшего развития и объединения башкирского народа. Вместе с тем ученые отмечают, что содержание и характер йыйынов меняются: наблюдается этнополитизация этого гражданского института, что влечет за собой опасность параллельного образования нелегитимных структур, как трибуны неформального влияния на общегосударственные процессы или решения.

Объединяющим фактором народов, проживающих в Республике Башкортостан, служат национальные праздники.

Для тюркских народов — в первую очередь, башкир, татар, чувашей и проживающих совместно этносов — всеми любимый, самый душевный байрам[1] — это Сабантуй, в переводе на русский язык «Свадьба плуга».

Хотя письменных источников, по которым можно судить об исторических корнях сабантуя, практически не сохранилось, по произведениям устного народного творчества, отдельным записям путешественников и исследователей ученые делают выводы о древности этого праздника. Издревле он отмечался перед началом или окончанием сева, и его смысл, по всей видимости, заключался в задабривании духов плодородия, чтобы получить хороший урожай в новом году.

Основные действия на Сабантуе согласуются с башкирским фольклором, мифологией и имеют богатую этнографическую почву. Устойчивая связь «миф — обряд» особенно отчетливо проявляется в так называемых «культовых мифах»[2], отраженных в символах и знаках этого народного праздника. В древности считалось, что он способствовал сохранению единства башкирской общины и укреплению межродовых связей. Традиционно сабантуи проводились в каждом ауле, приглашались также жители соседних деревень. На поляне около деревни оформляли праздничную площадь — майҙан, которую застилали разноцветными паласами и тканными скатертями, делали навесы и сооружали шатры, в центре устанавливали столб (ҡолға, баҫана), женщины украшали ветви деревьев лентами.

---

[1] Байрам в переводе с башкирского — праздник.

[2] Токарев С. А. Обряды и мифы // Мифы народов мира : Энциклопедия : в 2 т. Т. 2. М. : Сов. энцикл., 1980. С. 235.

«Свадьба плуга» проходит в больших и малых городах, селах и деревнях многих регионов России, включая такие фронтирные территории, такие как Сахалин, Чукотка, Камчатка.

В настоящее время Сабантуй стал международным праздником, получил федеральный статус в России, а представители Башкортостана и Татарстана участвуют в сабантуях по всему миру. Из праздника тюрков Сабантуй превратился в многонациональное торжество.

Традиции башкирских йыйынов продолжает набравший значительную популярность фольклорный праздник — праздник САЛАУАТ ЙЫЙЫНЫ. Он проходит ежегодно в рамках Дней Салавата Юлаева в городах и районах Башкортостана. В рамках праздника проводятся состязания — «Салауат йыйыны батыры», «Сая кыззар», конкурс юрт, традиционные спортивные соревнования: ходьба по шесту, куреш и др.

При этом различного рода игры, спортивные состязания связаны с национальными традициями и поверьями. Так, во время Сабантуя, как об этом пишет в своем исследовании З. Г. Аминев, «конные скачки происходят не по линейной, прямой трассе, а вкруговую. В этих конных бегах по кольцевой трассе мы можем усмотреть как имитацию движения солнца по небосводу, так и освящение, сакрализацию своей земли. Двигаясь круговыми движениями, окружая кольцом территорию, наши предки приводили свою землю в безопасное состояние, повторяя при этом действия своего прародителя Урал-батыра, когда тот в борьбе с силами хаоса создавал для башкир землю в момент зарождения жизни, ведь, по их представлениям, место и время проведения сабантуя олицетворяло как бы место и время зарождения жизни на земле».

Сказанное выше — свидетельство того, что и праздничные мероприятия, и национальные традиции народа в то или иной степени и сегодня сохраняют черты, отмеченные мифами и фольклором.

Выводы по III главе

1. Перед народами, населяющими постсоветское пространство и национальные республики России, еще в 90-е годы встала острая проблема мобилизации своей этничности, сохранения национальной идентичности, возрождения традиционных основ жизнедеятельности, что приводило к обращению к архетипам, культурно-историческим контекстам прошлого, мифологизации общественного сознания, появлению новых этнополитических реалий.

2. Этничность представляется не как врожденная, изначальная данность природного естества человека, но как приобретенная социокультурная одновременно личностная и коллективная идентичность, конструируемая с созидательными, воспроизводственными целями в этнокультурном поле и изменяющаяся под влиянием конструктивного фактора социализации. Мифология и фольклор, национальные традиции выступают в качестве дидактического инструмента формирования этнической и языковой идентичности, наличие которой способствует дальнейшей трансляции ценностей, идеалов, запуску процесса этнокультурной кодификации, связывающей прошлые достижения этносов с настоящим временем, и концентрирующими духовную силу на объединении в людей в национальную общность, этнокультуру и укрепление национальных отношений.

3. Одним из самых действенных гуманитарных инструментов формирования гуманистичной этнической идентичности является фольклор. В глобальном мире имеется масса способов демонстраций и воспроизводства ресурсов мобилизованной этничности: от печатных и электронных средств массовой информации до консервативных практик репрезентации традиционной этничности в виде национальных фестивалей, народных праздников, календаря событий, отраженного в этнических фольклорных мотивах.

4. Современный генезис народов Урало-Поволжского культурного ареала, как и формирование множественных идентичностей его представителей происходит через призму формирования национального духа, реконструкции архетипических особенностей этнических начал, обращения к лучшим произведениям устного народного и литературного творчества, составляющего первооснову духовного бытия этносов.

5. Объективный анализ эпоса «Урал-батыр», изучение содержащихся в нем мотивов, сюжетов и мировоззренческих установок показывает, что он, при всей своей уникальности и древности, не может быть оторван от общего контекста тюркской культуры. Все мотивы, сюжеты, мировоззренческие элементы, космогонические представления, нашедшие свое отражение в эпосе «Урал-батыр», прослеживаются в фольклоре, и в этнографии, и в традиционном образе жизнедеятельности башкирского эпоса. В целом тюркские эпические сказания входят в сокровищницу нематериального наследия человечества как первозданный пласт устно-поэтического творчества. В ярком многогранном эпическом полотне древних эпических сказаний с уникальной картиной художественных образов — эталонов для современного социального поведения коренятся истоки национальной идентичности.

Сущность и смысл развития этноса в условиях превосходства стихийных сил природы, его попыток выйти из хаоса и объяснить происхождение мира, найти свое место в мироздании, состоит в преодолении сил Зла, обретения новых возможностей как главного достижения победы Добра, что получило отражение в мифе «Урал-батыр».

Реконструкция мифологических представлений о Добре и Зле, о Справедливости и Истине, которые являются первичными для этносов, создавших мифологию, как духовный первоисток познания действительности, приобретает особую этнополитическую значимость в сложные исторические периоды, когда с наибольшей духовной силой происходит проявление народного архетипа.

6. Установлено, что компоненты формирования национальной идентичности в значительной степени носят архетипический характер, нежели строго нормативно-регулирующий, что обусловлено проявлением его сущностных характеристик — ментальностью и мировоззрением, неотъемлемыми личностными и коллективными качествами, мифологической поэтичностью сознания и мышления, гостеприимством, обостренным чувством справедливости. Идентичность, связующая все компоненты этносферы, определяет социокультурное бытие этноса, закономерности его развития на протяжении всех исторических, политических и экономических формаций, его общественное поведение.

7. Культура почитания сил природы запечатлевалась в фольклорных образах, передававших колорит национального достояния предшествовавших поколений, и в современных политических контекстах проблематика его сбережения приобретает политическое значение.

8. На современном этапе многогранные проявления национальных культур требуют проведения исторических параллелей между прошлым и настоящим этносов, способами решения насущных проблем в мифах и фольклоре, обретенных ценностей и идеалов в противостоянии добра и зла, для извлечения нравственных уроков.

Глава IV
ЭПИЧЕСКИЕ «ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЗМА

4.1. Героический фольклор как прототип политической идеологии

Символическая мифология имеет социокультурное измерение — в той степени, в какой, во-первых, использует этнополитический дискурс и, во-вторых, оказывает влияние на формирование межнациональных отношений, консолидацию нации. Обращение к историческому прошлому, включая героические страницы, предполагает образование священных «мест памяти», создание литературных и медиа-фондов, которые, как правило, становятся факторами поддержания гражданского порядка, укрепляя традиционные патриотические стереотипы мужчины как воина и защитника Отечества и женщины как хранительницы очага, Родины — матери. Они выступают в качестве системообразующих символов нации, и их образы являются стержневыми для национальной мифологии. Реконструкция патриотизма и формирование общероссийской, национальной и языковой идентичностей представляет собой системный, культурообразующий фактор, доминантный дискурс в российской этнополитической риторике и полностью согласуется с положениями обновленной Конституции Российской Федерации, не допускающей искажения исторической правды, укрепляющей уважительное отношение к богатому культурному наследию страны, защищающей русский и национальные языки, непоколебимо отстаивающей рубежи страны и ее целостность.

Мы солидарны с подходом Э. Д. Смита к фактору значимости исторической памяти как гуманистичной основы формирования культурной преемственности и национальной идентичности. «Этнические общности образовались не путем физического наследования, а ощущением преемственности, общей памятью и коллективной судьбой, то есть культурной близостью, воплощенной в мифах, воспоминаниях, символах и ценностях, сохраняемых в памяти данной культурной единицы»[1].

[1] Smith A. D. Ethno-symbolism and nationalism: A cultural approach. London; New York : Routledge, 2009. 184 p.

Героический фольклор служит в качестве инструмента патриотической консолидации и формирования национального духа. В этой связи миф все больше начинает присутствовать в духовной жизни молодежи, тем самым компенсируя пробелы в нравственном воспитании, поисках истины, эталонов, образцов поведения, отвоевывая свое жизненное пространство в социальных коммуникациях, индустрии кино, косплее, комиксах, аниме и манги, заполняя книжные полки и сетевые ресурсы произведениями фантазийного творчества. Так, в неомифах, которые стали благодаря масс-медиа объективной информационной реальностью, в концентрированном виде представлена синергия трансформированных мифов и фольклорных жанров разных эпох, рельефно формируются образы персонажей, понятных молодежи, объединенных в разные субкультуры.

Мифы и фольклорное наследие в единстве с достоверными представлениями о фактах истории приобретают роль решающего фактора в самоидентификации современного человека и формировании устойчивой гражданской идентичности, этнических и языковых идентичностей целых народов.

Несмотря на то, что башкиры достаточно рано приняли ислам, они долгое время сохраняли элементы традиционных верований, характерных для кочевников: почитание природных объектов и явлений природы, небесных светил, животных и птиц. Обрядовые праздники башкир представляют синтез древних обрядов и празднеств с мусульманскими праздниками Курбан-байрам, Ураза-байрам и др. Основные народные праздники и обряды проходили в весенне-летнее время. Весной устраивали праздник «воронья каша» («карга буткахы»), «грачиный праздник» («каргатуй»), «сабантуй» и т. д. Летом проходили праздники джиин (йыйын), «кукушкин чай», устраивались девичьи игры и др. В засушливое время проводился обряд вызывания дождя с жертвоприношениями и молениями, обливанием друг друга водой. Осенне-зимние праздники были в основном связаны с обычаем взаимопомощи (омэ), посиделками, ярмарками и т. д.

Воплощение этого подхода позволяет проследить изменения в формировании идентичности на протяжении нескольких веков. Именно чувство сакрального культурного единства, воплощенное в мифе о происхождении, например, в народном эпосе «Урал-батыр», общих исторических воспоминаниях и этнической символике на века кодифицировали и определили качества башкирского народа. Этносимволисты рассматривают интегральные общности мифов и легенд, символов, ценностей, традиций и обрядов, общеродовых воспоминаний и исхо-

дящих из коллективного опыта нескольких десятков поколений, проживающих в одном этническом пространстве и заложивших основы культурного ландшафта, как определяющие идентификационные элементы, на основе которых формируются устойчивые этнические образования.

Мотивы змееборства как линия основных мифов древности вненациональны и характерны для славянских, финно-угорских и тюркских народов. Этот сюжет, к примеру, отражен в противоборстве Перуна с его хтоническим противником Велесом-Волосом, носителем в некоторых сказаниях змеиного образа, способного привести в действие разрушительные силы природы. Однако нередко именно Велеса сравнивают с греческим Прометеем, принявшим сторону человека и ставшего его защитником.

В наиболее запоминающихся легендах победа над змеем легендарного героя, имеющего неодолимую силу, оружие и боевого коня, не подвластных обычному человеку, но способного с их помощью неимоверными усилиями уничтожить зло, открывает возможности для преобразования мира и наведения космогонического порядка, налаживания жизни у народов.

В башкирском народном эпосе «Урал-батыр», где основные события происходят в изначальные времена, змееборческий сюжет обретает черты космогонического процесса, когда борьба с чудовищами и с перешедшими на сторону Зла антигероями, сеющими хаос и разрушение, несущими смерть людям и природе, единственным способом для героя становится самопожертвование: вернуть жизнь на родную землю даже ценой своей гибели, избрав путь мифического бессмертия.

Для борьбы героя-демиурга с хаосом, обладающего сверхъестественной силой, построенной на мифологеме змееборства, закономерны три доминанты. Во-первых, появление сакральных фигур — Георгия Победоносца, Ильи Муромца, Урал-батыра — самых известных змееборцев в европейской и тюркской культурно-патриотической традиции происходит во время критических испытаний либо наступления тотального хаоса, войн, что требует их бескомпромиссного вступления в противоборство. Во-вторых, нарастающая цикличность испытаний, которым подвергается герой, позволяет ему максимально емко и содержательно проявить силу воли, харизму и обобщенно лучшие качества своего народа. Полная самоотдача и совершение подвигов нередко приводят к гибели самого героя, но его добрые дела, запечатленные в эпических сказаниях, для народа оказываются вечными, и благодарные потомки чтят их память.

Воплощением национальной идеи различных древних обществ и в основе свода нравственно-этических ценностей были эпические герои. Мифические и исторические фигуры композиционно и синхронизационно объединены во времени и пространстве, а историческая память о них по-прежнему является движущей силой формирования национального самосознания. Не случайно современные греки, сохраняя глубокую связь с истоками национальной культуры, историей олимпийцев, именуют себя эллинами, указывая тем самым на свою укорененность в этнокультурной традиции.

Битвы людей за плодородные земли, за доступ к портам, караванным путям не были просто типичным выяснением хозяйственных отношений людей, племен, полисов и целых государств, поскольку представляли собой противоборство богов, идей, культов, а каждая доминанта — запечатленный в истории отрезок цивилизации: разрушение Трои, падение Рима и Константинополя были не просто поворотными фактами в истории, но отражали смену циклов верований и религий. Такие, как Перикл, Александр Македонский, великие философы античности — Гомер, Фидий, Платон, герои произведений искусства, являлись символами эпох.

Чтобы передать молодому поколению высокое чувство истинной преданности Родине, сверстник нынешних юношей Муций Сцевола, взятый в плен врагами и принуждаемый врагами к предательству, произнес: «Вот что может сделать свободный римлянин», — и, положив руку в огонь жертвенника, держал ее, пока она не обуглилась.

Но не только Древний Рим был цивилизацией героев. Тиберий и Гай Гракхи, Юлий Цезарь, Спартак, Муций Сцевола, безусловно, великие личности, но в памяти каждого народа живы воспоминания об овеянных бессмертной славой своих героях, пожертвовавших жизнью ради спасения родной земли.

Европа, начиная с византийской империи, являлась цивилизацией героев. О них можно было прочесть в особых книгах, называемых «Житиями святых»: в этом обществе в первую очередь были востребованы бесстрашные и мужественные герои. В средневековой Европе ее герои — это рыцари. Древняя Русь дала знаменитых богатырей — защитников ее веры, земель. Собирательный образ «Урал-батыра» воплощает достоинство башкирской нации, передает жертвенность и заветы героя родному народу, защите которого он посвятил свою жизнь. В идее богатырства как проявлении героизма, храбрости, самопожертвования, настоящего служения Отечеству, заботы о стариках, женщинах и детях, защиты границ просматривается

потенциал сплочения людей в единую цивилизационную общность. На наш взгляд, комбинация идей, объединяющих российское общество, даст возможность противостоять деструктивному воздействию псевдо-культуры.

К примеру, в славянском фольклоре патриотическая парадигма преломляется через богатырские образы героев прошлого. Особое место в эпосе занимает фигура Святогора — богатыря-великана: древнейший герой русского былинного эпоса — «выше леса стоячего, ниже облака ходячего». Он живет на высоких Святых горах, а при его поездке Мать — Сыра Земля потрясается, леса колышутся, реки выходят из берегов. Святогор — опора дохристианского мира, чье происхождение покрыто мраком, и это ставит его в один ряд с могучими титанами греческой мифологии.

Образ Ильи Муромца, которому надлежит встретиться со Святогором, олицетворяет миссию служения Руси — готовность в любой момент исполнить воинский долг перед Родиной, когда ей грозит опасность от иноземных захватчиков. Микула Селянович остался в народной памяти как труженик-пахарь, заботящийся о процветании Отечества. Свободный, неукротимый, временами бунтарский дух русского народа передает образ Василия Буслаева.

Таковы и женские персонажи, передающие мотивы любви и верности к своему Отечеству и своему народу. Запечатление спасительницы своего народа в драматический период российской истории в образе Авдотьи-рязаночки в онежской героической былине, супружеской верности в образах Петра и Февронии Муромских получили не только отражение в фольклоре, но и стали своего рода иконой достойного поведения на века, мотивы которого передают Дни семьи, любви и верности. Нечеловеческая сила богатырей по своему величию превозмогла любые препятствия и опасности, и даже смерть богатырей давала дорогу новой жизни, спасала людей, целые народы, вдохновляла воинов и тружеников на ратные победы и трудовые свершения.

Все эти, казалось бы, сказочные персонажи эпических произведений, нередко наделенные волшебными способностями или духовными дарами, придающими им непоколебимую силу духа, представлялись как реалистичные фигуры. Многие из них исторически достоверны, олицетворяют собой пантеон национальной славы, а объединяющие смыслы и идеи, которые проносят через века их образы, имеют высочайшую ценность для воспитания современной молодежи.

4.2. Патриотические мотивы фольклора в формировании национального духа

Образы героев стали основой военной историко-культурной традиции, что получило отражение в подъеме национального духа в Отечественных войнах 1812, 1941–1945 гг., различных военных освободительных походах с участием российского воинства. В честь многих выдающихся героев прошлого их именами назывались корабли, самолеты, заводы и т. д., а имянаречение уже в сакральной традиции считалось возможностью отразить в имени человека, названии корабля, города улицы, сквера, аллеи, университета, клуба, библиотеки и т. д. героические смыслы, унаследованные от духовного родства с исторически значимой фигурой.

Избранные герои, чьи образы отображены и в фольклоре, и в мифах, — это носители кодифицированных ценностей, определяющих характер народа, его роль в мировой культуре и всей цивилизации. Их почитание возведено в незыблемую традицию, народный обычай, свойственный большинству народов Евразии. Но, что очень важно, они больше, чем просто носители этнокультурной информации, уникального национального «кода». Именно на их деяния, подвиги, образы народ возлагал задачи трансляции духовных и патриотических ценностей от поколения к поколению. Собирательные образы героев выполняют роль «пионеров» на пути становления многих поколений в течение столетий и целых эпох.

Историческая хроника, тесно связанная с фольклором, отличается многослойностью, образуя сложную архитектуру ценностных смыслов практически каждого народа, и на примере генезиса башкирского этноса, наиболее запоминающихся периодов, связанных с его национальным подъемом, прослеживаются закономерные процессы его интеграции с цивилизационной общностью Российского государства.

Так, Отечественная война 1812 года вызвала небывалое чувство патриотического подъема, побудила народы России встать в едином строю на защиту Родины. Герой Отечественной войны 1812 года поэт Сергей Глинка писал в своих мемуарах: «Не только стародавние сыны России, но и народы, отличные языком, нравами, верою — и те, наравне с природными россиянами, готовы были умереть за землю русскую... Башкирцы оренбургские сами собой вызывались и спрашивали у правительства, не нужны ли их полки»[1].

---

[1] Вклад представителей народов России в ее историю [Электронный ресурс]. URL: https://poisk-ru.ru/s13511t11.html (дата обращения: 18.08.2020).

Действительно, башкирские воинские формирования стали серьезной опорой русской иррегулярной кавалерии. Всего в поддержку русского оружия башкиры выставили 28 конных полков. Башкиро-мещеряцкое войско — казачье подразделение в армии Российской империи, которое сыграло ключевую роль в освобождении страны и всей Европы от наполеоновских захватчиков, полностью состояло из мусульман.

Образ башкирских воинов, пришедших с русского Востока, просвещенным французам казался архаичным, так как на вооружении у них были не огнестрельное оружие, а пика, сабля, лук и колчан со стрелами, которыми они владели мастерски и поражали своей меткостью. Поэтому французы шутливо прозвали башкир «северными амурами».

В древней башкирской мифологии образы коня и человека неотделимы друг от друга — они дополняют друг друга, образуя единое целое, что запечатлено во многих сказаниях и легендах. Основная лента событий в эпических сказаниях разворачивается не только вокруг сказочного героя, но и вокруг его волшебного коня, от которого во многом зависит успешное преодоление героем тех или иных испытаний и достижение заветных целей. Образы волшебных коней в башкирской мифологии наделены человеческим интеллектом, способностью говорить, то есть обладают признаками, характерными для тотемических животных. Среди мифических коней, прославленных эпически, головное место занимает Акбузат. Его образ раскрыт в эпосах «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу», «Идукай и Мурадым», в сказке «Зайнулла и Красота», в преданиях и легендах. Конь выступает в ритуалах, обрядах, праздниках в качестве надежного друга, соратника, наделенного разумом, покровителя и защитника жизни и здоровья людей.

В эпосе кочевников боевой конь — неизменный спутник и настоящий друг батыра. Он участвует вместе с ним в сражениях, у них общая военная судьба в жизни и в смерти. Известно, что боевые кони среднеазиатских пород, горячие и злые, отличающиеся ярким темпераментом и прошедшие особую выучку, действительно, «сражались» с конями противника (в эпосе — и со всадниками) и знали, какими уловками спасти себя и своего седока от стрел, копий и ударов клинка. Недаром в фольклоре кочевников восхваляется не только верность коня хозяину, но и любовь хозяина к прекрасному и умному животному. Сложилась и устойчивая словесная формула: «Конь — крылья батыра». Конь один занимает сердце воина. В башкирском эпосе это определено так: В сердце храброго джигита оседланный, снаряженный конь живет[1]. Как подчеркивает Ф. Г. Хисамитдинова, «в башкирской мифологии божество, тотем, прародитель; оберегает от злых сил, отпугивает нечистую силу, видит смерть и нечистую силу; чудесный помощник героя; у древних кочевников конь сопровождал мужчин на тот свет; жертвенное животное у древних тюрков и башкир. Со дна озера конь Акбузат выводит для башкир хороших лошадей»[2]. Таким образом, просматриваются древнейшие мотивы тотемизма и антропоморфизма в восприятии коня предками: Акбузат — крылатый тулпар — волшебный дар Хумай — дочери Солнца Урал-батыру; он наделен даром человеческой речи, мудрого помощника; он может созидать сушу и горы; выступает в роли естественного хранителя природы, ее закономерного круговорота, является покровителем скота. Впоследствии лошади белой масти, подобные Акбузату, — мифологизированное животное верхнего мира, высоко ценились среди башкир-кочевников, поэтому часто их хозяевами были предводители — старейшины, которым было почетно появиться на Сабантуе или другом народном празднестве на белоснежном коне.

Лошади составляли основу поголовья стада в отгонно-пастбищном хозяйстве, обеспечивая почти все потребности башкир. Они приспособлены к тебеневке, могут круглый год находиться на подножном корме, являлись основной тягловой рабочей силой и средством передвижения кочевника. Из кобыльего молока кочевники изготавливали кисломолочный напиток кумыс. Конская шкура шла на обувь и посуду.

---

[1] Обряды и обрядовый фольклор : сб. статей / отв. ред. В. К. Соколова. М. : Наука, 1982. С. 216–217.

[2] Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука, 2010. С. 35.

Не случайно башкирский фольклор включает в себя целый цикл эпосов, посвященных животным: «Акхак-кола» («Хромой Саврасый»), «Кара-юрга» («Вороной иноходец»), «Конгур-буга» («Бурый бык»), что стало данью благодарности предков башкир этим животным, составлявшим основу их физического существования.

С вхождением башкир в состав Российского государства башкирские конники совместно с яицкими казаками принимали участие в Ливонской войне в 1558–1581 гг., в XVII веке — в освобождении России от польских интервентов в Крымских и Азовских походах, в XVIII веке — в Северной, Семилетней, русско-шведской войнах. В 1798 году башкиры были объединены в башкирское казачье войско. 28 башкирских полков участвовали в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии в 1813–1814 годах. В годы Великой Отечественной войны в Башкирии была сформирована 112 Башкирская кавалерийская дивизия во главе с генералом Шаймуратовым.

Башкирские конники оставили в Европе свой заметный след, освободив народы от порабощения, а стрела — как символ победы в Отечественной войне 1812 года — украшает шпиль немецкой кирхи, и об этом артефакте повествует целая легенда.

С башкирской стрелой на шпиле кирхи церкви Святого Лауренция в коммуне Шварца на земле Тюрингия связана целая история — весной 1814 года башкирские воины возвращались на родину из военного похода, закончившегося в Париже. Путь в родные края пролегал через земли Германии, где их встречали с большой теплотой и почестями как настоящих освободителей. 14 апреля 1814 года башкирскую конницу, прибывшую в деревню Шварца по приглашению принца Карла Гюнтера, местные жители торжественно встречали во дворе храма Святого Лауренция. С нескрываемым интересом они разглядывали диковинные восточные одежды и оружие башкирских воинов. Удивившись боеспособности башкирского лука, принц предложил башкирским воинам сделать показательный выстрел, указав в сторону кирхи. В восприятии башкирских воинов — мусульман по вероисповеданию, христианский храм был такой же святыней, как и мечеть.

Поэтому, не допустив святотатства и выполнив просьбу принца, башкирский воин выстрелил так, что его стрела пронзила небольшое металли-

ческое яблоко на вершине шпиля над церковной колокольней. Считается, что с поразительной точностью выстрел осуществлялся с расстояния примерно в сто метров. Яныбай Хамматов, башкирский писатель, в своем известном историческом романе «Северные амуры», посвященном военному освободительному походу русской армии, описывает, как, проводя полевое этнографическое исследование, он посетил ту самую немецкую коммуну Шварца: «Легендарная стрела не сохранилась до наших дней, — деревянное древко со временем рассохлось, и щепа осыпалась. Но жители Шварцы не забыли об удивительных воинах и в память о меткости башкирских батыров установили металлическую копию знаменитого артефакта. Новая стрела долгие годы красовалась над колокольней «Церкви Святого Лауренция», став для жителей городка своеобразным символом свободы, независимости и долгожданного мира»[1].

М. И. Кутузов в одном из докладов подчеркнул храбрость, с которой «башкирские полки поражают неприятеля». После Бородинского сражения Кутузов пригласил к себе командира одного из башкирских полков — Кахым-туря и с большим воодушевлением, с благодарностью за храбрость в бою воскликнул: «Ах, и молодцы же вы, любезные мои башкирцы!». Слова знаменитого военачальника стали памятными на века — Кахым-туря передал своим конникам, и башкирские воины, воодушевленные похвалой, сочинили песню, в припеве которой повторялось: «Любезники, любизар, молодцы, молодцы!». Военные подвиги башкирских воинов не остались незамеченными и получили должное признание. Император Александр I поручил оренбургскому военному губернатору Волконскому объявить от лица России «благоволение» башкирам и мишарям, живущим в крае, за их «похвальное усердие Отечеству».

Сам образ молодого башкирского военачальника Кахыма Мурзашева, проявившего героизм в схватках с войсками Наполеона, стал легендарным и был воспет в народных песнях:

Кахым-туря в седле, под ним скакун,
В средине лба того скакуна звезда урай;
Кахым-туря наш отец,
он с народом говорит,
Эх, да и держит он в руке своей курай...

В другой песне также воспевается башкирский джигит-герой, а его отважная фигура символизировала образ героизма башкирского народа. Спустя столетия исполняется и в настоящее время:

---

[1] Хамматов Яныбай. Северные амуры / пер. с башк. В. Василевского. Уфа : Китап, 2012. С. 334.

Он был уральским беркутом рожден,
Как беркут, был он смел, горяч,
как пламя,
Когда он в бой летел на скакуне,
Из-под копыт летели в небо камни...

Как отмечает известный исследователь башкирской фольклористики Ф. А. Надршина, «в основе всех фольклорных произведений о войне 1812 года лежит идея прославления беспримерного подвига, совершенного во имя спасения Отечества. Они проникнуты чувством гордости народа, ощущающего свою причастность к великой борьбе за освобождение страны. Не лишенные элементов вымысла, в основе своей они реалистичны. Благодарные потомки славных воинов хранят в памяти героизм своих предков: песня «Кахым-туря» вошла в число классических произведений народного музыкального искусства, образ выдающегося военачальника входит и в мир танца»[1].

Широкую известность получили с наибольшей исторической достоверностью песни «Кахым-турэ», «Кутузов» и «Баик», легенды «Кахым-турэ» и «Ирямялкай», «Рассказы башкира Янтурэ». В них отразились сильные качества башкирского народа — физическая сила, выносливость, отвага, готовность к самопожертвованию, преданность Родине, верность воинскому долгу, прославившие башкирских воинов в Европе как «северных амуров». Не случайно эти фольклорные произведения пронизаны мотивами патриотизма и интернационализма, идеей непобедимости и бессмертия народа. Спустя века конноспортивные состязания в Республике Башкортостан продолжают оставаться неотъемлемым атрибутом национальных праздников, где демонстрируются ловкость наездника, его мастерство, сочетающееся с национальным искусством обращения с луком и стрелами, копьем, увлекательных поединков и т. д.

Знаменитый башкирский лук со стрелой был подарен и крупнейшему немецкому мыслителю — поэту, драматургу, естествоиспытателю Иоганну Вольфгангу фон Гете. История, дошедшая до наших дней: в городе Веймаре, освобожденном от французских войск, встретились представители совершенно разных культур — великий европеец Гете, с одной стороны, и яркие выразители кочевой культуры народов Азии — группа башкирских всадников в восточных одеждах, вооруженных саблями и луками, с другой.

---

[1] Надршина Ф. А. Военно-патриотическая тема в башкирском фольклоре (Отечественная война 1812 г.) [Электронный ресурс]. URL: // http://vatandash.ru/index.php?article=2170 (дата обращения: 04.11.2020).

Перед Гете предстали не просто сильные воины и меткие стрелки из лука азиатского крыла российского казачества. Многие офицеры Российской империи мечтали встретиться с великим поэтом, произведения которого волновали умы современников и идеи которого определяли будущее европейской цивилизации. Командиры башкирских полков были для своего времени весьма образованными и начитанными людьми, многие из них владели иностранными языками и были знакомы с западноевропейской литературой. Поэтому закономерно, что, познакомившись с уникальным музеем Гете, сотник Усман Гумеров, один из башкирских почитателей таланта мыслителя, преподнес ему в дар боевой лук и искусно отделанный колчан со стрелами.

Башкирская стрела, пущенная когда-то Гете, стала одним из векторов, задающих движение к диалогу культур и поиску гуманитарным смыслом совместного бесконфликтного общежития.

В историческом фольклоре башкир значительное место занимают сюжеты на военную тематику, среди которых особенно выделяются легендарные предания, песни-предания и песни об Отечественной войне 1812 года о героической борьбе башкирских воинов в составе русской армии против войск Наполеона. Всенародная борьба за спасение Отечества получила отражение в кубаирах, баитах — произведениях балладного типа, воспоминаниях детей и потомков участников освободительной войны.

Патриотические смыслы получили свое отражение в генезисе духовно-нравственной культуры башкирского народа.

Нахождение на тот момент более двух веков в составе Российского государства и поднявшееся на более высокую цивилизационную ступень национальное самосознание — этот важный фактор оказал существенное влияние на сюжетные линии и идейную суть фольклорных произведений. С того времени главным героем песен и преданий является не удалой джигит отдельного рода, что было характерно для средневековых преданий, а весь народ выступает в едином строю, поднимаясь на защиту Отечества.

Отечественная война 1812 года, ставшая суровым испытанием для всей России, укрепила дружбу народов, которые объединились перед угрозой опасности, испытав патриотический подъем, и подняли свои конные полки. Тема традиционной дружбы, патриотический подъем и героический дух солдат пронизывают башкирские народные песни о войне с наполеоновской армией. В песне «Кутузов» воспевается слава великому русскому полководцу, в составе армии которого сражались и башкирские воины.

Таким образом, произведения фольклора об Отечественной войне 1812 года пронизаны героическим пафосом, возвышающим значимость участия башкир в освободительной войне Российского государства с наполеоновской Францией. В освободительной кампании и заграничных походах 1813–1814 гг. участвовали десятки башкирских, тептярских и мишарских пятисотенных полков. При этом 12 тыс. башкирских воинов несли линейную службу на восточных границах.

Имена легендарных героев Отечественных войн — 1812, 1941–1945 гг. — Кахыма Мурдашева, Минигали Шаймуратова стали патриотическими символами современности.

В течение столетий культурная парадигма развития общества была пронизана идеями патриотизма, и идеалы служения Родине, совершения подвигов по ее защите были определяющими для всех народов России. Поэтому фигуры исторического масштаба и память о них не были подвластны течению времени. Так, бессмертный подвиг Александра Матросова стал символом солдатской чести и самопожертвования. Народным героем является летчик-штурмовик, дважды Герой Советского Союза Муса Гареев, совершивший более сотни огненных вылетов в годы Великой Отечественной войны.

Указом Президента России В. В. Путина первый командир легендарной 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, генерал Миннигали Шаймуратов награжден посмертно звездой Героя России. Как следует из Указа, столь высокое звание присвоено легендарному башкирскому генералу за «мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Этот день приближали несколько поколений жителей нашей республики. Еще в 1958 году с ходатайством о присвоении звания Героя генералу Шаймуратову обращался легендарный командир Красной Армии, один из первых маршалов Советского Союза Семен Михайлович Буденный, в последующие десятилетия общественными движениями нескольких поколений собирались сотни тысяч подписей под обращения, но жесткие нормативы были неумолимы и практически невыполнимы. Историческая справедливость была восстановлена только в 2020 году: награда фактически нашла героя только спустя 60 лет.

Минигали Шаймуратов — личность действительно легендарная. Активный участник Гражданской войны, воевал на Туркестанском фронте и в Конной армии С. М. Буденного. В 30-е годы выполнял особые задания в качестве военного атташе в Турции и Китае. Перед войной был командиром 1-го Особого кавалерийского полка по охране Крем-

ля. Отличился в боях под Москвой в составе кавалерийского корпуса Л. М. Доватора, командуя полком. С декабря 1941 г. стал командиром 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, сформированной по инициативе трудящихся республики и оснащенной на народные средства. Особенно отличилась дивизия, показав примеры высочайшей воинской доблести, в боях за Сталинград, на Курской дуге, при освобождении Украины и Белоруссии и была награждена орденами Ленина, Боевого Красного Знамени, Суворова и Кутузова II степени. 78 ее воинов стали Героями Советского Союза, пятеро — полными кавалерами ордена Славы, четыре тысячи бойцов и командиров были награждены орденами и медалями.

Столько Героев Советского Союза, как в дивизии генерала Шаймуратова, было всего в двух воинских подразделениях на всю армию СССР. Эти всадники наводили ужас на фашистов. «Потомки Салавата отступать не умеют», — говорил генерал Шаймуратов, поднимая в атаку своих бойцов. Как и знаменитый батыр, он командовал национальным воинским формированием в составе многонациональной армии, так же боролся за освобождение родины от врага. Не случайно в постсоветское время их образы ожили самопроизвольно и даже успели стать важным элементом патриотического воспитания в Башкортостане. В своем последнем походе, из которого генерал Шаймуратов, героически сражаясь, «перешел» в вечность, он доказал, что нет выше чести, чем погибнуть, сражаясь за Родину. Приказав боевым товарищам спасти знамя дивизии, он до последнего бился с врагом.

Для послевоенных поколений имя Минигали Шаймуратова священно и является примером самоотверженного служения Родине. Память о подвигах 112-й Башкирской кавалерийской дивизии и ее командира воспета в песнях, увековечена в названиях улиц городов и сел, музеях и памятниках, художественных произведениях, документальных телефильмах. Песня «Шаймуратов-генерал» стала народной и прочно укоренилась в патриотическом воспитании, на ней выросло не одно поколение защитников Отечества.

Еще один известный всему миру представитель Башкортостана Даян Мурзин мечтал стать учителем, даже окончил педучилище, но в школе проработал недолго. Началась советско-финская война, и он записался в добровольцы. Поучаствовать в сражениях не успел — боевые действия закончились. Тогда он отправился Рижское военное училище.

В Великой Отечественной войне Даян Баянович участвовал с первых дней. В октябре 1941 г. он вступил в партизанский отряд в Белоруссии, вскоре стал его командиром. Совместно с пограничниками

отражал многочисленные атаки, уничтожая захватчиков и боевую технику гитлеровской армии.

В январе 1942 г. на территории Украины Даян Мурзин организовал партизанский отряд «За Родину». Спустя два года он был отозван в Москву, где прошел курсы командного состава. А в феврале 43-го был заброшен на территорию Молдавии, где сформировал новый партизанский отряд.

8 мая 1944 г. Даян Баянович прошел в Киеве специальную подготовку, и затем с группой разведчиков был десантирован в глубокий тыл врага — в Чехословакию. Он стал командиром первого интернационального батальона партизан имени Яна Жижки. Партизанами под его командованием пущено под откос десятки воинских эшелонов, захвачен в Моравии вражеский аэродром с восемнадцатью боевыми самолетами, подбито 19 танков, более 200 автомашин, взорвано 19 железнодорожных мостов, убито и ранено свыше 4000, взято в плен 245 солдат и офицеров гитлеровской армии. Проведено более 100 боевых операций.

Исторически достоверный факт: Даян Мурзин был объявлен личным врагом Адольфа Гитлера. За его голову фашисты назначили очень высокую премию — три миллиона рейхсмарок. На территории Моравии, Чехии, Словакии с самолета сбрасывали тысячи листовок с изображением Даяна Мурзина. Однако все попытки поймать «черного генерала», как называли его фашисты за бороду, которую он отпустил, чтобы казаться солиднее, провалились, хотя за ним охотился даже главный диверсант Третьего рейха — Отто Скорцени. Гестапо пыталось привлечь к операции по поимке Даяна Мурзина не только армию, но и жителей оккупированных стран, но это ни к чему не привело.

– Чтобы спасти партизанские отряды, пришлось перебросить их на границу Словакии. А поселок, где остались партизаны, фашисты сровняли с землей... — вспоминал Даян Баянович.

Фюреру доложили, что отряд «черного генерала» уничтожен. За отличную операцию Гитлер наградил Скорцени очередным крестом и тремя миллионами рейхсмарок. Однако радость врагов длилась недолго. Через некоторое время отряд Даяна Мурзина пленил командующего танковой армией генерала Мюллера.

В течение двух дней Мурзин лично допрашивал командующего и обещал ему сохранить жизнь в обмен на информацию об армии фюрера. Мюллер раскрыл много секретных сведений — и «Черный генерал» сдержал слово[1].

---

[1] Мурзин Д. Г. Фронт в тылу врага. Уфа : Китап, 2005. 184 с.

Священный долг — хранить память о доблести, ратных и трудовых подвигах нашего народа, прошедшего тяжелейшие испытания и победившего в смертельной схватке с, казалось бы, непобедимым врагом.

Уроженцы Башкортостана также участвовали в партизанских движениях. В отрядах украинских партизан воевало немало земляков из Башкирии, организовавших партизанские отряды в оккупированной Белоруссии, странах Восточной Европы, а также в Италии. Майор Б. Г. Назиров являлся одним из организаторов подпольной группы, организовавшей восстание в концлагере Бухенвальд.

О подвиге политрука Николая Киселева, спасшего в 1942 году от фашистских карателей более 200 еврейских жителей, большая часть из которых были старики, женщины и дети белорусской деревни Долгиново, снят фильм «Список Киселева», увидевший свет благодаря всероссийскому кинофоруму «Рукопожатие». Во всех странах и регионах он начинался с показа документального фильма «Список Киселева», рассказавшего миру об этом подвиге.

После более чем беспримерного 1500-километрового перехода по оккупированной территории Киселев вывел спасенных за линию фронта. Этот подвиг мог бы остаться и совершенно безызвестным, поскольку о нем Киселев практически никому не рассказывал в силу личной скромности, присущей его поколению. Документы о походе Киселева обнаружила директор Музея истории и культуры евреев Беларуси Инна Герасимова. В архиве Компартии Белоруссии она нашла так называемый «список Киселева» — его рапорт о выполненном поручении, в котором были перечислены имена и фамилии спасенных. За этот высоконравственный подвиг государством Израиль Николаю Яковлевичу Киселеву было присвоено почетное звание Праведника народов мира. Его имя навечно занесено на стену Почета в Саду Праведников в Иерусалиме. В наши дни насчитывается более 2200 «детей Киселева». Каждый год 5 июня, в день последнего расстрела узников Долгиновского гетто, выжившие «дети Киселева» собираются в Тель-Авиве, чтобы вместе почтить память своих родственников, сгоревших в огне Холокоста. На этих траурных собраниях всегда звучат слова искренней благодарности Николаю Яковлевичу Киселеву, праведнику, которому все они обязаны своими жизнями.

В целях восстановления исторической памяти, воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма важной является инициатива российских и международных общественных организаций о присвоении (посмертно) звания Героя Российской Федерации уроженцу Башкирии Киселеву Николаю Яковлевичу, командиру партизанского отряда «Победа».

Апелляция к общенациональной памяти о великой Победе в Великой Отечественной войне является одним из лейтмотивов: «Защищая память о войне, мы защищаем не только прошлое, но и будущее. Память о нашей общей Победе является важнейшей скрепой, которая объединяет народы Российской Федерации, а также всего Советского Союза»[1].

Следует отметить, что за последние десятилетия дегероизация и забвение героев разных эпох стала тенденцией, когда сменяющий друг друга калейдоскоп сиюминутно востребованных героев, даже виртуальных, отворачивает большинство людей от эталонов чести, совести, достоинства, мужества, храбрости, бесстрашия, преданности, характерных для выдающихся представителей старшего поколения.

Вместе с тем в обществе появилось осознание того, что, как только происходит уничижение самобытных традиций предков, перлюстрация страниц истории с их последующей фальсификацией, стремительная нравственная деградация и «манкуртизм» неминуемы. Естественно, возникает закономерный вопрос, где конкретно в нашей стране сегодня взять настоящих героев? И первые шаги в этом направлении уже сделаны.

Свидетельство тому, в частности, проекты «Земляки», «Атайсал» Всероссийской политической партии «Единая Россия». Идея замечательная — выявить настоящих «героев нашего времени» среди людей, живущих рядом. Назвать имена тех, кто, по мнению большинства, внес весомый вклад в жизнь своего района, республики, всей страны, проявить объединяющую силу землячества через оказание помощи своим «соплеменникам». В каждом районе — городе есть своя «золотая» сотня авторитетных людей, честных, бескорыстных, сплоченных, которые могут стать для молодежи настоящим образцом служения обществу. Этому, без сомнения, будет способствовать и возрождение в современном формате нормативов ГТО, проведение спортивных состязаний с народным колоритом, таких, как международный «Всемирные игры кочевников», фестиваль народных игр «ЭтноХаус», «Этнофест», «День Бородина в Подмосковье», конкурс юных сказителей и исполнителей эпического сказания «Урал-батыр» и т. д. Они направлены на развитие в молодежной среде культуры устойчивых межэтнических отношений, увеличение влияния потенциала культурного, исторического, национального наследия на формирование языковой и этнической идентич-

---

[1] Геворг Мирзаян. Патриотизм, культура, правда и язык: какие изменения в конституцию одобрил президент [Электронный ресурс]. URL: https://life.ru/p/1309794 (дата обращения: 25.06.2020).

ности, диалога культур в условиях межэтнических взаимодействий. Проведение фестиваля народных игр способствует созданию и популяризации этно-игротек с настольными народными играми и проведению турниров подвижных народных игр и забав. В совокупности это действенно работающий механизм этнокультурного, патриотического и физического воспитания молодежи в регионах России.

Научить молодежь дорожить Победой, заботе о ветеранах — фронтовиках и тружениках тыла, детях военного лихолетья, уважению к подвигу и героизму земляков возможно, лишь обратившись к воспоминаниям свидетелей тех лет — их чувствам, горечи утраты и радости от долгожданной Победы. Нет ничего важнее прикасания к живой памяти, заветному слову отцов и дедов. Именно они — знаменитые и безвестные — национальное достояние России. И если высокие нравственные ценности старшего поколения будут надежно усвоены молодежью, то в будущем России, ее экономической устойчивости и духовной непоколебимости можно не сомневаться.

Новейшая истории России в изменившихся геополитических условиях потребовала обретения национальной идеи, основные положения которой сформулированы в обновленной Конституции Российской Федерации.

Абсолютно верным идейным смыслом, главной стержневой, объединяющей основой стал патриотизм, высшие ценности и человеческие качества, такие, как вера, честь, благородство, справедливость, стремление к истине, служение своему делу, труд в раскрытии талантов, доброта, уважение к старшим, преданность своему Отечеству. А развитию этих качеств в немалой степени будет способствовать социокультурная среда, в которой воспитывается подрастающее поколение.

4.3. Аксиология современного героизма

Для современной молодежи, как креативного класса, характерны максимализм, критическое осмысление действительности, новые интерпретации мира, свобода идентичностей, некоторый космополитизм. Безусловно, уроки истории — это наследие цивилизации, опыт стран и народов, которые имеют большую ценность для будущего, однако обращение к этим истокам происходит нередко в драматические периоды, когда сказываются последствия конфликтов, нарастание противоречий, в том числе в сфере межнациональных коммуникаций, когда требуется активное применение технологий медиации.

Открытые коммуникации с помощью различных мессенджеров погружают молодежные сообщества в новую информационную и социокультурную реальность, вызванную глобальными трансформациями, свободным доступом к контенту событий, происходящим во всем мире, однако без нравственного фильтра их интерпретации нередко искажаются, и молодые люди рискуют стать жертвой манипулирования их мнением, носителем опасных заблуждений, в том числе радикального характера.

Вестернизация образа жизни молодых поколений в XX веке («европеизация», «американизация»), начавшаяся с импульсом к постиндустриализации и обусловленная тенденциями современного мира, является одним их деструктивных факторов разрушения традиционного коллективизма. Этому трансформационному процессу предшествовали общинные и родовые формы жизни, как и утрата этнической идентичности в «глобальной деревне», за которыми следуют нивелирование этнических различий и постепенная потеря национально-культурного, в частности, фольклорного наследия.

Безусловно, поколения Y и Z избавлены от идейно-идеологического диктата, характерного для старших поколений. Однако такая свобода может оказаться мнимой, поскольку отточенные за рубежом технологии информационного принуждения гражданского общества к определенным заданным алгоритмам действий используют механизм концепции «кольцо Овертона», что приводит к управляемым последствиям. Сетецентрическое программирование общества, включая элементы мифолого-ритуальных практик, возводящее немыслимое в ранг абсолютной истины, категорично отвергает любые альтернативные или, напротив, консервативные точки зрения.

Социокультурные и педагогические упущения, фрагментарное забвение исторической памяти приводят к появлению поколений, далеких от духовно-нравственных ценностей, предпочитающих ограниченное количество моделей поведения: маргинальный образ жизни, гедонистическое времяпровождение, извлечение прибыли любым способом без морально-этических обязательств. Также по причине этих явлений проявляет себя амплитуда конфликтности, приводящая к тому, что отдельные националистически настроенные лица начинают усматривать причину своих личных неудач в окружающих их представителях других этносов. И очень важно, чтобы подрастающее поколение знало историческую правду, которую сегодня нередко фальсифицируют, и помнило о тех, благодаря кому они живут сегодня. Для этого сегодня делается многое. Вот лишь один пример: 25 июня 2020 г. в Еврейском нацио-

нальном культурном центре Уфы открылся памятник жертвам Холокоста — единственный на территории Приволжского федерального округа. Полное название монумента — «В память о жертвах Холокоста и воинах, погибших в годы Великой Отечественной войны».

В условиях новейшего времени ключевым направлением в аспектах сбалансированного духовного, нравственного, патриотического воспитания молодежи должно стать ограждение ее от отрицательного влияния расизма, ксенофобии, религиозного экстремизма, фанатизма. Необходимо создание защитных механизмов от проникновения в молодежную среду экстремистско-религиозных взглядов. Протестные акции преимущественно молодого поколения, в среднем 17–35-летнего возраста, обнажили большую этносоциальную проблему, которая смыкается и с проблемой расизма, национализма и ксенофобии, и с проблемой этносоциальной неудовлетворенности, и психологическим и идейным вакуумом молодежи, отсутствием позитивных стимулов для личностного самовыражения.

Все чаще для принятия решений молодежь отвергает морально-этические принципы, выбирая материальные блага, отказываясь от солидарности в пользу индивидуализма, не принимая как культурную парадигму сохранение традиционных межпоколенческих связей. К сожалению, переступив порог XX века, человечество, создавая фантастические реальности, немыслимые для предыдущих поколений, в немалой степени отказывается от традиционных устоев, которые обеспечивали жизнеспособность предков в течение тысячелетий. Замещение традиции, в чем-то действительно консервативной, на эрзацы сиюминутных коммерциализированных ценностей, приводит к духовному обнищанию, характеризуя которое, Э. Фромм справедливо утверждал, что человек, обладающий рыночным характером, воспринимает все как товар, — не только вещи, но и саму личность, включая ее физическую энергию, навыки, знания, мнения, чувства, даже улыбку... и его главная цель — в любой ситуации совершить выгодную сделку[1]. В. Новодворская метко обозначила понятия, характеризующие хронику жизни среднего класса, характерные для глобального общества: «Фирма. Деньги. Банк. Знание. Интеллект. Информация. Автомобиль. Компьютер. Умные книги. Ирония. Скепсис. Одиночество. Индивидуализм»[2].

---

[1] Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятникова, Т. В. Панфилова. М. : АСТ-ЛТД, 1998. С. 183.

[2] Новодворская В. Шестидесятники и пустота // Новая юность. 1999. № 1.

Эксперты признают, что «у поколения Z нет убеждения, будто они слишком молоды, чтобы менять мир. Наоборот, они не готовы ждать долгие годы, набираться опыта, завоевывать авторитет. Им хочется строить будущее здесь и сейчас, и у такой решимости предсказуемо есть как плюсы, так и минусы. С одной стороны, зумеры очень динамичны, с другой — поспешно принятые решения приводят к ошибкам чаще, чем хорошо взвешенные»[1].

Поэтому нет никакой уверенности в том, что молодое поколение унаследует массив традиций прошлых веков, а также продолжит опираться на иерархии ценностей прежних поколений и активно использовать их в коммуникационно-функциональной сфере.

Внушение молодежи мотива скорейшего обретения жизненных перспектив и благ, которые есть в развитых западных странах, стало побуждающим фактором египетской, тунисской, сирийской и других объединений молодежи к конфликтной мобилизации, поскольку в консервативности действующих властей и традиционном образе жизни они усматривали основные причины своих проблем. При этом совершенно игнорировался и избегался факт того, что основные цивилизационные достижения Европы и развитость правовых институтов являются результатом прогресса, на которые у государств, входящих в ее пространство, ушло несколько столетий.

Оптимальным вариантом нейтрализации потенциальных рисков «цветных» революций представляется формирование сочетания экономической и политической устойчивости страны за счет равновесного построения сбалансированной системы: демократичная иерархия власти — эффективная отечественная экономика — подъем промышленности, качественный человеческий капитал — переход от социальной бедности основных групп к широкому среднему классу.

В современных коммуникациях лексические ряды понятий «вечные ценности», «общечеловеческие ценности», «национальные ценности» считаются достаточно условными и расплывчатыми, поскольку их категоричные рамки, обусловленные религиозными и этническими нормами, а также консервативными общественными традициями, подвергаются определенному скепсису и становятся архаичными для современных ревизионистов истории, носителей новых субкультур и течений.

---

[1] Программист, врач или ученый? Какие профессии выбирает поколение Z [Электронный ресурс]. URL: http://genz.style.rbc.ru/article-9.html?utm_source=top&utm_medium=spec&utm_campaign=pokziri20sp-a9-prof-i (дата обращения: 25.06.2020).

К сожалению, на общественном пантеоне произошла подмена еще совсем, казалось бы, недавно вдохновлявших молодежь личностей, вызванная заимствованием не только лучших европейских элементов культуры, но и чуждых для российской изначально коллективной идентичности понятий. История XX века была насыщена культом героев — «юных антифашистов», «тимуровцев», «стахановцев», строителей БАМа, молодежи, поднимавшей целину. Однако крушение советского государственного строя привело не только к изменению хозяйственных отношений, но и замещению социалистических идеалов на искаженные демократические ценности, что приводило к нивелированию идеалов коллективизма, патриотизма, единства. Утверждение, в свою очередь, категоричного догмата «свободы от всего» приводило к отрицанию любой ответственности, порядочности, традиционной нравственности, что и сегодня продолжает стимулироваться популярными среди молодежи информационными каналами. Однако западные политические институты категорически не признают идейное превосходство СССР в сфере формирования культуры межнациональных отношений. В частности, критике подвергались подходы к формированию социалистической общности — якобы однородного и гомогенного универсального образа советского народа, но сохранение уникальности каждого этноса, как и развитие грамматик родных языков, национальных литератур, под видом обструкции политики советского «призрака» уходило на периферию.

Формирование ценностно-патриотических основ образования сегодня стимулируется путем реализации образовательной и молодежной политики России с обозначением приоритетов: здоровье, достойное жилье, семья, рождение детей, финансы и материальные блага, безопасность для себя и своих близких, интересная работа, друзья, комфортная среда, бережное отношение к человеку, преданность Родине.

Следует признать, что 90-е годы прошлого столетия не стали логическим продолжением курса обновления демократических отношений на прежнем социалистическом фундаменте. Этот период знаменателен разрушением основ советской педагогики, признанной во всем мире (к примеру, педагогическое творчество А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского), ликвидацией пионерских и комсомольских молодежных организаций, сменой воспитательной парадигмы, переориентированной на абстрактные глобальные гражданские ценности и идеалы.

С крахом социалистической идеологии в России был допущен резкий крен в противоположную сторону — в данном случае к полной идейной растерянности, смысловой неопределенности будущего молодежи, переходу к абстрактному набору ценностей.

Огромная российская пространственность в условиях федеративного устройства государства предполагает наличие конституционно закрепленных объединяющих идей и смыслов, ценностей и общегражданских идеалов, способных усилить жизнестойкость российской нации в условиях нарастающий противоречий в глобальном мире. Происходящее «Столкновение цивилизаций» в русле теории Самуэля Хантингтона выводит на первый план острую проблематику разделения крупнейших общностей человечества по самым разным причинам. Этот сложный процесс приводит к трансформации геополитического расклада, рождению новых мифов, новым битвам за ресурсы и блага цивилизации, разделению государств на блоки и союзы, свободному перемещению огромных масс людей. Мигранты — кочевники XXI века — в своем большинстве отвергают традиционные культуры местных сообществ развитых стран, а наиболее радикальные из них — воинственно относятся к ценностям европейской культуры, совершая поджоги старинных храмов, акты вандализма, теракты и т. д.

В то же время следует отметить, что столкновение мифов, как и столкновение цивилизаций, приводит к возникновению феномена ложной идентичности, когда взамен объективности и достоверности в оборот политических коммуникаций вводятся фальсифицированные интерпретации тех или иных страниц прошлого, «вырванных» из культурно-исторических контекстов, происходит манипулирование общественным мнением и массовым сознанием граждан.

Оценивая геополитические последствия различных кризисов, следует отметить, что какими бы тяжелыми ни оказались последствия трансформации государственного уклада и как бы стремительно ни развивались тенденции формирования информационного общества, на первый план выходит необходимость нравственного оздоровления общества.

Мировоззренческий кризис молодежи, ожидающей преобразований во всем, не должен приводить к отрицанию достижений прошлого, вклада предыдущих поколений в благополучие общества, а уроки истории не должны оцениваться через призму критики. Акцентируя внимание на роли молодежи в духовном возрождении общества, З. Я. Рахматуллина отмечает, что смолоду в индивиде закладываются жизненные ориентиры, очерчивающие его отношение к собственной жизни, бытию общества, к судьбе своей нации, которые определяют и все его последующее мироотношение[1].

---

[1] Рахматуллина З. Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). Уфа : БашГУ, 2002. С. 134.

Именно перечисленные духовно-нравственные качества хочет видеть большинство родителей в своих детях. И, наверное, именно их воспитание и культивирование должно быть предметом молодежной политики. Для того чтобы четко сфокусировать ее задачи, целесообразно рассмотреть преемственность идеалов, образов и героических «портретов» в плане их синхронизации, являвшихся для молодежи непоколебимым фундаментом в разные времена, начиная со времен появления первых эпосов, саг и легенд.

Народы, проживающие на территории Башкортостана, сделали свой гражданский выбор, поддержав обновление Конституции Российской Федерации. Для жителей республики и их будущих поколений — это судьбоносное решение станет исторически памятным событием, определяющим качество и достоинство жизни всех россиян, одним из важных этапов становления новой России. Архитектура Конституции отражает многовековой опыт единства народов России, общие и уникальные ценности государственности, стремление к всеобщему процветанию.

Обновленная российская Конституция подчеркнет величие свободной и суверенной страны, где люди защищены от любых, даже самых непредсказуемых ситуаций и рисков. Конституция будет надежно защищать интересы всех граждан, включая и будущие поколения.

Конституция отражает линию увековечения памяти защитников Отечества, восстановления исторической справедливости и памяти о легендарных именах, предупреждение забвения памяти, фальсификации правдивых страниц героических свершений старшего поколения, нерушимости суверенных границ.

Немаловажно, что географические границы практически никогда в евразийском пространстве не бывают тождественны культурным.

С географической точки зрения, Башкортостан расположен в самом центре евразийского континента — в «сердце Евразии», и это символично, поскольку Южный Урал не только находился на перекрестке древних культур, но именно здесь истоки цивилизации получили подтверждение — культурные артефакты в виде наскальной живописи (петроглифы), найденные в палеолитическом святилище, являются тому подтверждением. На территории Башкирии находится пещера Шульган-Таш (Капова) — единственный объект в России, где сохранилась древняя палеолитическая живопись. «Капова пещера с живописью эпохи палеолита» отнесена к памятникам археологии государственного значения, подлежащим охране. В Башкортостане ведется работа по продвижению объекта «Наскальная живопись

пещеры Шульган-Таш в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, дальнейшее развитие инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-батыра».

Включение пещеры Шульган-Таш в Список всемирного наследия ЮНЕСКО и создание музейного историко-культурного комплекса с уличным амфитеатром, в котором будут сосредоточены научно-исследовательский, образовательный, этнокультурный центр, станет якорным проектом, позволяющим оживить туристическую инфраструктуру целого региона.

Благодаря этому ежегодно многие тысячи людей смогут шире знакомиться с историческим прошлым.

В настоящее время немало делается для возрождения национальных традиций, формирования социокультурной среды, направленной на воспитание гражданских качеств молодежи, и обращение к историческому прошлому нашего народа, его культуре и традициям — обязательная составляющая этого процесса.

Выводы по IV главе

1. Мифический и национальный герои тождественны — их судьбы, подвиги, благодеяния в интересах будущего народа, страны, утверждения мира на земле развиваются по законам мономифа, согласуются с единой для мифологии структурой испытаний и жизненного пути героя, имеющих много общего для традиционных мифологий. Синхронизация традиционного и политического мифа позволяет усилить идеологические мотивы, что наиболее ярко выражается в придании преемственности завоеваниям прошлого и настоящего этнически коннотированного характера. Так, свободолюбивый образ Салавата Юлаева — сподвижника Емельяна Пугачева, одного из предводителей народных восстаний — Крестьянской войны 1773–1775 гг. как борца против притеснений царизма активно использовался в советский период, получил широкое отражение в литературе, различных видах изобразительного искусства, публичной политике. Обращение к лучшим образцам фольклора и примерам подвигов знаменитых героев отечественных войн 1812, 1941–1945 гг. показывает, насколько значимы их образы для воспитания потомков.

2. Формирование духовно-нравственного портрета личности, осознающей свою сопричастность к жизненно значимым, судьбоносным процессам развития своей страны, родного края, своего народа, живу-

щего в большом мультикультурном сообществе, чувства ответственности друг за друга, за окружающую среду, требуют не только персонифицированных усилий. Важное звено здесь — правильно поставленная системная работа с молодежью, опирающаяся не только и не столько на систему просвещения, но и на этнополитику, направленную на гармонизацию межнациональных отношений, воспитание гражданина России, достойного жителя родной земли.

Глава V
ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ

5.1. Этнополитическая роль языка в консолидации гражданского общества

Консолидирующая роль национального языка в сохранении определяющих качественных характеристик этнокультурного потенциала представляется одной из важнейших проблем, требующей исследования на стыке лингвистического, этнополитического, социально-философского и социокультурного подходов к рассмотрению феномена этнолингвистической идентичности.

В языковой картине мира получают отражение наиболее значимые для отдельного индивида и коллективного сообщества (рода, племени, этноса) как морально-этический свод законов, так и устойчивые представления о круговороте жизни, отношении к судьбе, вере, закладываются матрицы поведенческих стереотипов через различные жанры фольклора.

Эпическое творчество на родном языке — неиссякаемый источник возрождения исторической памяти, формирования мировоззрения, чувств, образцов поведения, ценностей — как в масштабах личности, семьи, поколения, так и самого этноса, а также целой диаспоры, компактно или дисперсно проживающей на других территориях. Историческая память, государственный русский язык, национальные родные языки и культуры, этногеографические ландшафты, символика и календарь, общероссийские, культурные и религиозные традиции вбирают в себя традиционные ценности народов, образующих единую российскую нацию.

По справедливому определению австрийского философа Людвига Витгенштейна, «в наш язык вложена целая мифология»[1]. Языковые модели и этнокультурные поведенческие нормы, обусловленные мифа-

[1] Витгенштейн Л. Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 251.

ми и обогащенные фольклором, тесно взаимосвязаны друг с другом. Эти нормы, закрепленные в литературных текстах, коммуникациях, речевых оборотах, призваны сохранять сложившиеся в ходе исторического генезиса мировоззренческие образы, нормируя систему культурных стереотипов и семиотических символов. Национальные образы, родом из мифа, сохраняют этнокультурную преемственность и историческую память, проецируются на мировоззрение народа, оказывая заметное влияние на этнически обусловленные стереотипы его социального поведения. В этом и состоит консервативная семиотическая парадигма родного языка, благодаря которой в нем фиксируются и длительное время остаются неизменными нормы языковой культуры, связывающие историю языка, богатство его лингвистических и коммуникационных форм для современных и будущих поколений. Фактически, следует признать, что именно благодаря возникновению мифотворчества человечество овладело искусством речи и общения между племенами, научилось нетривиально выстраивать мыслительные процессы, воображать и изобретать, изображать в пиктографических символах и наскальных изображениях собственное прочтение мироздания. Поэтому миф, с одной стороны, — это непоколебимый фундамент культуры древнего мира, а с другой — богатейший «почвенный» субстрат для прогресса культуры современной культуры, опора для свободных коммуникаций.

Синтез языка, мышления и мировоззрения проецируется на этнополитической идентичности целого народа и его представителях. Постижение картины мира и лучших образцов национальной культуры происходит через лингвокультурную парадигму развития личности. В этой связи С. Г. Воркачев пишет: «Взаимодействие и взаимовлияние языка и культуры происходят в самых разнообразных формах и, соответственно, столь же многоаспектен предмет лингвокультурологии, куда входят языковая и национальная картины мира, языковое сознание, языковая личность, ментальность, (этнический) менталитет, культурный код и пр. Основной же эвристической единицей лингвокультурологии является концепт (по умолчанию лингвокультурный), который, при любом толковании, сводится к понятию как совокупности существенных признаков предмета, «погруженному» в культуру и язык. Совокупность концептов составляет национальную картину мира, представляет языковое сознание, формирует этнический менталитет, определяет тип языковой личности...»[1].

---

[1] Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Сер. Литература и язык. 2011. Т. 70. № 5. С. 71.

В условиях смены культурных кодов в этноязыковом дискурсе проявляются черты формирования этнической самоидентификации, соотносимой с процессами развития гражданского общества, глубинными политическими трансформациями, языковой пласт современной реальности определяет варианты коммуникативного поведения.

Мировоззренческие эталоны (идеалы, идеи, идеологии, мифы и легенды нематериального наследия и др.), социокультурные пласты цивилизации (культура, просвещение, традиции, ритуалы и обычаи), самобытное национальное и духовное самосознание, этническая идентичность (общность, язык, мораль и этика, верования), ментальный портрет (уникальные характеристики, отражающие место и роль этноса в современной действительности) преломляются через сферу языковых коммуникаций. В интерпретации великого немецкого лингвиста Вильгельма фон Гумбольдта язык представляет собой живую деятельность человеческого духа, воплощает в своем порыве единую созидательную энергию народа, которая исходит из глубин человеческого существа и пронизывает собой все его бытие. Язык в его понимании есть не оконченное дело или вещь «эргон», а деятельность — «энергию». Являет собой сосредоточение жизни, а не само ее свершение. Язык он воспринимает как силу, делающую человека человеком. Языки, по Гумбольдту, являются отображением изначально заложенной генетически языковой способности, заложенной в человеке в виде некоторых смутно осознаваемых принципов деятельности и раскрывающейся с помощью субъективной активности говорящего, своими собственными усилиями создающего сам в себе язык[1].

Слово — мощный коммуникационный генератор этнополитических смыслов. Язык и идеи, язык и мысль, язык и мировоззрение, язык и мышление — эти множественные бинарные категории неразрывно взаимосвязаны, что вполне подтверждает теория лингвистической относительности Сэпира-Уорфа, соотносящаяся с современной когнитивной архитектурой этнополитического пространства, где доминантой может выступать плюрализм культур, языков, форматов этносоциального диалога, где не найдется места фанатичности и ксенофобии.

Вместе с тем, универсальная власть языка в условиях контактной лингвистики, когда с наибольшей эффективностью в одном этнополи-

---

[1] Кацнельсон С. Д. Содержательно-типологическая концепция Вильгельма Гумбольдта // Понимание историзма и развития в языкознании 1-й половины XIX в. Л., 1984. С. 126.

тическом пространстве происходит соприкосновение разных языков и культур, диалог мнений, проявляется в ее синхронизации с другими видами власти. Известный мыслитель современности М. Н. Эпштейн выступает против абсолютизации или гегемонии любой формы власти, считает принципиальным утверждение ценностей «многовластия», сбалансированность которых наиболее отвечает интересам развития современного гражданского общества: «Власть есть не только у политики, у государства. У языка, у науки, у религии, у искусства — своя власть, которая обладает каждая своей легитимностью и силой воздействия. Власть языка над сознанием граждан не уступает по силе власти государства. У каждой области человеческих свершений есть своя власть, свои средства подчинения людей и достижения нужных целей. У интеллекта есть своя власть, действующая логикой убеждения, сцепкой причинно-следственных связей, наглядностью аналогий и емкостью обобщений. Есть своя власть у нравственных чувств и императивов, таких как совесть и честь, ради которых люди идут на тяжелейшие испытания, на страдание и смерть. Своя растущая власть есть у науки, которая все больше претендует на то, чтобы стать Властью в современном обществе, пользуясь силой технологий. Есть своя власть у литературы и искусства — способность подчинять людей силе образа и пластике жеста. Чем больше властей перекрещиваются и взаимодействуют в жизни общества, тем оно свободнее»[1].

И. М. Кувакова, исследуя аспекты языковой политики в традиционном и инновационно-цифровом измерении с учетом новейших трендов цифровизации и глобализации общества, подчеркивает: «Государственная языковая политика, включающая лингвистическую безопасность, как в едином глобальном мире информационно-цифровых технологий, так и в России, на всем постсоветском пространстве, представляет собой самоорганизующийся феномен — мультисоциомедийный интерфейс. Указанное подразумевает исследование многообразия тематических скринингов (от англ. *Screening*) и скриншотов (от англ. *screenshot*, букв. «снимок экрана») — от образного ряда, мифов, обрядов, верований и обычаев, этически и эстетически оправданных художественных, литературных, кино-, СМИ и интернет-форм коммуникации, искусств и противодействия нарушителям цивилизованных «церемоний» до укоренения эталонных принципов общения, образцов и правил делового взаимодействия, предприимчивого взаимовыгодного и равного

[1] Эпштейн М. Н. Человек словотворящий. 16 вопросов Михаилу Эпштейну о культуре, о времени и о себе // Сфера культуры. 2020. № 1. С. 141.

партнерства целей и приоритетов долгосрочного решения важных вопросов касающихся границ дозволенного и практик изучения языка»[1]. Как видим, в установлении равновесного соотношения языковой политики и лингвистической безопасности принципиальную значимость приобретает поиск баланса современных форм языковых коммуникаций, в том числе язык медиа, интернета и традиционного культурного наследия (мифы, легенды, предания, классические литературные произведения, художественно-эстетические нарративы и т. д.).

В настоящее время языковое просвещение людей всех поколений приобретает цивилизованные формы как по самой организации, так и по содержанию — образовательному контенту, продвижению языковых тем через информационные ресурсы, включая цифровые коммуникации, которые гораздо ближе поколению Z. В частности, для этноязыковой политики, транслируемой институтами гражданского общества Башкортостана и Татарстана, на сегодняшний момент характерна диалогичность, которая выражается в способности находить компромиссы и приходить к взаимопониманию в этнополитической сфере. Однако ввиду предстоящей переписи населения происходит расхождение политических позиций в публичном медийном пространстве относительно принадлежности диаспор к своему материнскому этносу или причисления к нему моноэтнических групп, продолжающих определяться со своей национальной самоидентификацией, что подтверждает политическая активность в социальных сетях и электронных СМИ.

Цикличное формирование гражданского общества становится системным процессом, и архаичные формы социально-бытового национализма или внешне инспирированного регионального сепаратизма, возбуждавшие в людях негативные чувства, уходят в прошлое.

В качестве приоритетов государственной национальной политики Российской Федерации выдвинуты: укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности российской нации; сохранение этнокультурного и языкового многообразия; сохранение русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения; сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия страны, традици-

---

[1] Кувакова И. М. Государственная языковая политика, лингвистическая безопасность и современные вызовы // Языковая политика и лингвистическая безопасность : мат-лы второго международного научно-образовательного форума 25–26 сентября 2018 г. Нижний Новгород : НГЛУ, 2018. С. 90.

онных духовно-нравственных ценностей как основы российского общества[1].

Н. И. Коновалова констатирует, что «динамика семантики мифологем в современном социокультурном контексте связана в значительной степени с утратой сакрального компонента и с выдвижением на передний план профанного, обыденного, бытового, сниженного, лишенного таинственности»[2].

На современном этапе и русский язык, и языки коренных народов Российской Федерации нуждаются в формировании синхронизированной системы защиты от искусственных искажений, забвения языковых форм, сокращения словарного запаса, падения уровня читательской культуры. Как подчеркнул Президент нашей страны, гарант Конституции, «впервые в Конституцию будет внесено положение, согласно которому государство будет обязано защищать языковое многообразие России, народов России»[3].

На стыке этнополитики и этнолингвистики каждый регион Российской Федерации представляет собой уникальный полиэтнический и социокультурный феномен. Языковое измерение территории образует устойчивый конгломерат большого числа близкородственных и неродственных языков, самобытность каждого из которого является неотъемлемой частью духовного иммунитета народов России. Для большинства народов, населяющих Российской Федерации, исторически было характерно многоязычие. В различные периоды на территории страны выделялось несколько зон со сложившимися языковыми и культурными особенностями. Каждый регион обладал своей спецификой развития и характеризовался функционированием определенного языка общения. Особое внимание уделялось роли русского языка в республиках Российской Федерации, его функционированию в качестве государственного языка и языка межнационального общения народов России. Идейной платформой государственной языковой политики всегда было обеспечение базовых равных на каждой терри-

---

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/71580894/ (дата обращения: 05.12.2020).

[2] Коновалова Н. И. Мифологема как свернутый сакральный текст // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 215.

[3] Русский язык может быть обозначен в Конституции как язык государствообразующего народа [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/politika/7844175 (дата обращения: 05.12.2020).

тории условий для развития и обязательного функционирования русского языка во всех сферах еще и как этнополитического фактора, способствующего упрочению языкового, образовательного и культурного единения этносов одной из крупнейших в мире стран.

После общероссийского голосования в ч. 1 ст. 68 Конституции Российской Федерации внесена поправка, в которой говорится, что государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык «как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»[1].

Вместе с тем новая редакция Конституции Российской Федерации гарантирует не только возможность изучения, но и получение образования на родных языках народов России, и на этот принципиальный момент особое внимание обратил М. М. Магомедов: «Некоторые наши коллеги неправильно воспринимают поправки по языковой политике с изучением родных языков. Новая редакция Конституции гарантирует право каждому гражданину Российской Федерации не только возможности изучения, но и получение образования на родном языке»[2]. Также государственный деятель подчеркнул, что Конституция гарантирует сохранение и развитие всех языков народов Российской Федерации: «Такого не было в предыдущей редакции Конституции. Это шаг вперед. Доводить это надо до людей, участников дискуссии. Никакого ущемления права на родной язык нет»[3].

В разных российских этнокультурных ареалах и национально-культурных образованиях распространены 277 языков и диалектов, находящихся в употреблении 193 народов, из которых в государственной системе образования используются 89 языков, 30 — в качестве языка обучения и 59 в качестве предмета изучения[4]. На лингвистической карте России выделяются пять зон концентрации наибольшего числа родных языков: Дагестан (32 национальных языка коренных народов); Сибирь, включая районы Крайнего Севера (40 языков разных семей

---

[1] Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения: 05.12.2020).

[2] Замглавы Администрации Президента Российской Федерации: «Никакого ущемления права на родной язык нет» [Электронный ресурс]. URL: https://www.business-gazeta.ru/news/480404 (дата обращения: 05.12.2020).

[3] Там же.

[4] Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 1912.2012 № 1666). М., 2013. С. 7–8.

и групп, 30 коренных); Северный Кавказ (более 20 языков, 15 коренных); Дальний Восток (20 языков), Урало-Поволжья. Остальные языки рассредоточены на европейской территории России. Таким образом, палитра лингвистической карты территорий Российской Федерации отличается большим языковым разнообразием. Здесь языки «больших» народов соседствуют с языками малочисленных этносов.

По оценочным суждениям ведущих российских экспертов, «языковая политика в Российской Федерации предполагает сочетание общегосударственной функциональной доминанты — русского языка и 34 (36 с Крымом и Севастополем) функциональных доминант республиканского значения в субъектах федерации. Исходя из особенностей языкового законодательства, наличия в территориально-государственных образованиях функциональных доминант в регионах, языковую политику в Российской Федерации можно разделить на следующие подтипы: 1) однокомпонентная модель языковой политики — языковая политика с разными формами существования русского языка; 2) двухкомпонентная модель языковой политики — языковая политика с двумя доминантами (русский язык + республиканский государственный язык); 3) трехкомпонентная модель языковой политики — языковая политика с тремя доминантами (русский язык + два республиканских государственных языка); 4) многокомпонентная модель языковой политики — языковая политика с четырьмя, пятью и более доминантами (например, русский язык + 14 языков Дагестана); 5) дифференциальная модель языковой политики — языковая политика в области функционирования языков малочисленных народов, а также мигрантских языковых общностей. При выделении моделей языковой политики учитывается не только количество статусных языков, но и их специфика. Например, в трехкомпонентной модели языковой политики, кроме русского языка, представлены два варианта одного и того же языка (скажем, мордовский эрзя, мордовский мокша), а не отдельные этнические языки. По нашему мнению, данная модель наиболее удачно учитывает нюансы, характерные для государственного устройства Российской Федерации, специфики языковой ситуации многонационального государства. Она гарантирует применение во всей стране единых принципов национально-языковой политики и учитывает конкретные этнолингвистические условия того или иного субъекта федерации, его функциональные языковые доминанты, условия развития национальных языков России»[1].

---

[1] Языковая политика в контексте современных языковых процессов М. : Азбуковник, 2015. С. 6–7.

По данным Министерства просвещения Российской Федерации, в настоящее время в системе общего образования существует запрос на изучение 81 языка народов России, включая и языки коренных и малочисленных народов[1]. Востребованность, сохранение и развитие родного языка исходят из закономерной и естественной потребности в сбережении языковых ценностей для последующих поколений, продолжении коммуникаций в разных форматах, позволяющих обеспечивать этническую парадигму развития культуры самого этноса. В регионах Российской Федерации общеупотребительны «около 80 литературных языков, обладающих различным статусом и объемов функций»[2], но гарантированное Конституцией Российской Федерации право и возможности сохранения и развития этих языков создают предпосылки для их воплощения в образовательной и социокультурной парадигмах.

Что касается дифференциации подходов в понимании языковых процессов в регионах Российской Федерации, то выделяются пять основных общественно-политических векторов:

– федерально-государственнический, отражающий подходы Кремля и Правительства страны с позиции общенациональных интересов, которые отражают преемственные законодательно и нормативно закрепленные и сопряженные модели получения образования на государственных и родных языках на федеральном и региональном уровнях;

– региональный, обозначающий вектор национальной и языковой политики, исходя из специфических местных этнокультурных особенностей, языковой ситуации на уровне республик, областей, краев;

– этнонациональный как общественно-государственный вектор, преломляющийся через спектр стратегий моноэтнических национально-культурных анклавов, отражающий интересы коренных народов, диаспор, мигрантов, политические настроения любых этнических общностей;

– русскоязычной общественности, получившей законодательно закрепленное право на добровольное изучение региональных государственных языков, углубленное изучения русского языка на любой территории Российской Федерации;

---

[1] Минпросвещения хочет создать концепцию изучения и преподавания родных языков. Новости. Февраль 07, 2019. URL: https://www.idelreal.org/a/29756696.html (дата обращения: 12.02.2019).

[2] Додыченко Е. А. Действия власти в области языковой политики : сб. науч. статей по мат-лам Междунар. науч.-практич. конф. (Саратов, 25 декабря 2012 г.) / отв. ред.: Г. А. Хотинская. Саратов : Пресс-Лицей, 2013. С. 163.

– цифровой, передающий достижения энтузиастов-общественников, ученых, преподавателей, специалистов и экспертов в области создания медийного и цифрового контента в области языкового просвещения — мультфильмы, авторские учебники, мобильные приложения, словари, записи в социальных сетях и т. д.

Языковая политика неразрывно связана с государственной политикой государства в сфере языка и образования, его политической идеологией, принципы которой закреплены конституционно. Мы полагаем, что в многомерном общественном пространстве происходит одновременно сопряжение и расхождение точек зрения на языковую политику. В этом понимании мы солидарны с мнением С. Соколовского и Е. Филипповой в том, что «любая инициированная правительством или национальной элитой языковая реформа поляризует мнения граждан, которых невозможно рассматривать лишь как пассивных реципиентов этой реформы: она не будет иметь успеха без поддержки населения и, таким образом, даже следование ее целям и принципам, не говоря уже о противодействии и протестах, должно рассматриваться тоже как политическое действие, направленное на реализацию конкретной стратегии языкового планирования. Множественность акторов, отстаивающих свои интересы и ценности и вступающих в отношения по поводу языков и языковых идентичностей (помимо политических элит центра и регионов, в эту политику оказываются вовлеченными активисты национальных движений и центров, общественные деятели, писатели, журналисты, преподаватели языка, творческая интеллигенция и прочие носители и пользователи конкретных языков — студенты и школьники, их родители, вообще люди всех возрастов и профессий), имеет следствием их политическую деятельность. Все эти группы ищут союзников, создают коалиции для эффективного отстаивания своих интересов, что закономерно приводит к коллизиям, не обязательно ограничивающимся языковой сферой. Таким образом, в политические действия, составляющие языковую политику, оказываются вовлеченными не только государственные институции, но и издательства, газеты и журналы, научное сообщество, школы и университеты, землячества, иные мигрантские или диаспорные сообщества, городские и сельские общины и т. д.»[1].

---

[1] Соколовский С. В., Филиппова Е. И. Языковое многообразие и социальное согласие: непростое равновесие // Языковая политика, конфликты и согласие. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. С. В. Соколовского, Е. И. Филипповой. М. : ИЭА РАН, 2018. С. 6.

В процессе исторического генезиса цивилизационных общностей языкам коренных народов принадлежит особая роль. Язык, по меткому определению Паолы Утевской, «слов драгоценные клады» и выражает собой конкретный лингвокультурологический феномен, передающий современникам и последующим поколениям все самобытное богатство национальной и отечественной культуры в целом. В то же время любая культура, будучи в конечном счете национальной, в немалой степени взаимосвязана с характером и закономерностями развития, спецификой внутреннего строя и другими чертами конкретного языка. Исчезновение или дискриминация родного языка губительно сказывается на этнокультурном потенциале этноса, коллективном восприятии образов мифологии, проявлении национального стиля, самовыражении в различных видах искусства.

Язык является первостепенным и доступным средством выражения культуры этноса, главным носителем и транслятором культурных ценностей, социальных знаний, регулятором и координатором социальных коммуникаций как внутри национально-языковых ареалов, так и диалога между этническими общностями. В этом концентрированном формате проявляется выполнение языком своей интегрирующей роли в кодификации этнокультурной, языковой, этнополитической, гражданской, религиозной идентичности. Таким образом, язык, представляя собой многомерное пространство, способен семантически охватить весь массив культурного наследия каждого этноса, создавая и храня тем самым его мировоззренческую картину мира в изменяющихся условиях, главную опору мобилизации всех видов его многомерной идентичности.

Очевидно, что отличительные черты этнокультурного ландшафта передаются через структуру национального языка. Каждый родной язык для коренного народа, существующего исторически в определенном природно-географическом и культурном ландшафтах, или не теряющем духовной связи с малой родиной, характеризуется исключительно персонифицированным способом этнокультурной кодировки мира. Выраженные и сохраняемые в родном языке лингвистические значения и этнокультурные смыслы образуют полифоничную систему взглядов целого народа, уникальную языковую картину мира, характерную для каждого этноса в отдельности.

Несмотря на свою универсальность даже в рамках одной языковой семьи и возможности свободных коммуникаций на родных языках, каждый этнос обладает своим национальным колоритом и языковыми особенностями. Они проявляются в интерпретации культурных и по-

литических процессов, мировоззрении, качествах народов, что приводит к различному восприятию действительности. Например, в алтайскую языковую семью входит обширная тюркская языковая группа, включающая в себя кыпчакскую ветвь, представленную в Поволжье России (башкирами и татарами), и каждый из этих коренных языков сохраняет свою целостность и идентичность, служит средством выражения богатейших культур. В целом окружающая действительность, выраженная через средства языковых коммуникаций, включая перекрестные, становится одним из ключевых факторов, подчеркивающих уникальность мировоззренческой картины мира.

По объективным причинам современная молодежь избирательна в выборе языков дополнительного изучения, воспринимая их освоение как приобретение полезной лингвистической компетенции для выстраивания своей жизненной и профессиональной траектории в глобальном обществе, мире свободных коммуникаций. В то же время Урало-Поволжский культурный ареал и его мультиязыковой кластер преимущественно на территории Республики Башкортостан обширно представлен тюркскими народами с развитыми культурами и родными языками, соприкасающимися друг с другом, большинство которых в исходном этнокультурном коде имеет алтайское цивилизационное происхождение.

Отметим, что пандемия коронавируса вместе с вводом ограничений, связанных с посещением ряда зарубежных стран, привела к росту запросов на освоение российской истории через зарождение внутренне ориентированного туристического бизнеса. В этой связи историческое наследие становится основным социокультурным инструментом, политическим фактором формирования общегражданской идентичности. В этом аспекте особое место в сохранении национального единства и обеспечении диалога культур играют этнопарки. В современной России они выступают в качестве инструмента этнической мобилизации, гармонизации межнациональных отношений и являются этнокультурными зонами отдыха, где представлены самобытные особенности национальных культур. Этнопарки интересны не только для этнографов и антопологов: информационное продвижение этнического туризма, несомненно, усиливает социальные коммуникации, поскольку через цифровизацию и сети происходит трансляция различных лонгридов, образов, воспоминаний, впечатлений на огромное количество целевых аудиторий. Иначе говоря, этнопарки — это эффективно работающий социокультурный инструмент этнической консолидации населения и сохранения национального самосознания, мировоззрения, этики

и эстетики, своего рода форма этнокультурного просвещения и полилингвального образования.

Кроме этнокультурных достопримечательностей, особой привлекательностью пользуются символы индустриальной мощи, памятники разных исторических периодов. История Уфы в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы трудовой мобилизации продемонстрировали вершины человеческого духа, раскрыли атмосферу трудового братства. Тогда столица БАССР служила в тылу опорой нашего фронта, и все вместе — исконное население и эвакуированные из разных городов и областей — представляли единое многонациональное сообщество, у которого была одна общая цель — выстоять и победить.

Символом величия человеческого духа становятся духовно-национальные центры истории Великой Отечественной войны: памятные стелы, мемориалы, пантеоны, храмы. Возведенный к 75-летней годовщине Великой Победы главный храм Вооруженных Сил России стал признанным духовным символом нашего государства, увековечившим подвиги всех защитников Отечества, независимо от их этнической принадлежности.

Исследование общих для башкир, татар, киргизов, казахов, народов Урала и Севера и ряда других коренных этносов корней, которые являются универсальными для десятков народов тюркской, а в широком смысле — азиатской супер-языковой общности, обозначены как целостная «алтайская цивилизация». Поэтому интегральность и синхронизация языковых коммуникаций равных по своему значению и использованию в своих этнокультурных средах языков тюркского мира русле в реализации научно-образовательной стратегии алтаистики гораздо перспективнее линии пантюркизма. Преимущества первой стратегии образуют конституционно закрепленное равноправие родных языков, достигнутая межнациональная стабильность и консолидация народов, их диалог — как в формате языковой семьи, так и в пространстве широких межъязыковых коммуникаций.

В этом значении найти мотивацию для детей и молодежи к изучению региональных государственных языков в национальных республиках, например, башкирского, татарского, чувашского языков, является основополагающей не только педагогической, но и социоязыковой задачей. На наш взгляд, такой точкой роста познавательного интереса мог бы стать тот факт, что на тюркских языках — развитой ветви алтайских языков — свободно разговаривают как минимум 180–200 млн человек в экономически развитых странах по всему миру. Так,

в Республике Башкортостан нахождению смыслов в популяризации и распространении башкирского языка может послужить развитие алтаистской теории национального строительства и языкового образования и — в широком смысле — просвещения с использованием большого набора инструментов цифровой коммуникации, включая социальные сети, медиа-контент и т. д.

В Башкортостане 2020 год прошел под эгидой Года башкирского языка, в Татарстане 2021 год объявлен Годом родных языков и народного единства. Как видим, первостепенный акцент делается на духовных смыслах, а не материальных, прорывных и экономических процессах, стройках веках и т. д. Фактически, общество в кризисные периоды обращается больше к духовным истокам, осознанию своей принадлежности к своему народу, языковой и этнической идентичности. Акцент делается также на многокультурности, создании условий для сохранения и развития языков и культур представителей всех национальностей, что позволяет национальной политике придать большую результативность, чем если бы вектор был задан в аспекте моноэтничности. Подобный подход, исключительно с культурным акцентом, может быть реализован в любом многонациональном регионе.

В этнопсихологии и этнокультурной парадигме каждого народа есть уникальные черты, образующие его этническое своеобразие относительно других этносов, и есть свойства характера, складывавшиеся веками и позволяющие вступать в коммуникации с другими этносами, сохраняя свою множественную идентичность. Так, одни этнокультурные и религиозные черты объединяют башкир со всеми тюрками, другие — с кыпчаками, третьи — связывают историческое родство с кочевниками Великой Степи, четвертые — с народами, исповедующими исламское вероучение, пятые — интегрируют в единую российскую нацию.

Культурно-психологическое своеобразие народа, отраженное в национальном менталитете, складывается из соединения и взаимодействия всех слагаемых, причем этническая персонифицированная индивидуальность определяется не только коллективными свойствами народа и силой проявления его национального духа, но и сопряжением его лучших определяющих черт в межэтнических взаимодействиях с сохранением самобытных атрибутивных форм своего существования в современных условиях. К факторам, которые влияют на склад народного характера, формирование менталитета, мировоззрения, развитие этносферы и национальной идеи и при этом определяют этнокультурную идентичность, совершенно справедливо исследователи относят родной язык. Именно он придает каждой нации оригинальность,

самобытность, неповторимость внутри языковой семьи и группы родственных народов.

Мы солидарны с Е. Нигматуллиной, что «если перевести проблему национальной идентификации в лингвистическую парадигму, то искомая тождественность личности с народом, нацией устанавливается посредством осознания личностью особенностей национальной языковой картины мира, посредством овладения личностью тем культурным наследием, которое заложено в структурах национального языка, отражающего и формирующего национальную культуру»[1].

Отличительная специфика современного этапа развития общества состоит в том, что основную функцию по сохранению и воспроизводству культурно-исторических и национальных оснований идентичности принимает на себя национальный язык, и это обусловлено комплексом причин. Во-первых, в условиях, когда традиционные механизмы трансляции мифологических образов и этнокультурного кодирования, объединяющие людей, нивелируются, язык становится одним из ключевых средств этнокультурной идентификации, позволяющей вновь обратиться к историко-культурному наследию. Во-вторых, модели сохранения этнокультурной идентичности все более концентрируются на институтах семьи, религии, групповых отношениях, коммуникации с общиной, где происходит диалог с опорой на национальный колорит и использование родного языка. В новейших этнополитических условиях важнейшим условием активизации этносоциальных коммуникаций и, следовательно, социума, выступает родной язык в отношении к языкам ближайших народов и государственному языку страны.

Родному языку, называемому с давних пор «языком матери», говоря на научном языке, принадлежит определяющая роль в конструировании этнокультурной идентичности. С появлением цифровых социальных коммуникаций многокультурное пространство этносов способно динамично расширяться, не подвергаясь опасности своего исчезновения. Последние тенденции глобализации и информатизации мирового сообщества вносят свой вклад в данный процесс, стимулируя миграционные процессы и корректируя межкультурную коммуникацию. Этот процесс не может не повлиять на национальные языки и культуру этносов, и их сохранение приобретает особую актуальность, поскольк-

---

[1] Нигматуллина Е. Лингвистический аспект национальной идентичности [Электронный ресурс]. URL: https://pandia.ru/text/78/437/60522.php (дата обращения: 02.08.2020).

ку именно национальный язык остается важнейшим основанием этнокультурной идентичности.

В этой связи родной язык — это своего рода семиотическая, коллективная память целых поколений, которая с функциональной позиции необходима индивиду для приобретения знаний и опыта, коммуникаций, а с ценностной — открывает богатство культурного наследия на языке матери, приобщает к традициям своего народа, обеспечивает связь внутри единой общности, целого народа или диаспоры.

Устойчивым трендом времени становится рост общественной ответственности за судьбу родного языка, и в этом аспекте возрастает роль не только учебных заведений, но и историко-культурных центров, моноэтнических объединений народов и диаспор, фондов развития культур, личных инициатив граждан-энтузиастов, создающих мобильные приложения, сайты и иные интерактивные ресурсы. Отсюда следует, что в обществе происходит формирование осознанности за будущее культуры, и в этой связи родной язык увязывается с национальным стилем в искусстве, дизайне и иными привлекательными формами возрождения и сохранения этнических культур.

Н. Н. Трошина, анализируя изменения коммуникативного статуса основных европейских языков и степень их влияния на генезис народов, указывает на то, что «этнокультурная парадигма строится на сочетании различных маркеров идентичности этнических миноритарных групп. Эти маркеры подразделяются на объективные (например, культурные и языковые практики; наследие предков, т. е. ощущение непрерывности связи поколений) и субъективные (например, вера в общую судьбу, приверженность символам, самоощущаемые характеристики этничности). Язык является важным, но не единственным маркером этничности»[1]. Сочетание национальной и лингвистической самоидентификации на перекрестке культур в многонациональном социуме не являются единственными способами сохранить свою относительную этническую независимость, и поэтому возможны альтернативные варианты, когда, к примеру, гражданская идентичность начинает включать национальные, языковые, этнические, общечеловеческие и иные социокультурные компоненты. В этой связи, как подчеркнул Президент России В. В. Путин, «для огромной многонациональной России принципиальное, решающее, можно сказать, значение имеют солидарность людей, чувство сопричастности к судьбе Отечества, ответственности за его настоящее и за будущее — то, что

[1] Трошина Н. Н. Экология языка : аналит. обзор. М. : ИНИОН РАН, 2020. С. 34.

принято называть общероссийской идентичностью, гражданским самосознанием»[1].

Возрастает значение контроля за лингвистической грамотностью и чистотой использования языка, нормирования коммуникаций, формирования единых требований к словарям, справочникам и грамматикам, содержащим нормы того или иного языка. Согласно положениям статьи 68 новой редакции Конституции Российской Федерации, «1. Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. 2. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. 3. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития»[2].

Русский язык в сферах межнациональных коммуникаций, науки и образования, развитии гуманитарных контактов занимает особое место, и люди самых разных народов, обладающих собственной языковой и культурной идентичностью, легко переходят с родного языка на русский язык и наоборот. Поэтому отсутствует разделение серьезными барьерами в свободном общении на всем обширном пространстве Российского государства. В сфере широких общественных коммуникаций русский язык объединяет все поколения и социальные слои населения страны, является основным языком науки, культуры и образования. Как подчеркивает М. М. Зязиков, заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе, эксперт Изборского клуба, «в современную эпоху, характеризующуюся целым рядом противоречивых трансформаций глобального масштаба, которые несут угрозу безопасному существованию стран и народов, подрывают глубинные основания национальной идентичности, провоцируют этнополитические столкновения и т. д.,

---

[1] Под председательством Владимира Путина в режиме видеоконференции состоялось десятое заседание Совета при Президенте по межнациональным отношениям [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/65252 (дата обращения: 18.08.2020).

[2] Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения: 18.08.2020).

особое внимание уделяется проблемам сохранения и развития русского языка — государственного языка нашей страны»[1].

В целом государственный язык — это исторически сложившаяся и непрерывно развивающаяся семиотическая система этнической и межнациональной кодификации. Он рассматривается как знаковый механизм общения, система дискретных знаков, образующих единство и целостность, предназначенных для коммуникаций и способных передать многообразие представлений человека о мире. Это универсальная система языковых значений, взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц, выражающих совокупность социального опыта человечества, знаний и представлений человека о мире, этических норм и эстетических впечатлений и т. д. Выступая в роли важнейшего фактора культуры, национальный язык, имея одновременно статус государственного языка для всей нации и родного языка для одного или целой группы народов, выполняет в развитии гражданского общества основные коммуникативные и познавательные функции, являясь языком науки, культуры и образования.

Предназначение государственного языка состоит в обеспечении единства общества и социальной солидарности, которая никаким образом не противоречит его национальной идентичности, помогает преодолеть чувства отчуждения, оторванности, изолированности от «материковой» российской культуры. Человек, понятый и принятый в публичном пространстве в любой точке страны и мира, может оставаться носителем своей этнической культуры, языковых традиций, но при этом быть на пересечении самых разных культур, знать, наравне с родным и русским языком, и иностранные языки, то есть в этом значении быть полилингвальной личностью. Совершенно правы авторы, отметившие, что, «поскольку в современном мире роль информации чрезвычайно велика, человек может чувствовать себя комфортно, может воспринимать себя как часть общества только там, где обеспечено его право на получение той информации, которая касается его лично, его прав, свобод и обязанностей, и где он может реализовать принадлежащие ему права в публичном общении»[2].

---

[1] Зязиков М. М. Русский язык и приоритеты государственной политики Российской Федерации в языковой сфере [Электронный ресурс]. URL: https://izborsk-club.ru/author/zyazikov (дата обращения: 03.02.2020).

[2] Белов С. А., Кропачев Н. М., Соловьев А. А. Разработка концепции и нормативно-правовое обеспечение государственной языковой политики Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2017. Т. 8. Вып. 1. С. 59.

На заседании Совета по русскому языку, которое состоялось 5 ноября в Кремле, глава государства В. В. Путин, его советник В. И. Толстой и другие участники обозначили инструменты обеспечения развития, защиты и поддержки русского языка:

– создание программы поддержки языкового разнообразия;

– замена «Википедии» Большой российской энциклопедией в электронном виде;

– преодоление диспропорции бюджетных и внебюджетных мест в вузах на филологию;

– защита русского языка, против которого работают «разного рода маргиналы... и агрессивные националисты;

– «ни один аспект бытования русского языка ни внутри России, ни за ее пределами не должен оставаться без заботы»[1].

В выступлении Президента России лейтмотивом прозвучала мысль о том, что необходимо сохранение баланса при выборе национального или русского языка для обучения в школе. Утверждалось, что без знания национального языка нет знания национальной культуры и истории народа, но русский язык дает школьникам ощущение того, что они — часть «большой, могучей и мощной державы». Безусловно, все эти тезисы получат реализацию и в национальных республиках России, включая Республику Башкортостан. Поэтому необходимо находить баланс в языковом просвещении.

В то же время, как отмечает известный этнолог В. А. Тишков, «переход на другой язык не означает утрату идентичности, т. е. сознания принадлежности к тому или иному народу. Скрепами самосознания могут быть религия, эмоционально-духовная связь со страной и ее культурой и другие компоненты идентичности»[2].

На этом фоне тиражировалась статья в электронных сетевых ресурсах, которую распространяли башкирские национальные организации, такие как Башкорт (по решению Верховного суда эта организация признана экстремистской): «Знание родного языка ассоциируется с бедностью, маргинальностью, отсутствием перспектив». Появление этого материала связано с кризисом в деятельности Фонда сохранения и изу-

---

[1] Путин призвал к созданию программы поддержки языкового многообразия [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20191105/1560608576.html (дата обращения: 6.08.2020).

[2] Тишков В. А. Стройка наций. Российская полиэтничность в мировом контексте [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/stroyka-natsiy-rossiyskaya-polietnichnost-v-mirovom-kontekst/ (дата обращения: 26.08.2020).

чения родных языков, идею создания которого продвигал председатель комитета Государственной Думы Российской Федерации В. А. Никонов, а также отсутствием понятия государственные языки в федеральных государственных образовательных стандартах, минимизацией финансирования изучения родных языков, что влияет на формирование языковых и культурных идентичностей.

Под флагом вестернизации общественной жизни произошло оскудение речевых коммуникаций, выражающееся в сокращении национальных словарей, увеличении количества заимствований, проникновении англо-американизмов, жаргонизмов в различные среды общения. Инкорпорирование элементов массовой культуры в формы жизнедеятельности этносов приводит к универсализации социальных коммуникаций, что, в свою очередь, сказывается на утрате национальными культурами своей самобытности. В результате происходит разрушение мифологических начал роста этнокультурной идентичности, унификация художественно-эстетических вкусов, вытеснение этнокультуры на периферию внутрисемейных отношений или демонстрацию культурных артефактов на праздниках, маршрутах событийного туризма и т. д.

Росстатом подготовлен проект анкеты, которую гражданам предстоит заполнить во время проведения Всероссийской переписи населения. Опросник предусматривает возможность, которой ранее не было: указать сразу несколько национальностей. Несомненно, это скажется на национальной и языковой идентификации многонациональных, смешанных семей. Подобная «сдвоенная» национальность, с одной стороны, позволит повлиять на решение респондента: указывать свою национальность или нет, с другой — появление записей «башкир, татарин», «русский, башкир» и т. п. может привести к размыванию собственной этнической и языковой идентичности. В результате может резко возрасти численность основных групп представителей народов, проживающих в национальных республиках, и вольному обращению с понятием «национальность». Поэтому необходимо проводить информационно-разъяснительную работу, направленную на формирование национальной идентичности у представителей местных сообществ, имеющих доминантную идентичность — как «башкир», «русский», «татарин», «чуваш», мариец», «удмурт» и т. д., но уважающих культуры других народов и интегрально имеющих общую общероссийскую идентичность.

Известный этнолог и этносоциолог И. М. Габдрафиков прокомментировал новшества, связанные с формированием «этно-статистики»

предстоящей Всероссийской переписи населения. Этно-картирование картины культурного и языкового многообразия населения регионов будут учитывать всю полноту этнокультурных и этносоциальных процессов, что должно привести к снижению межнациональной напряженности в пограничных, переходных этнокультурных зонах. Для обозначения множественной идентичности будет реализована формула — первая национальность, вторая и даже третья... Это же касается и личностной идентификации по родному языку — первый родной язык, второй, третий и т. д.: «В Башкирии более одной трети детей рождается в национально смешанных семьях и у многих смешанное самосознание. Однако устаревший инструментарий переписи до сих пор требует от человека определиться — к какой только одной этнической группе он относится. Тем самым эскалация межэтнической напряженности в определенной степени провоцируется самим инструментарием переписи, который не учитывает, что человек может иметь двойственную или нечеткую этническую идентичность»[1].

Заместитель руководителя Росстата П. А. Смелов отметил, что для итоговой основной таблицы, в которой распределяется все население страны, будет учитываться только тот вариант, который указан первым: «Для ученых и анализа будет представлен полный массив данных, и они смогут отдельно проанализировать людей, которые выбрали две-три национальности. По родному языку точно такая же ситуация. Можно написать два, по первому мы посчитаем, для ученых, и вообще любой желающий сможет проанализировать»[2].

Поэтому первоочередность в последовательности выбора опрашиваемого в графе «родной язык» станет решающей в определении его основной языковой идентификации. Официально статистически будет зафиксирован первый избранный язык, а остальные родные языки в этой последовательности рядов окажутся в массиве государственной статистики вторичными и станут достоянием социологов и этнологов, изучающих вопросы множественной этнической идентификации, межнациональных браков, полиэтничности среды, внутренних миграций и т. д. Безусловно, получение богатой этноязыковой палитры станет

---

[1] Габдрафиков И. М. Зигзаги этностатистики: особенности переписей населения в Башкирии в 1989, 2002, 2010 гг. и прогноз на 2020 гг. // Измерение культурного многообразия / под ред. М. Ю. Марнтынова, В. В. Степанова. М. : ИЭА РАН, 2019. С. 195.

[2] Росстат: В переписи-2020 разрешат указывать несколько национальностей и родных языков [Электронный ресурс]. URL: https://www.business-gazeta.ru/news/457162 (дата обращения: 08.08.2020).

опорой российскому федерализму, доказательством эффективности национальной политики.

Вместе с тем для крупных мононациональных сообществ, включая диаспоры, и их национально-культурных организаций, отдельных пассионарных объединений принципиально важен вопрос межэтнического соотношения традиционно лидирующих групп — башкир, татар, русских, чувашей и т. д., и любой значимый крен в ту или иную сторону будет подвергаться тщательному анализу, общественным реакциям, критике и т. д.

Поэтому принципиально подойти к кадровому вопросу отбора и подготовки самих переписчиков, которым предстоит работать в разных этнических средах, как моноэтничных, так и полиэтничных, где может быть характерной двойная самоидентификация. Важно принять во внимание и такой момент: на каком языке будет сформулирован вопрос переписчика об этнической или языковой принадлежности. От его языкового мастерства, вызывающего доверие (или недоверие) населения, во многом зависит выбор языка опрашиваемого. Поэтому принципиально важной задачей являются языковые коммуникации переписчиков с населением, на что требуется обратить особое внимание при проведении переписи.

В силу этого очень важно приложить максимум усилий в районах и городах Башкортостана, территориях с компактным и даже дисперсным проживанием башкирского населения за пределами республики для грамотного определения доминирующего языка в бинарной языковой связке, особенно «башкирско-татарской».

Публицист-историк Николай Сванидзе в эфире «Эхо Москвы в Уфе» высказал свое видение национальной политики, которая проводилась в стране по отношению к национальным республикам от В. И. Ленина до В. В. Путина. Рассуждая о темах суверенности и самоопределения республик, он убежден, что для нашей страны наиболее перспективной является федералистская модель управления, которая позволяет сохранить ее целостность в составе Российской Федерации. «Российская культура, — подчеркивает он, — обязана своим величием тем, что в нее, как ручейки, вливаются культуры разных народов, наций, языков. Если эта культура будет исчезать, то обмелеет и российская культура. Будем жить воспоминаниями о Пушкине и Толстом. А нового ничего не будет. Поэтому важны национальные языки, очень важно сохранение башкирской культуры, башкирского языка. Это важно для России в целом. Для выстраивания унитарного государства безликая масса нужна, для укрепления — нет. Безликая страна, как

правило, не сильная страна. Сила не в унитарности. Сила в мощи многокрасочности. А это дается силой национальных культур. Если Россия будет однообразной, одномерной, она будет не интересна сама себе. Если Россия будет не интересной, серой, слабой — распадется. Слабые не выдерживают мировой глобальной конкуренции. А богатства достигаются за счет богатства национальных культур»[1]. В языковой многоликости, укрепляющей монолитность российского федерализма, он усматривает залог не только единения народов, но и их глобальной конкурентоспособности.

В этой связи А. Ш. Бадранов в своем труде, посвященном исследованию общественно-политических процессов, произошедших в Башкортостане за последние 30 лет, выделяет хронологию геополитических и этнополитических процессов, оказавших трансформационное влияние на мировоззрение этносов в условиях перехода на принципы российского федерализма. Ученый подчеркивает, что «наша общая задача сегодня — это формирование общественного дискурса, который поможет модернизировать республику на основе традиционных ценностей ее народов. Без отказа от своей национально-культурной идентичности и исторических традиций сделать общество рациональным, бесконфликтным, способным к устойчивому развитию в изменяющихся условиях современного мира»[2].

Подчеркнем, что нередко, особенно в последние годы, этнолингвистический и этнокультурный диссонанс происходит на фоне реализации центрических интересов различных общественно-политических и институциональных сил, когда достоверность отношения исторических, литературных и языковых конструкций по отношению к тому или иному народу подвергается сомнению или присваивается для достижения этнополитических интересов. В этой связи цели лингвистических, этнографических и географических диктантов, которые проводятся в последние годы: повышение интереса к грамотному правописанию и владению литературными языками, историческим и культурологическим сведениям среди народов и крупных национальных диаспор — нередко входят в противоречие с воззрениями отдельных пассионариев

---

[1] Николай Сванидзе: «Если все будут довольны — никто не захочет разбегаться. Если не довольны — не остановишь» [Электронный ресурс]. URL: http://echomskufa.ru/2020/01/20/59674 (дата обращения: 08.08.2020).

[2] 30 лет новейшей истории Башкортостана: 4 смысловых сюжета вице-премьера Азата Бадранова [Электронный ресурс]. URL: https://www.bashinform.ru/detalno/1506097/ (дата обращения: 03.11.2020).

и этно-политиков, что при определенной амплитуде общественного мнения приводит к возникновению резкой общественно-политической реакции. Однако нельзя не заметить, что привлечение внимания к значимым для литературы и культуры именам и текстам, популяризация родных языков способствует формированию национальной идентичности.

Периодически возникающий градус высокого напряжения на национально-языковой почве (в ПФО — Башкортостан, Татарстан, Удмуртия и т. д.), но в то же время проблема обособления национальной и языковой идентичности с провоцированием политиканских заявлений по принципу аналогии могут приобрести сетецентричный характер и распространиться на ближайшие регионы. Поэтому необходимы алгоритмы профилактики конфликтов и рисков противопоставления языков в медиа-пространстве.

Накануне Всероссийской переписи населения все больше будет актуализироваться проблематика формирования национальной и языковой идентичности, особенно, когда она может быть двойственной, и представитель того или иного этноса начинает более остро ощущать свою принадлежность к конкретному этносу и делать свой личный выбор публичным.

Традиционные взаимные претензии национальных общественных сил относительно самоидентификации и политического признания диаспор частью своего народа приводят к коллизиям, когда «каждая сторона пытается за счет отсылок к «источникам» обосновать правоту своей позиции»[1]. Лейтмотивом публикации Сергея Николаева проходит мысль о том, что единственным способом медиации татаро-башкирского виртуального конфликта является путь добровольной этнической самоидентификации, что позволяет обеспечить полное соблюдение конституционных прав граждан.

Так, татарский рокер Альберт Исмаил, изучив свою родословную, приняв диалектные особенности башкирского языка как своего родного, объявил себя башкиром, что получило широкий общественный резонанс в социальных сетях. Поэтому очень важно не политизировать этот момент, но содействовать тому, чтобы башкиры могли ощущать себя башкирами в любом районе Башкортостана, невзирая на диалект-

---

[1] Накануне переписи населения 2021 года Казань и Уфа раздувают конфликт [Электронный ресурс]. URL: https://eadaily.com/ru/news/2021/01/22/nakanune-perepisi-naseleniya-2021-goda-kazan-i-ufa-razduvayut-konflikt (дата обращения: 03.11.2020).

ные и иные культурные особенности. Их специфические особенности владения родным языком следует акцентировать как одну из важных норм принадлежности к семейству диалектов башкирского языка, и эта языковая идентификация поможет им сделать свой правильный выбор в ходе переписи населения.

В прошлые десятилетия система народного образования, важную часть которой составляли национальные школы, была обращена к сотням тысячам детей республик, и не было иных альтернатив языковому просвещению. В настоящее время, когда школа более не является единственным источником информации, а гражданские институты и ученые, учителя, программисты деятельно включаются в формирование национальных идентичностей, создание альтернативных традиционным учебникам образовательных продуктов, необходимо особое внимание уделять, в том числе форматам, получившим развитие в последнее время, к примеру, цифровым. Именно этот формат будет использован при замене «Википедии», по предложению Президента России, Большой российской энциклопедией как источника информации. В этой связи в ближайшее время предстоит перевод секторов портала последней на национальные языки, что позволит сформировать общее интеллектуальное, культурное и языковое пространство.

Однако с таким подходом согласны далеко не все. Так, восточноевропейский исследователь Андрас Корная полагает, что из 7000 живых языков, на которых общаются современные люди, 2500 по разным причинам находятся на грани исчезновения. В своем исследовании ученый подчеркивает, что в пространстве цифровой коммуникации лишь 5% из общего числа языков способны пройти стадии цифрового перехода и пережить так называемый синдром «цифровой смерти». Исходя из этого, ученый делает вывод о том, что «подавляющее большинство языков находятся в цифровом покое и неспособны к эволюционному цифровому развитию»».

В этой связи на электронном ресурсе «Реальное время» в рамках спецпроекта интернет-газеты, посвященного переписи населения-2021, была опубликована статья уфимского социолога Тимура Мухтарова «Грозит ли башкирскому языку „цифровая смерть”?». Основные тезисы этой статьи Тимур Мухтаров развернул в следующем порядке, которые концентрированно обозначены ниже:

– башкирский язык находится на пути к вымиранию;

– до сих пор нет автоматической орфографической проверки текстов на башкирском языке в MS Word и Open Office;

– не хватает онлайн-переводчиков башкирского языка;

– системы искусственного интеллекта должны знать башкирский язык;

– существующие парадигмы в башкирской грамматике требуют пересмотра и дополнений, поскольку его языковой строй не отражает правильно народный язык и содержит искусственные конструкции, чуждые башкирскому языку и потому почти не используемые в спонтанной естественной речи;

– недостаточно эффективно работает система документирования языков в виде обработки письменных текстов, включающих транскрибированные, переведенные на другие языки и аннотированные аудио- и видеозаписи образцов спонтанной речи, в том числе и на европейские языки.

И так далее.

Что можно на это ответить? Безусловно, феномен «цифрового перехода», при котором национальные языки в большей или меньшей степени представлены в пространстве цифровой коммуникации, приобретает все большее значение с учетом прогресса цивилизации, но чрезвычайно сгущать краски некорректно даже для формата научной дискуссии. Тем более что первые результаты цифровизации в регионе уже есть.

Переход к модели полилингвального образования, происходящие лингвистические трансформации в корреляции с закономерностями технологической цифровизации общества, совершенствование башкирской грамматики, расширение спектра языковой подготовки, расширение сегмента родных языков в цифровых коммуникациях, появление национальных электронных СМИ в целом позволяет обеспечивать сохранность языкового пространства, сохранить национальный язык, придать ему устойчивость и эволюционный характер развития. И это очень важно для Республики Башкортостан, где проживают представители более 160 национальностей и всех конфессий. И потому развитие языкового разнообразия имеет не только важное культурное, но и политическое значение. Распространение многоязычной информации об истории, языках и культурах различных народов республики содействует укреплению доверия и взаимопонимания, является одним из важнейших факторов обеспечения успешного развития.

Более того, как показывает практика, цифровизация национального просвещения через масс-медиа является самым доступным способом приобщения к лучшим образцам этнической культуры подрастающего поколения. И в Республике Башкортостан эта работа активно ведется.

Во многом этому способствуют гранты главы Республики Башкортостан, направленные на сохранение и развитие государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан. Тематика проектов, подаваемых на грант, включает следующие направления:

1) пропаганда и продвижение достижений культуры и искусства в республике, России и за рубежом;

2) создание и осуществление новых культурных, образовательных и научных проектов, направленных на сохранение, развитие, популяризацию государственных языков Республики Башкортостан и языков народов Республики Башкортостан, а также башкирского языка за пределами Республики Башкортостан;

3) исследование и разработка методик преподавания и изучения русского языка и литературы, башкирского языка и литературы, языков народов Республики Башкортостан;

4) сохранение культурного наследия башкирского народа за пределами республики, поддержка деятельности башкирских диаспор за рубежом по сохранению их национально-культурной идентичности;

5) расширение международных, культурных и научных связей и сотрудничества, взаимовыгодный обмен информацией и опытом в области преподавания и изучения родных языков;

6) увековечение памяти выдающихся деятелей, внесших значительный вклад в сохранение и развитие государственных языков и языков народов Республики Башкортостан, а также в развитие республики.

Участниками акции может стать любой человек, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Благодаря как грантовой поддержке, так и волонтерской деятельности сделано за последние годы немало и для продвижения башкирского языка, и для популяризации языков, традиций и культуры народов, проживающих в Республике Башкортостан, России и мире.

В рамках проекта «Балалар», который стартовал осенью 2020 года, создается портал www.balalar.org, который аккумулирует в себе образовательные материалы на башкирском языке для разновозрастных категорий детей. Уже презентована серия развивающих детских мультфильмов на башкирском языке.

Лидер национально-культурного центра «Аҡ тирмә» Р. А. Кузбекова анонсировала в социальных сетях создание школы «Урал батыр мәк-

тәбе» для детей и подростков с целью формирования любви к родному языку.

В сети появились мобильные самоучители башкирского языка: «IQ БалаБаш» для детей, «Инофонбаш» для более взрослого поколения и игра «Эллэсе». В них представлен глоссарий самых необходимых для общения слов и наглядно представлено их значение Созданием программ занимался Фонд по сохранению и развитию башкирского языка.

Башкирская республиканская специальная библиотека для слепых презентовала проект «Родной земли многоголосье: мультиязыковые аудиокниги для незрячих на языках народов Республики Башкортостан». Основная идея проекта — в обеспечении незрячих и слабовидящих пользователей беспрепятственным доступом к информационным ресурсам, составляющим национальное культурное достояние народов России. Проект позволяет установить дополнительные связи незрячего человека с картиной мира зрячих людей, способствует формированию межэтнической толерантности и консолидации межэтнических отношений в республике.

Еще один проект этой библиотеки — создание рельефных национальных орнаментов на специальной бумаге, что делает их доступными и для незрячих: цветные рельефные рисунки помогают слабовидящим ощутить теплые и холодные цвета, а выпуклая графика предназначена для слепых.

Проводятся литературные флешмобы, к примеру, «День с Мустаем Каримом», когда начинающие и опытные чтецы декламируют стихотворное наследие на башкирском и других языках народов, проживающих в регионе.

Получило государственную поддержку обращение по итогам 5-го Всемирного курултая (конгресса) башкир от имени башкирских общественных организаций к Главе Республики Башкортостан с просьбой определить 14 декабря Днем башкирского языка. В обращении отмечается, что дни родного языка направлены на их защиту и сохранение. Актуальность принятия этого важного решения обусловлена тем, что, согласно «Атласу исчезающих языков» ЮНЕСКО 2018 года, башкирский язык получил статус уязвимого. Учреждение официального Дня башкирского языка, государственного языка республики, обеспечение его изучения и использования является важным шагом в повышении его статуса и сохранения.

Следует отметить, что неофициально, по инициативе Ассамблеи народов и Министерства образования Республики Башкортостан, а также

при поддержке Исполкома Всемирного курултая башкир День башкирского языка в Республике Башкортостан отмечался с 2015 года. Однако этому событию давно следовало придать государственный масштаб. И широкий позитивный общественный резонанс получила публикация в 2019 году Указа Главы Республики Башкортостан об учреждении Дня башкирского языка (отмечается ежегодно 14 декабря в день рождения великого башкирского поэта-просветителя М. Акмуллы»).

В рамках международного культурно-образовательного проекта ЮНЕСКО «Фестиваль языков» прошел VII Международный фестиваль языков народов мира, посвященный международному году языков коренных народов мира под эгидой ООН и ЮНЕСКО и 100-летию образования Республики Башкортостан. В фестивале приняли участие более 500 представителей учебных заведений Республики Башкортостан, регионов России, представлено более 40 языков народов мира.

В рамках Года башкирского языка в Республике Башкортостан (2020 г.) прошли конференции, конкурсы, флэшмобы, просветительские акции и т. д.

Тенденция к реформационным процессам в системах языкознания национальных языков отражает точку зрения сторонников упрощения грамматики, ее адаптации к потребностям сегодняшнего дня в интересах расширения аудиторию потребителей этого языка преимущественно на удаленных территориях. Поэтому, на наш взгляд, чрезвычайно важно стандартизировать работу по продвижению родных языков и литератур в национальных республиках, чтобы сохранить аутентичность народной речи, яркость и образность художественной литературы, истоки национальной культуры, наполнив их элементами современной языковой культуры.

Яркий пример такого подхода — ежегодный конкурс «Башкирский народный эпос «Урал-батыр» — достояние человечества», который проводится в регионе с 2010 года. Целевые аудитории проекта — разновозрастные категории детей и молодежи, в том числе дети из семей мигрантов. Сегодня он имеет статус международного, а эпос читается на 48 языках. В режиме онлайн в конкурсе участвуют школьники и студенты колледжей и вузов из регионов России, стран ближнего зарубежья (Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Украина и др.) и стран дальнего зарубежья (Аргентина, Болгария, Германия, Израиль, Индия, Франция и др.). Всего за 11 лет число участников составило более 15 тысяч.

Организаторы конкурса: Комитет Республики Башкортостан по делам ЮНЕСКО, Министерство культуры и Министерство образования

и науки Республики Башкортостан, Башкирский институт социальных технологий (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений».

Цели конкурса:

– сохранение языкового наследия человечества и содействие распространению творческих идей в максимально возможном количестве языков;

– поощрение языкового разнообразия, воспитание уважения к родному языку;

– воспитание бережного и уважительного отношения к историческому и культурному наследию народов Российской Федерации и мира;

– формирование патриотических и гражданских качеств, нравственно-этических ценностей и активной жизненной позиции детей и молодежи;

– сохранение культурной идентичности народов России и ее языкового многообразия;

– осмысление молодым поколением роли народных эпосов для современной цивилизации, распространение информации о них совместно с партнерами из Российской Федерации и зарубежных стран с использованием информационно-коммуникативных технологий.

Популярность конкурса растет с каждым годом, а это значит, что проект востребован, интересен молодежи, а самое главное — расширяет кругозор участников, формирует интерес и уважительное отношение как к своей, так и иной культуре, иным народам при сохранении собственной идентичности.

Безусловно, мероприятия, перечисленные выше, — это лишь часть той работы, которая проводится в регионе. В ближайшее время планируется:

– организация непрерывного изучения родного языка — проработка изучения башкирского языка в детских садах и колледжах, в том числе с использованием интерактивных ресурсов, что позволит обеспечить непрерывное его освоение практически на всех уровнях республиканской системы образования;

– введение сертификата, подтверждающего знание башкирского языка, что предполагает обязательную сдачу соответствующего экзамена, по аналогии с получением документа на знание английского языка, например, TOEFL;

– законодательное закрепление статуса национальной школы, поскольку без таких образовательных учреждений сложно двигаться вперед в вопросах сохранения и развития башкирского языка;

– преодоление упущений, связанных с разговорными особенностями родного языка в северо-западных районах, в том числе через создание возможностей для написания международного диктанта по башкирскому языку на северо-западном диалекте;

– инклюзия в развитии национального образования — разработка и внедрение башкирского жестового языка и башкирского дактильного алфавита для людей, имеющих проблемы со слухом;

– проведение республиканского конкурса среди дошкольных педагогов «Лучший воспитатель по обучению родному языку», возрождение конкурса на лучший кабинет башкирского языка и литературы, учреждение грантов для учителей башкирского языка на время учебы в аспирантуре и т. д.

5.2. Этнополитические аспекты языковых коммуникаций

В последние годы башкирские ученые заявляют о том, что отдельные представители кыпчакских языков переходят не на русский, а близкородственный кыпчакский язык. Так, Ф. Г. Хисамитдинова отмечает, в частности, что «часть башкир северо-западных районов в качестве родного назвали не башкирский, а татарский язык. Причина данного явления, безусловно, кроется в особенностях региона. Северо-западный Башкортостан еще с XVI–XVII веков был зоной интенсивных контактов между башкирами и татарами, башкирами и финно-угорскими народами Поволжья, многие представители, которых в условиях Казанского ханства были двуязычны, то есть, кроме своего родного, владели и татарским языком. Таким образом, нахождение языков в контакте, сопровождаемое интенсивным взаимодействием и взаимовлиянием, не могло не привести к тому, что значительное число кыпчаков переходило с одного языка на другой — преимущественно близкородственный, т. е. кыпчакский же язык»[1].

Северо-Западный регион Башкортостана — заметный субрегион и в этногенезе, и в нациеобразовании, и нациестроительстве башкир не только в истории нашей республики, но и формировании современной национальной идентичности, поэтому признание и поддержка языковых диалектных особенностей, их морфологических форм позволит со-

[1] Мудрак О. А., Хисамитдинова Ф. Г. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Астана : «Ғылым баспасы», 2017. С. 8.

хранить разные грани башкирского языка, укрепить целостность мировоззрения современных поколений башкир как единого народа.

Приближение Всероссийской переписи населения проецируется на разновекторные попытки общественных сил сформировать через активное использование арсенала языковых инструментов национальную и языковую идентичность в ряде территорий башкирского культурного ареала, жители которых имеют специфические языковые особенности.

Следует отметить, что государственный язык и родной язык — как литературный, так и диалектный — в измерении башкирского национального самосознания могут иметь лексические отличия, но не принципиальные понятийные расхождения. Языковые отличия как раз и составляют единую языковую общность башкирского народа, которые недопустимо нивелировать или приводить к абсолютному единообразию. А это в преддверии Всероссийской переписи населения, когда можно указывать двойную этническую принадлежность, очень важно.

В группе «Гайнинский край» в социальной сети Вконтакте кратко, но достаточно детально описана хронология нивелирования значения северо-западного диалекта башкирского языка, происходившего в 70–80-е годы XX в., процесс которого можно рассматривать не иначе как лингвистическую дискриминацию большой части башкирского народа.

Квинтэссенция этого опубликованного материала состоит в том, что родной язык выступает как решающий фактор консолидации башкирского этноса, формирования его общности в единую нацию, и снижение его роли в этнической идентификации коренных его представителей приводит к деструктивным процессам разобщения, замещению ценностей культуры и языковых норм. Последствия этого не замедлили сказаться, когда ошибками в проведении национальной политики БАССР воспользовались политики Республики Татарстан, компенсировавшие эти возникшие упущения ростом своего этнополитического влияния в северо-западном языковом кластере Башкортостана.

Если по переписи 1979 года в этой части республики численность башкир превышала четверть миллиона, то по данным 1989 года — почти на сто тысяч человек меньше. Однако одновременно произошло увеличение численности татарского населения на территории Башкортостана на равное количество — до 100 тыс. жителей, назвавших себя на переписи татарами. Такой выбор этнической идентификации не явля-

ется в чистом виде ассимиляцией, поскольку это явление представляет собой достаточно долговременный процесс, характерный для растворения неустойчивых диаспор среди наиболее крупных этносов, а здесь просматривается ускоренная процедура признания себя татарами как результат динамичной политики соседней республики.

Невмешательство в эти процессы властных структур объясняется просто — ростом политического значения «южной» компоненты в национальной культуре как эталона для всех ее гуманитарных сфер. Что касается постсоветского периода — политической лояльностью местного населения в обозначении своих электоральных предпочтений в ходе республиканских избирательных компаний. Фактически северо-западный языковой кластер Башкортостана был несколько десятилетий на периферии национальной политики республики. Все это в конечном итоге привело к лингвистическому перекосу — абсолютизации норм южного диалекта как единственно верного варианта литературного башкирского языка, без учета образцов лингвистической культуры башкир других субрегионов республики, и в общем результате — к отстранению северо-западных башкир от общего направления культурно-языкового развития башкирского народа.

В настоящее время протяженный во времени процесс искусственной ассимиляции северо-западных башкир уже стал инертным, и можно предположить, что в скором времени он завершится. Это коренным образом скажется на общем изменении этнодемографической картины Республики Башкортостан, снижении уровня межрегиональной миграции — оттока носителей северо-западного диалекта башкирского языка в Татарстан. Позитивными признаками возвращения «в семью» стало масштабное участие более 50 тысяч северо-западных башкир в Международном диктанте по башкирскому языку. Безусловно, требует особого подхода механизм учебного книгоиздания, чтобы преподавание родного языка для северо-западных башкир велось на основе учебной литературы, издаваемой в Республике Башкортостан.

Собственную разработку — цифровую платформу для изучения языков, в том числе и башкирского — презентовала профессор, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН Ю. В. Норманская. Главная цель программы — сохранить редкие диалекты и языки, которые находятся на грани исчезновения. По ее словам, «Башкирия находится в авангарде. Мы видим заинтересованность от руководства республики. И здесь в первую очередь будут реализованы эти платформы. Потому что язык живой. Интерес есть и от школ, потому что сейчас нет таких качественных платформ для изучения языка в школах,

особенно на «дистанционке»[1]. Появление оригинальных цифровых решений в лингвистике как науке и важной компоненты образования, особенно в привязке к диалектическим особенностям, расширяет коммуникационные возможности и способствует увеличению числа желающих изучать башкирский язык.

На сетевых ресурсах появилось выступление сотрудника Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН М. М. Зимина «Опыт генетической классификации волгоуральских кыпчакских идиомов», в котором следует выделить ключевые тезисы:

1. «За последние несколько десятилетий представления о генетической классификации тюркских языков сильно уточнились.

2. Чтобы получить в первом приближении достоверное генетическое древо волгоуральских идиомов, ученые Института языкознания РАН собрали языковой аудиоматериал в 40 населенных пунктах, расположенных на территории распространения касимовского, мишарского, казанского поволжско-татарского, башкирского и томского сибирско-татарского языков.

3. Северо-западные башкирские диалекты (танып ский, гайнинский, нижнебельско-ыкский, среднеуральский) действительно разделяют общего предка с остальными башкирскими диалектами, а казанско-татарский промежуточный предок делится на несколько довольно рано разошедшихся групп — на заказанско-нагорную и мензелинско-пермскую»[2].

Для научно-методологической поддержки национальной языковой политики в перспективе академическим центрам республики вместе с коллективом ученых Института языкознания РАН необходимо провести полевые исследования, разработать и опубликовать современный диалектологический атлас поволжских языков, распространенных в Республики Башкортостан, что закрепит лингвистические позиции северо-западного диалекта как неотъемлемой части единого башкирского языка.

Соответственно, профессиональное исследование башкирских диалектов позволит создать научный базис, исключающий спекуляции, ко-

---

[1] В Уфе представили цифровые технологии для изучения башкирского языка [Электронный ресурс]. URL: https://www.vesti.ru/article/2465675 (дата обращения: 07.12.2020).

[2] Марк Зимин. Опыт генетической классификации волгоуральских кыпчакских идиомов [Электронный ресурс]. URL: https://iocs.hse.ru/news/345567546.html (дата обращения: 07.12.2020).

торые сегодня активно ведутся на электронных ресурсах отдельных регионов, обосновать в рамках национальной политики роль башкирских диалектов в формировании тюркской структуры поволжско-уральского языкового древа и сформировать сбалансированный северо-западный языковой кластер Башкортостана.

Вслед за региональными пассионариями в вопрос обострения межэтнической конфронтации на ресурсе «Idel.Реалии» включился Харун Сидоров, известный многочисленными публикациями, в которых явно прослеживаются провокационные мотивы. В данном случае он выступил на этой площадке со статьей «Татаро-башкирский спор и русско-украинские параллели»[1]. Смысловые акценты этой статьи делаются на переводе языковой плоскости в этнополитический крен, когда искусственное раскручивание и тиражирование лингвистических диссонансов приобретает агрессивный характер, то есть создает предпосылки для нарастания конфликтного потенциала. Однако ни в истории, ни в современности не было примеров в Урало-Поволжском языковом ареале, когда на этнополитическом поле появлялось столь много внешних заинтересантов, намеренно обостряющих противоречия на языковой почве.

Эта спекулятивная история, разворачивающаяся в медийном поле, не имеет прямого отношения ни к башкирскому, ни к татарскому народу, которые за многие века совместного сосуществования выработали органичные формы межэтнических коммуникаций, построенных на принципах дружественного диалога. Автор публикации пытается сопоставить башкирско-татарское взаимодействие в свете геополитики на примере российско-украинских и чехословацких международных отношений, умышленно вычленяя самые драматичные страницы истории и как бы через проведение параллелей пытаясь усугубить кризисные явления на межнациональном уровне на примере двух российских регионов.

Вместе с тем в принципе никто и никогда в Башкортостане не предпринимал попытки умалить величие татарского народа как крупнейшего тюркского этноса российской цивилизации, подменить историческую достоверность на конъюнктурную этномифологию. Этот разумный расчет исходит из того, что именно в содружестве народов одной языковой группы как раз и проявляется культурный и лингвистический плюрализм.

---

[1] Татаро-башкирский спор и русско-украинские параллели [Электронный ресурс]. URL: https://www.idelreal.org/a/30619417.html (дата обращения: 07.12.2020).

Безусловно, языковая идентификация населения, выступающего носителем северо-западного диалекта башкирского языка, приведет к постепенному формированию у него башкирского национального самосознания и в ближайшие годы нивелирует скрытый потенциал любых межэтнических противоречий. Все это получит отражение в результатах Всероссийской переписи населения по пунктам «этнической» компоненты и обновленном этноязыковом атласе Республики Башкортостан.

В случае билингвизма, когда два или более народов пользуются похожими по лексике и фонетике родными языками, как правило, имеющими свою близкородственную диалектическую специфику, например, как это произошло с северо-западным диалектом башкирского языка, при определении роли национального языка в сохранении этнокультурной идентичности следует учитывать наличие диалектов внутри многих языков, которые способны выполнять объединяющую роль, преодолевать внутриэтническую разобщенность. Такая интегративность позволяет распознать и принять родной язык, который соприкасается с близкородственными этническими культурами, даже с его диалектическими особенностями.

На электронном ресурсе «Реальное время» в рамках спецпроекта интернет-газеты, посвященного переписи населения, опубликовано интервью с уфимским ученым-лингвистом Искандером Саитбатталовым: «Генетически и лингвистически северо-западный диалект — часть башкирского языка»[1]. В нем он опровергает опасения татарских активистов, что популяризация северо-западного диалекта башкирского языка способна повлиять на соотношение башкир и татар в Башкирии по результатам переписи, и подробно отвечает на претензии со стороны татарских общественников. Основные его доводы в тезисной форме можно изложить в следующем порядке:

– северо-западный диалект охватывает пояс к северу от линии между Бижбуляком, Уфой и Аскино. Также он распространен в Пермском крае (Бардымский и Пермский районы) и на крайнем юге Свердловской области. Вместе с тем современный литературный башкирский язык сформирован путем кодификации и объединения черт восточного и южного диалектов;

---

[1] Саитбатталов И. Генетически и лингвистически северо-западный диалект — часть башкирского языка» [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/education/45120076/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 04.12.2020).

– языковое строительство в 20-х годах XX в. пошло по ошибочной траектории, когда лингвисты того времени были убеждены в том, что существуют «чистые» языки, которые имеют своеобразные черты, и это своеобразие утрачивается в ходе взаимодействия с соседними языками. Соответственно, они считали, что наиболее «чистыми» образцами башкирского языка являются как раз те говоры, которые наиболее далеко отстоят по основным своим чертам от других тюркских языков;

– северо-западный диалект был очень близок к стандартному письменному языку тюрки. В то же время в советском языковом строительстве преобладало заблуждение, суть которого состояла в том, что для кодификации в качестве литературного языка не годится тот язык, который до революции имел свою письменную норму и на котором создавались, как тогда считали, религиозные и буржуазные произведения.

– современные татарский и башкирский языки не являются двумя диалектами одного языка, существовавшего до революции (тюрки). Доказано, что язык-предок башкирского, по подсчетам одного из ведущих российских лингвистов Анны Дыбо, начал отделяться от общего кипчакского древа и формировать свой уникальный лексический фон около 1020 года. Ответвление тех форм, тех идиом, из которых вырос татарский, произошло значительно позже. Литературные башкирский и татарский стоят друг от друга немного дальше, чем, например, шведский и датский или шведский и норвежский. Соответственно, дальше развитие языков-предков, возникновение собственных инноваций шло параллельными путями;

– на момент диалектологических исследований, в 30-е, 50-е, 60-е годы, в значительной мере и в настоящее время, жители северо-запада Башкортостана являются этническими башкирами по происхождению, знают это и заявляют о своей неразрывной связи с башкирским народом. Вне зависимости от языковых фактов этот язык должен атрибутироваться как часть башкирского языка;

– языковая граница башкирского и татарского языков проходит по долготе Набережных Челнов. И то, что к востоку, является лингвистически башкирским языком;

– в плане грамматики и морфологии в северо-западных говорах ничего своеобразного по сравнению с южным диалектом башкирского языка нет. Они вполне укладываются в его грамматическую, морфологическую схему;

– на карте живого башкирского языка северо-западный является тем элементом, который соединяет в себе как восточно-башкирские черты, так и южно-башкирские. Единственное, почему он выделяет-

ся, — это незавершенность тех фонетических процессов, которые создали восточный и южный диалекты. При этом видно, что эти процессы в диалекте начались;

– генетически (с точки зрения происхождения) и лингвистически северо-западный диалект — часть башкирского языка и категорически не является средним диалектом татарского языка;

– зона формирования северо-западного диалекта, по мнению этнолога Раиля Кузеева, — это то место, где происходило формирование башкирского народа в целом. Башкирские кланы, населяющие эту территорию, являются в большинстве своем либо потомками древнейших жителей края, либо поселились здесь достаточно рано. Соответственно, этническая, а вместе с ней и языковая ситуация была стабильной на протяжении веков;

– этот диалект развился среди этнических башкир в рамках общих для всего башкирского языка процессов. На протяжении всего наблюдаемого времени мы видим, что представители башкирских клановых структур этого региона плотно связаны прежде всего друг с другом, а также с другими башкирскими кланами (Табын, Кипчак, Айле и другими), а наложение некоторых черт татарского имеет позднее происхождение и объясняется прежде всего действием системы образования в XX веке. И такое наименование ни на чем не основано. Башкирский язык и его диалекты — устойчивая и самодостаточная система;

– население хочет со стороны своих соплеменников и региональных властей более четкого понимания своего своеобразия, признания, что его язык достоин уважения, защиты, поддержки в рамках своей республики. Эти вопросы поднимались в советское время, в 1990 году, на каждом Всемирном курултае башкир вне зависимости от статистических и каких-то других мероприятий. Это закономерный процесс, имеющий и своей аудиторией, и своим двигателем башкирское население этих районов;

– есть некая группа интеллигенции, общественных активистов, которые просто-напросто не желают видеть очевидных фактов: по всей территории Башкирии компактно расселены представители башкирского народа, они имеют свою идентичность, имеют право говорить, кто они есть. Тем более что они живут у себя на родине;

– диктант проводится на башкирском языке в Республике Башкортостан, и поэтому нет поводов о чем-то спрашивать в соседнем регионе — в Казани, Перми, Екатеринбурге;

– филологическое сообщество Татарстана и Башкортостана работает в достаточно плотной связке. Ученые и преподаватели вместе уча-

ствуют в конференциях, защитах научно-квалификационных работ, и здесь на самом деле никакой проблемы нет. Поиск компромиссов, определение точек расхождения и сопряжения идей и подходов — это объективно закономерный научный процесс выдвижения аргументов и публичного представления своих мнений;

– новейшие исследования показывают, что система обоих языков Поволжья, Урала, Западной Сибири должна исследоваться комплексно, вместе, без оглядки на этнические предрассудки и социальные позиции;

– существование северо-западного диалекта как части башкирского языка — факт, признанный российским и зарубежным лингвистическим сообществом в целом еще в 80-е годы прошлого века, нашедший отражение в обобщающих тюркологических работах последних десятилетий, поэтому частные позиции отдельных исследователей уже не играют значимой роли;

– в республике реализуется крупный грантовый коллективный проект «Северо-западные башкиры: язык, история, культура», который направлен на междисциплинарное изучение и популяризацию истории и культуры северо-западных башкир.

Как видим, это интервью сбалансировано с политологической, лингвистической, этнологической и социокультурной позиций и полностью расставляет политические акценты Республики Башкортостан в этой сфере, что чрезвычайно важно, своевременно и позволяет донести позицию региона и его профессионального научного сообщества до научной общественности Российской Федерации.

Поэтому развитие и поддержка вариативности башкирского языка как родного должна стать одним из ключевых приоритетов, что, в свою очередь, приведет к увеличению количества желающих добровольно изучать башкирский язык в рамках освоения школьной программы. Исходя из идейных смыслов этого поста, необходимо активно развивать северно-западную модель как башкирского национального образования, так и изучения башкирского языка. Это повысит привлекательность башкирского языка как социокультурного феномена среди всех поколений и на его основе заложит основы новой башкирской идентификации, особенно в так называемых «фронтирных» (пограничных) районах и городах Башкортостана. Кроме того, за несколько лет организации языкового просвещения в северо-западной башкирской общности возможно синхронизировать диалектную часть башкирского языка и литературную, обогащая родной язык компактных общностей северо-западных башкир литературными и лексическими элементами.

5.3. Полилингвальное образование как фактор формирования множественной идентичности

Для современного языкового просвещения необходимы концептуальные принципы, которые образуют собой его многовекторную лингвистическую архитектуру, а именно: полилингвальность и поликультурность, ориентир на межкультурный диалог и достижение коммуникативной компетентности, междисциплинарная интеграция, многоуровневость, вариативность, целостность, преемственность и непрерывность. Принятие идеи языкового многообразия начинается с погружения в поликультурную среду образования. Межъязыковая коммуникация становится аксиологическим императивом просвещения детей и молодежи.

Преодоление стереотипа об опасности билингвизма для сохранения национальной и языковой идентичности предполагает необходимость пропаганды преимуществ владения двумя — тремя языками перед ограниченным владением исключительно одним языком. Мы солидарны с точкой зрения Е. П. Глумовой, считающей, что «изменения, происходящие как на геополитическом уровне, так и внутри России, требуют новых подходов к решению языковых проблем в государстве: развитие подлинного многоязычия, развитие национальной культуры на базе родного языка, стимулирование изучения наряду с русским и родным языками иностранного языка как реального средства общения и взаимопонимания с представителями других культур»[1].

Вместе с тем современной официальной политике в сфере просвещения свойственны в некоторой степени унификация и дискретность, которые проявляются в неоправданном урезании вариативной компоненты в виде сокращения лучших практик изучения иностранных языков (немецкий, французский, испанский) в образовательных организациях; уменьшению количества педагогов, преподающих эти иностранные языки; разрыве связей кафедр иностранных языков со школами; постепенной экспансией доминанты английского языка в массовом языковом образовании.

В то же время современный социальный заказ общества по отношению к иностранным языкам в связи с появлением у ее представителей

---

[1] Глумова Е. П. Языковая политика Российской Федерации в области обучения иностранным языкам // Языковая политика и лингвистическая безопасность : матлы II Междунар. науч.-образ. форума (25–26 сентября 2018 г.). Нижний Новгород : НГЛУ, 2018. С. 30.

реального выхода в глобальную цивилизацию состоит не только в теоретическом знании грамматических конструкций зарубежных языков, но и в практической компетенции активно эмпирически применять этот освоенный язык или языки в реальной свободной коммуникации.

В этой связи мы аргументированно можем предложить к использованию в научном обороте понятия «полилингвальная компетентность», под сущностью которой, на наш взгляд, следует понимать знание и принятие образованным и культурно просвещенным человеком языкового многообразия, владение государственным, родным и иностранными языками, доброжелательное, открытое и толерантное отношение к языковым ценностям и их носителям.

Реформирование консервативных моделей этнокультурного просвещения в национальных республиках Российской Федерации привело к возникновению и реализации модели полилингвального образования, особенно востребованных в урбанистических пространствах с полиэтничным составом населения. Современное образование становится синкретичным, и поэтому в условиях трансформации наблюдается ускорение обновления технологической и знаково-семиотической среды, в которой происходит развитие обучающихся. Возникает совершенно новый социокультурный феномен в образовании, который терминологически обозначается как «постграмотность» и «полиязычие». Так, в определении М. Ю. Гудовой, под постграмотностью понимается «совокупная грамотность современного человека в отношении различных языков культуры, текстов и гаджетов, а также сфер социокультурной жизни, получаемая и обновляемая на протяжении всей жизни», а под полиязычием в условиях современной России — «...трехкомпонентная система, где к основным компонентам относятся: родной язык, обеспечивающий этнокультурное многообразие современной России; русский язык как государственный язык, гарантирующий государственное единство России, и международный (мировой) язык, влияющий на взаимодействие в глобальном мире»[1].

Как считает А. А. Корякина, «современное языковое образование в этнических регионах должно реализовываться через полилог трех

---

[1] Гудова М. Ю. Диалог культур в эпоху постграмотности: коммуникационно-образовательное пространство современного университета // Полилингвизм и поликультурность в коммуникационно-образовательном пространстве университета в эпоху постграмотности: накопленный опыт и перспективы развития : сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16–17 ноября 2018 г.). Екатеринбург : Изд-во Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2019. С. 4.

лингвокультур (национальной, русской и иностранной). В отличие от диалога или полилога культур, который может иметь место в рамках любого предмета, полилог лингвокультур может быть реализован только при изучении иностранных языков, так как предполагает освоение культуры через язык и изучение языка через культуру. В содержании языкового образования каждый компонент должен включать культуру страны изучаемого языка, культуру России и культуру своего региона, что отвечает требованиям поликультурного подхода к языковому образованию»[1].

Поэтому нацеленность образования на формирование полилингвальной личности заключается в том, чтобы прошедший широкую лингвистическую подготовку школьник, владеющий несколькими иностранными языками, умеющий свободно выстраивать коммуникации в разных лингвосоциумах и имеющий симбиоз мировоззренческих установок, социокультурного опыта, был максимально адаптивен к современным глобальным процессам.

Пионером развития полилингвального образования в Российской Федерации выступили Башкортостан, Татарстан и Северная Осетия, акцентировавшие внимание в своих региональных программах на непрерывном росте конкурентоспособности молодежи и сформулировав социальный портрет такой всесторонне развитой личности: «Живой, активный, знающий несколько языков, ищущий новых знаний и стремящийся к повышению уровня компетенции профессионал априори способен добиться большего и для себя, и для предприятия, где работает. Но основа будущего успеха закладывается в детстве»[2].

Полилингвальность образования в настоящее время становится одним из ключевых векторов развития международного образовательного пространства. Реализация полилингвального образования должна способствовать инновационному развитию региональной системы образования с учетом этнокультурных особенностей региона, национальных, общероссийских и общечеловеческих ценностей. Следует отметить, что в Башкортостане, который традиционно относится к регионам с широким полиязычным составом, почти половина населения

---

[1] Корякина А. А. Языковое поликультурное образование в этно-региональном контексте [Электронный ресурс]. URL: https://mir-nauki.com/PDF/32PDMN117.pdf (дата обращения: 27.08.2020).

[2] Думать, действовать, создавать»: система полилингвального образования в Татарстане заработает уже в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: https://realnoevremya.ru/articles/137565-polilingvalnaya-sistema-obrazovaniya-v-tatarstane (дата обращения: 27.08.2020).

республики владеет двумя и более языками, из них 382 тыс. человек — тремя и более.

Поэтому в топ-12 самых значимых событий в сфере образования Башкирии включен Всероссийский съезд учителей башкирского языка и литературы 2019 года, на котором дан старт проекту «Полилингвальные многопрофильные общеобразовательные организации в Республике Башкортостан». Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 12 ноября 2020 г. № 701 была утверждена Концепция развития полилингвальных многопрофильных общеобразовательных организаций Республики Башкортостан[1]. Она разработана с учетом общегосударственных и этнокультурных потребностей народов Республики Башкортостан и Российской Федерации, лучших отечественных и зарубежных образовательных практик, особенностей функционирования системы образования в регионе. Основной вектор полилингвального образования — приобщение обучающихся к культурному богатству народов Республики Башкортостан, Российской Федерации и мира средствами нескольких языков (родного, русского, одного и (или) нескольких иностранных), знакомство обучающихся с достижениями мировой культуры, воспитание их в духе взаимоуважения и межнационального согласия.

Актуальность создания подобных школ вызвана тенденциями к интеграции в культурной, социальной, политической и экономической сферах. Полилингвальное многопрофильное образование обеспечивает обучающимся широкий доступ к информации в различных предметных сферах, получение новых знаний в соответствии с индивидуальными потребностями, широкие возможности непрерывного образования, что, в свою очередь, способствует повышению их конкурентоспособности на мировом рынке профессиональных и трудовых услуг. В связи с этим полилингвальность образования является одним из основных векторов развития международного образовательного пространства[2].

Очень важно, что полилингвальность образования способствует формированию гражданской идентичности обучающихся, опираясь на разнообразие языков и культур народов Республики Башкортостан и Российской Федерации, и развивается в широком общероссийском

---

[1] Постановление Правительства Республики Башкортостан от 12.11.2020 № 701 «Об утверждении Концепции развития полилингвальных многопрофильных общеобразовательных организаций Республики Башкортостан» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/571012008 (дата обращения: 27.08.2020).

[2] Там же.

и мировом культурно-цивилизационном контексте по формуле «регион — страна — мир».

И, наконец, полилингвальное образование представляет собой целенаправленную социализацию обучающихся, обеспечивающую:

на познавательном уровне — освоение традиций родной, российской и мировой культур, культурно-исторического наследия и социального опыта человечества;

на ценностном уровне — формирование готовности к межкультурной коммуникации, созидательной и ответственной позиции по отношению к миру, уважения к другим людям, народам, культурам;

на оценочном уровне — формирование умения четко формулировать собственное отношение к событиям и явлениям, ясно выражать свою точку зрения и аргументировать высказываемые суждения;

на деятельностном уровне — активное взаимодействие с представителями различных культур при сохранении собственной идентичности, постоянное саморазвитие и самореализацию.

В новых образовательных комплексах полилингвальная траектория в Республике Башкортостан включает углубленное изучение башкирского, татарского, русского и английского языков, преподавание предметов на родных языках народов Башкортостана. Билингвальная траектория предполагает обязательное изучение башкирского как государственного языка Башкортостана, углубленное изучение английского языка, преподавание учебных предметов на трех языках.

Основные направления гуманитарной подготовки — филологический и социально-гуманитарный профиль. В рамках образовательного процесса планируется изучение европейских и азиатских языков, посещение учениками музыкальной, художественной и спортивных школ.

Первые результаты работы полилингвальных школ показали перспективность выбранного вектора развития. Вот лишь один пример: реализация полилингвального образовательного проекта «Говори, Башкирия!». Он направлен на создание в школах республики условий для развития полилингвального образования обучающихся 5–11 классов, владеющих несколькими национальными и иностранными языками. В его рамках проведена полилингвальная олимпиада «IDEL»; организованы поездки в языковые лагеря; сформирован актив волонтеров из числа участников и победителей/призеров олимпиады, цель которых — развитие интереса к полилингвальному образованию учащихся школ Башкортостана, владеющих несколькими языками. Кроме того, участниками были подготовлены и представлены проекты о культуре, достопримечательностях Башкортостана на разных языках. В пе-

риод олимпиады «носители языка» — представители языковой общности башкирского, татарского, немецкого, американского, турецкого народностей — провели для участников обучающие языковые семинары, игры. Формат командной работы позволил объединиться обучающимся из разных школ и создать «пространство полиглотов» — детей, одаренных в сфере языкового образования.

С каждым годом число полилингвальных школ растет, до 2024 года их сеть должна охватить 10 городов и пять районных центров региона.

Подобная практика организации сетевого взаимодействия полилингвальных многопрофильных школ может оказаться передовой не только в республике, но и полезной для системы образования других регионов Российской Федерации.

Выводы по V главе

1. Этнополитическая роль языка в консолидации гражданского общества требует проведения исследования на стыке лингвистического, этнополитического, социально-философского и социокультурного подходов к рассмотрению феномена этнолингвистической идентичности.

В языковой картине мира получают отражение наиболее значимые для отдельного индивида и коллективного сообщества (рода, племени, этноса) как морально-этический свод законов, так и устойчивые представления о круговороте жизни, отношении к судьбе, вере, закладываются матрицы поведенческих стереотипов через различные жанры фольклора.

Эпическое творчество на родном языке — неиссякаемый источник возрождения исторической памяти, формирования мировоззрения, чувств, образцов поведения, ценностей — как в масштабах личности, семьи, поколения, так и самого этноса, а также целой диаспоры, компактно или дисперсно проживающей на других территориях.

Языковые модели и этнокультурные поведенческие нормы, обусловленные мифами и обогащенные фольклором, тесно взаимосвязаны друг с другом. Закрепленные в литературных текстах, коммуникациях, речевых оборотах, они призваны сохранять сложившиеся в ходе исторического генезиса мировоззренческие образы, нормируя систему культурных стереотипов и семиотических символов. Национальные образы, родом из мифа, сохраняют этнокультурную преемственность и историческую память, проецируются на мировоззрении народа, оказывая заметное влияние на этнически обусловленные стереотипы его

социального поведения. В этом и состоит консервативная семиотическая парадигма родного языка, благодаря которой в нем фиксируются и длительное время остаются неизменными нормы языковой культуры, связывающие историю языка, богатство его лингвистических и коммуникационных форм для современных и будущих поколений. Мировоззренческие эталоны (идеалы, идеи, идеологии, мифы и легенды нематериального наследия и др.), социокультурные пласты цивилизации (культура, просвещение, традиции, ритуалы и обычаи), самобытное национальное и духовное самосознание, этническая идентичность (общность, язык, мораль и этика, верования), ментальный портрет (уникальные характеристики, отражающие место и роль этноса в современной действительности) преломляются через сферу языковых коммуникаций. Не вызывает сомнения, что гражданская, этническая идентичность и общенациональное самосознание являются близкородственными понятиями, но не подменяющими друг друга. Регионы Российской Федерации являются хранителями уникального материального и духовного наследия народов, объединенных в единую российскую нацию.

Синтез языка, мышления и мировоззрения проецируется на этнополитической идентичности целого народа и его представителях. Постижение картины мира и лучших образцов национальной культуры происходит через лингвокультурную парадигму развития личности. В условиях смены культурных кодов в этноязыковом дискурсе проявляются черты формирования этнической самоидентификации, соотносимой с процессами развития гражданского общества, глубинными политическими трансформациями. Более того, языковой пласт современной реальности определяет варианты коммуникативного поведения.

Слово — как миф: мощный коммуникационный генератор этнополитических смыслов. Язык и идеи, язык и мысль, язык и мировоззрение, язык и мышление — эти множественные бинарные категории неразрывно взаимосвязаны, что вполне подтверждает теория лингвистической относительности Сэпира-Уорфа, соотносящаяся с современной когнитивной архитектурой этнополитического пространства, где доминантой может выступать плюрализм культур, языков, форматов этносоциального диалога и где не найдется места фанатичности и ксенофобии.

2. В установлении равновесного соотношения языковой политики и лингвистической безопасности принципиальную значимость приобретает поиск баланса современных форм языковых коммуникаций, в том числе язык медиа, интернета и традиционного культурного на-

следия (мифы, легенды, предания, классические литературные произведения, художественно-эстетические нарративы и т. д.).

На стыке этнополитики и этнолингвистики каждый регион Российской Федерации представляет собой уникальный полиэтнический и социокультурный феномен. Языковое измерение территории образует устойчивый конгломерат большого числа близкородственных и неродственных языков, самобытность каждого из которых является неотъемлемой частью духовного иммунитета народов России. Идейной платформой государственной языковой политики является обеспечение базовых, равных на каждой территории, условий для развития и обязательного функционирования русского языка во всех сферах еще и как этнополитического фактора, способствующего упрочению языкового, образовательного и культурного единения этносов.

Языковая политика неразрывно связана с государственной политикой государства в сфере языка и образования, его политической идеологией, принципы которой закреплены конституционно. При этом совершенно очевидно, что в многомерном общественном пространстве происходит одновременно сопряжение и расхождение точек зрения на языковую политику.

Отличительные черты этнокультурного ландшафта передаются через структуру национального языка. Каждый родной язык для коренного народа, существующего исторически в определенном природно-географическом и культурном ландшафтах или не теряющем духовной связи с малой родиной, характеризуется исключительно персонифицированным способом этнокультурной кодировки мира. Выраженные и сохраняемые в родном языке лингвистические значения и этнокультурные смыслы образуют полифоничную систему взглядов целого народа, уникальную языковую картину мира, характерную для каждого этноса в отдельности.

По объективным причинам современная молодежь избирательна в выборе языков дополнительного изучения, воспринимая их освоение как приобретение полезной лингвистической компетенции для выстраивания своей жизненной и профессиональной траектории в глобальном обществе, мире свободных коммуникаций. В то же время Урало-Поволжский культурный ареал и его мультиязыковой кластер преимущественно на территории Республики Башкортостан обширно представлен тюркскими народами с развитыми культурами и родными языками, соприкасающимися друг с другом, большинство которых в исходном этнокультурном коде имеет алтайское цивилизационное происхождение.

Сочетание национальной и лингвистической самоидентификации на перекрестке культур в многонациональном социуме не является единственным способом сохранить свою относительную этническую независимость, и поэтому возможны альтернативные варианты, когда, к примеру, гражданская идентичность начинает включать национальные, языковые, этнические, общечеловеческие и иные социокультурные компоненты. Государственный язык, в свою очередь, — это исторически сложившаяся и непрерывно развивающаяся семиотическая система этнической и межнациональной кодификации. Предназначение государственного языка состоит в обеспечении единства общества и социальной солидарности. В сфере широких общественных коммуникаций русский язык объединяет все поколения и социальные слои населения страны, является основным языком науки, культуры и образования.

3. Периодически возникающий градус напряжения на национально-языковой почве (в ПФО — Башкортостан, Татарстан, Удмуртия и т. д.), но в то же время проблема обособления национальной и языковой идентичности с провоцированием политиканских заявлений по принципу аналогии может приобрести сетецентричный характер и распространиться на ближайшие регионы. Поэтому необходимы алгоритмы профилактики конфликтов и рисков противопоставления языков в медиа-пространстве.

Этнополитические аспекты языковых коммуникаций в национальных республиках связываются с приближением Всероссийской переписи населения. Различные общественно-политические силы активно используют арсенал языковых инструментов, национальную и языковую идентичность в ряде территорий башкирского культурного ареала, жители которых имеют специфические языковые особенности. Языковые отличия и составляют единую языковую общность башкирского народа, которые недопустимо нивелировать или приводить к абсолютному единообразию.

В настоящее время протяженный во времени процесс искусственной ассимиляции северо-западных башкир остановлен, что коренным образом скажется на общем изменении этнодемографической картины всей республики, снижении уровня межрегиональной миграции.

4. Полилингвальное образование становится важным социокультурным инструментом формирования множественной идентичности.

Для современного языкового просвещения необходимы концептуальные принципы, которые образуют собой его многовекторную лингвистическую архитектуру, а именно: полилингвальность и поли-

культурность, ориентир на межкультурный диалог и достижение коммуникативной компетентности, междисциплинарную интеграцию, многоуровневость, вариативность, целостность, преемственность и непрерывность. Межъязыковая коммуникация становится аксиологическим императивом просвещения детей и молодежи.

В этой связи мы аргументированно можем предложить к использованию в научном обороте понятия «полилингвальная компетентность», под которой, на наш взгляд, следует понимать знание и принятие образованным и культурно просвещенным человеком языкового многообразия, владение государственным, родным и иностранными языками, доброжелательное, открытое и толерантное отношение к языковым ценностям и их носителям.

При эффективной реализации стратегии полилингвального образования один человек, осваивая башкирский язык, параллельно сможет освоить десятки других популярных тюркских языков, понимать их диалекты, грамматики, обогащать свой словарный запас, добиваясь «золотого сечения» в своих коммуникациях, достигая полного языкового взаимопонимания. Это главное с точки зрения формирования практических языковых коммуникаций, причем осваивать их можно не только в рамках близкородственной кыпчакской группы, но и остальных тюркских языковых семей, распространенных в мире, в том числе, к примеру, японского, корейского, турецкого, казахского, монгольского и других языков. В этом значении слоган «Выучи башкирский — освоишь все тюркские языки мира» может стать основополагающим для динамичного роста мотивации его изучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Архаический (традиционный) миф является матрицей для формирования мифа политического, этнокультурный код которого формирует множественные идентичности и влияет на конструирование современной политической реальности. В человеческом мировоззрении мифы преломляются через набор идентичностей, вбирающих архетипический опыт, коммуникационные практики, опыт социальных взаимодействий, историческую память. Политический миф формируется совместно с комбинацией магических сюжетов и фреймов, мемов и образов, позиционированием их смыслов в мифоритуальных практиках.

Знаковая система символов и образов, исходящих из мифологических контекстов, — семантических, художественных, вербальных, пиктографических, а также мемы и фреймы образуют политический дизайн продвижения конкретной идеологии, а также обладает потенциалом мгновенной мобилизации ресурсов этничности и трансляции этнополитических смыслов, эмоциональных переживаний, типичных образцов социального поведения. Инструментальные свойства современного политического мифа используются архитекторами политических пространств, в том числе политическими партиями, в интересах управления общественным мнением и развития институтов гражданского общества.

Этнополитическая генеральная идея реконструкции политической мифологии возрождает и кристаллизует в современной действительности национальные архетипы, образы, традиции, формирует символьное пространство. Политический миф, выполняя функцию реконструкции традиционной «картины мира», обращается к этнокультурным мотивам и исторической памяти, среди которых в качестве доминантных выделяются мотивы будущего нации, государства, поиска судьбоносных траекторий развития в глобальном мире.

Мифологизация сознания и поведения современного человека приводит к принятию мифотворчества как данности политической ре-

альности, и, в том числе, принимая обстоятельство «диктата меньшинства» — влияния пассионариев на развитие всего гражданского общества. Ввиду этого на постсоветском пространстве проявляется совершенно новый этнополитический феномен, который возможно назвать как «Мифологический радикализм». Это явление приобретает силу опасной тенденции современного мира, когда политические мифологии начинают подменять правовые регуляторы, выдвигая в качестве догмы правила социального поведения, обусловленные современным мифотворчеством. В результате не только в странах Восточной Европы, но и Азии за последние два-три десятилетия происходили «цветные революции», ставшие, в том числе, результатом мифологизации общественного сознания, конфликтной мобилизации ресурсов этничности и т. д.

В связи с этим констатируем, что формирование общего политического пространства, включая компоненту партийного строительства, представляет собой многомерную конструкторскую, дизайнерскую, художественно-технологическую, мифолого-реконструкционную, коммуникационно-сетецентрическую деятельность, направленную в своем композиционном единстве на максимальное завоевание доверия электората, достижение превосходства в свободной конкуренции ценностей, идеалов и политических идей.

Перед народами, населяющими постсоветское пространство и национальные республики России, еще в 90-е годы встала острая проблема мобилизации своей этничности, сохранения национальной идентичности, возрождения традиционных основ жизнедеятельности, что приводило к обращению к архетипам, культурно-историческим контекстам прошлого, мифологизации общественного сознания, появлению новых этнополитических реалий.

Этничность представляется не как врожденная, изначальная данность природного естества человека, но как приобретенная социокультурная одновременно личностная и коллективная идентичность, конструируемая с созидательными, воспроизводственными целями в этнокультурном поле и изменяющаяся под влиянием конструктивного фактора социализации. Мифология и фольклор, национальные традиции выступают в качестве дидактического инструмента формирования этнической и языковой идентичности, наличие которой способствует дальнейшей трансляции ценностей, идеалов, запуску процесса этнокультурной кодификации, связывающей прошлые достижения этносов с настоящим временем, и концентрирующими духовную силу на объединении в людей в национальную общность, этнокультуру

и укрепление национальных отношений. Несмотря на весь прогресс человечества, мифы являются одной из базовых идейно-содержательных платформ конструирования современной социальной реальности. В глубине архетипических представлений предков отражена символическая природа кодировки идентификации народа.

Эпические сказания (эпосы на основе мифов), на наш взгляд, можно рассматривать как кодифицированную через природу символов и знаков ментальную карту, масштабно конструирующую семиотику культуры, ассоциативные поля, сакральные образы, мировоззренчески-эмоциональные переживания, формирующие в своей совокупности социальные и культурные модели поведения, ресурсы этничности, духовный потенциал. Главный результат постижения смыслов эпического — включение осваиваемых ценностей и ритуалов в этнокультурную традицию постижения картины мира, осознания духовной предопределенности связи с родом-племенем-народом.

Миф является способом духовной, этносоциальной и национальной самоиндентификации этноса, который разделяет архетипы и через миф самоутверждается в мультикультурном пространстве. Восстановление целостности национального мировоззрения не представляется возможным без обращения к различным этническим мифологиям разных эпох, соединенных общей этнокультурной или этнополитической традицией. Мифологическая традиция адаптируется под уже существующий этнополитический проект, очерчивая контуры реализации национальной идеи и масштабируя географию своего распространения.

Мифологическое, фольклорное и художественно-эстетическое познание мира совершенствовали этническую природу человека и его мистическую философию, одновременно формируя его национальную идентичность и культуру целого народа. Этнокультурные коды в политике связывают мифологическое с рациональным, практические действия с иррациональными смыслами, коллективное с индивидуальным. Традиции, обычаи, обряды, ритуалы, инициации, посвящения, праздники, игрища исторически являлись основой архетипов и самыми распространенными средствами развития локальных социумов, возвышавших их среди остальных племен и родов, но и способствовавших их физическому выживанию. Они, как и любые другие общественные формы внутренней самоорганизации прошлых эпох, зарождались, развивались и служили закреплению жизненно важных этносоциальных и жизненно важных процессов развития местных сообществ. Такими механизмами передачи этнокультурного информа-

ционного потока последующим поколениям являлись игры, народное искусство, музыка и песни, легенды и эпосы, национальный костюм и хореография, традиционные ремесла и промыслы, этническая кухня, знаковые кодифицированные системы (родной язык, символы, мемы), обычаи, обряды, традиции, праздники, культурно обогащающие людей и народы и выполняющие социально значимую роль в развитии культур цивилизации.

Поэтому одним из самых действенных гуманитарных инструментов формирования гуманистичной этнической идентичности является фольклор. В глобальном мире имеется масса способов демонстраций и воспроизводства ресурсов мобилизованной этничности: от печатных и электронных средств массовой информации до консервативных практик репрезентации традиционной этничности в виде национальных фестивалей, народных праздников, календаря событий, отраженного в этнических фольклорных мотивах.

Современный генезис народов Урало-Поволжского культурного ареала, как и формирование множественных идентичностей его представителей, происходит через призму развития национального духа, реконструкции архетипических особенностей этнических начал, обращения к лучшим произведениям устного народного и литературного творчества, составляющего первооснову духовного бытия этносов.

Объективный анализ башкирского народного эпоса «Урал-батыр», изучение содержащихся в нем мотивов, сюжетов и мировоззренческих установок показывает, что он, при всей своей уникальности и древности, не может быть оторван от общего контекста тюркской культуры. Все мотивы, сюжеты, мировоззренческие элементы, космогонические представления, нашедшие свое отражение в этом эпосе, прослеживаются в фольклоре, и в этнографии, и в традиционном образе жизнедеятельности башкирского эпоса. В целом тюркские эпические сказания входят в сокровищницу нематериального наследия человечества как первозданный пласт устно-поэтического творчества. В ярком многогранном эпическом полотне древних эпических сказаний с уникальной картиной художественных образов — эталонов для современного социального поведения — коренятся истоки национальной идентичности. Сущность и смысл развития этноса в условиях превосходства стихийных сил природы, его попыток выйти из хаоса и объяснить происхождение мира, найти свое место в мироздании состоит в преодолении сил Зла, обретения новых возможностей как главного достижения победы Добра, что получило отражение в мифе «Урал-батыр».

Реконструкция мифологических представлений о Добре и Зле, Справедливости и Истине, которые являются первичными для этносов, создавших мифологию как духовный первоисток познания действительности, приобретает особую этнополитическую значимость в сложные исторические периоды, когда с наибольшей духовной силой происходит проявление народного архетипа.

Установлено, что компоненты формирования национальной идентичности в значительной степени носят архетипический характер, нежели строго нормативно-регулирующий, что обусловлено проявлением его сущностных характеристик — ментальностью и мировоззрением, неотъемлемыми личностными и коллективными качествами, мифологической поэтичностью сознания и мышления, гостеприимством, обостренным чувством справедливости. Идентичность, связывающая все компоненты этносферы, определяет социокультурное бытие этноса, закономерности его развития на протяжении всех исторических, политических и экономических формаций, его общественное поведение.

Культура почитания сил природы запечатлевалась в фольклорных образах, передававших колорит национального достояния предшествовавших поколений, и в современных политических контекстах проблематика его сбережения приобретает политическое значение. На современном этапе многогранные проявления национальных культур требуют проведения исторических параллелей между прошлым и настоящим этносов, способами решения насущных проблем в мифах и фольклоре, обретенных ценностей и идеалов в противостоянии добра и зла, для извлечения нравственных уроков.

В целом трансформация социокультурного опыта в реальные формы вещей связана с мифологическим конструированием картин мира, в которых отражены экзистенциальные потребности человека в конструировании своего бытия, поиска своего предназначения, значимости подражания героям древности либо фиксации незыблемых постулатов социального порядка. Миф, как антропологическая категория, характерен для каждой эпохи — от древней до современной, пронизывает социальные аспекты развития цивилизации, преломляясь в культуре и искусстве, политике, науке, идеологиях, этнополитических фреймах и мемах, которые поддерживают социокультурные смыслы.

Эпоха глобализма, на наш взгляд, знаменуя собой момент технократического перехода к новому укладу человечества, бурному развитию перекрестных международных контактов, унификации и вестернизации ценностей, приводит к зримому сокращению присутствия преж-

них мифологических представлений, но любое «освобождение» от мифа уводит человека от истоков культуры, подменяя национальные начала абстрактными, общечеловеческими.

Мы не согласны с мнением ряда ученых о том, что миф отражает идеологию примитивного общества. Для современного общества, каким бы прогрессивным оно ни было, мифологический способ освоения мира прогресса через эмоциональные переживания, осмысление ценностей и творческие поиски является исключительно полезным, поскольку не позволяет обществу стать абсолютно технократичным, подчиненным диктату технологического превосходства, тогда как реконструкция мифов и жанров фольклора связана с уровнем культуры и зрелостью социально-духовно-нравственных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: http://kremlin.ru/acts/constitution

2. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 1912.2012 № 1666) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/

3. Указ о национальных целях развития России до 2030 года [Электронный ресурс]. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/63728

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» [Электронный ресурс]. — URL: https://base.garant.ru/71580894/

5. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 12.11.2020 № 701 «Об утверждении Концепции развития полилингвальных многопрофильных общеобразовательных организаций Республики Башкортостан» [Электронный ресурс]. — URL: https://docs.cntd.ru/document/571012008

6. Адоньева, С. Б. Прагматика фольклора [Текст] / С. Б. Адоньева. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та; Амфора, 2004. — 309 с.

7. Артыкбаев, Ж. О. Казахская эпическая поэма «Козы корпеш — баян сулу»: якутско (саха)-казахские мифо-исторические параллели [Текст] / Ж. О. Артыкбаев // Северо-восточный гуманитарный вестник. — 2015. — № 2. — С. 49–56.

8. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Текст] / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольского. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 363 с.

9. Айтматов, Ч. В соавторстве с землею и водою. Очерки, статьи, беседы, интервью [Текст] / Ч. Айтматов. — 2-е изд. — Фрунзе : Кыргызстан, 1979. — 406 с.

10. Баймурзина, В. И. Представления народов России о совершенном человеке [Текст] / В. И. Баймурзина // Вестник Башкирского университета. — 2012. — Т. 17. — № 1. — С. 339–341.

11. Белов, С. А. Разработка концепции и нормативно-правовое обеспечение государственной языковой политики Российской Федерации [Текст] / С. А. Белов, Н. М. Кропачев, А. А. Соловьев // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2017. — Т. 8. — Вып. 1. — С. 42–61.

12. Белов, С. И. Соотношение концептов «политический миф» и «исторический миф» [Текст] / С. И. Белов // Вестник московского университета. — Сер. 12. Политические науки. — 2018. — № 3. — С. 39–48.

13. Бердяев, Н. А. Самопознание [Текст] / Н. А. Бердяев. — М. : Международные отношения, 1990. — 620 с.

14. Библер, В. С. Школа диалога культур. Основы программы / В. С. Беблер. Кемерово : Алеф, 1992 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.bibler.ru/shdkom_bi_os.php (дата обращения: 15.06.2020).

15. Витгенштейн, Л. Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера [Текст] / Л. Витгенштейн // Историко-философский ежегодник. — 1989. — С. 251–262.

16. Вихлянцева, А. В. Структурная организация мифологического фрейма / А. В. Вихлянцева [Электронный ресурс]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnaya-ogranizatsiya-mifologicheskogo-freyma/viewer

17. Вклад представителей народов России в ее историю [Электронный ресурс]. — URL: https://poisk-ru.ru/s13511t11.html

18. Волкова, В. В. Дизайн рекламы [Текст] / В. В. Волкова. — М. : Университет, 1999. — 144 с.

19. Воркачев, С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития [Текст] / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Сер. Литература и язык. — 2011. — Т. 70. — № 5. — С. 64–74.

20. Вундт, В. Миф и религия [Текст] / В. Вундт. — СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1912. — 416 с.

21. В Уфе представили цифровые технологии для изучения башкирского языка [Электронный ресурс]. — URL: https://www.vesti.ru/article/2465675

22. Габдрафиков, И. М. Зигзаги этностатистики: особенности переписей населения в Башкирии в 1989, 2002, 2010 гг. и прогноз на 2020 гг. [Текст] / И. М. Габдрафиков // Измерение культурного многообразия / под ред. М. Ю. Марнтынова, В. В. Степанова. — М. : ИЭА РАН, 2019. — 433 с.

23. Галанина, Е. В. Фэнтези как неомифологическая реальность [Текст] / Е. В. Галанина, Д. А. Батурин // Вестник Челябинского государственного университета. — 2016. — № 3 (385). — Вып. 39. — С. 41–45.

24. Галанина, Е. В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры [Текст] / Е. В. Галанина. — М. : ИД Академии Естествознания, 2013. — 129 с.

25. Гамильтон, Э. Мифология. Бессмертные истории о богах и героях [Текст] / Э. Гамильтон. — М. : Альпина нон-фикшн, 2020. — 480 с.

26. Гигаури, Д. В. Символические измерения политики идентичности [Текст] / Д. В. Гигаури // Теория и практика общественного развития. 2015. — № 15. — С. 83–87.

27. Гигаури, Д. И. Политический миф и ритуал в структуре современной символической политики [Текст] : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Д. И. Гигаури — СПб., 2016. — 27 с.

28. Глумова, Е. П. Языковая политика Российской Федерации в области обучения иностранным языкам [Текст] / Е. П. Глумова // Языковая политика и лингвистическая безопасность : мат-лы II Междунар. науч.-образ. форума (25–26 сентября 2018 г.). — Нижний Новгород : НГЛУ, 2018. — С. 30–36.

29. Губман, Б. Л. Миф и религия [Текст] / Б. Л. Губман // Культурология. XX век. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2. — СПб. : Университетская книга, 1998. — 370 с.

30. Гудова, М. Ю. Диалог культур в эпоху постграмотности: коммуникационно-образовательное пространство современного университета [Текст] / М. Ю. Гудова // Полилингвизм и поликультурность в коммуникационно-образовательном пространстве университета в эпоху постграмотности: накопленный опыт и перспективы развития : сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16–17 ноября 2018 г.). — Екатеринбург : Изд-во Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2019. — С. 3–11.

31. Давыдов, И. П. Миф, мифема и мифологема — структурно-функциональный анализ мифографии (на примере одного стихотворения Иосифа Бродского) / И. П. Давыдов [Электронный ресурс]. — URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/197597/1/117-121.pdf

32. Додыченко, Е. А. Действия власти в области языковой политики [Текст] / Е. А. Додыченко // Молодежь в постиндустриальном обществе : сб. трудов Междунар. науч.-практич. конф. (Саратов, 25 декабря 2012 г.). — Саратов : Пресс-Лицей, 2013. — С. 161–165.

33. Думать, действовать, создавать»: система полилингвального образования в Татарстане заработает уже в 2020 году [Электронный ресурс]. — URL: https://realnoevremya.ru/articles/137565-polilingvalnaya-sistema-obrazovaniya-v-tatarstane

34. Жирмунский, В. В. Тюркский героический эпос [Текст] / В. В. Жирмунский. — Л. : Наука, Ленингр. отд., 1974. — 727 с.

35. Замглавы администрации президента Российской Федерации: «Никакого ущемления права на родной язык нет» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.business-gazeta.ru/news/480404

36. Замятин, Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов [Текст] / Д. Н. Замятин. — М. : Знак, 2006. — 50 с.

37. Зимин, М. Опыт генетической классификации волгоуральских кыпчакских идиомов / М. Зимин [Электронный ресурс]. — URL: https://iocs.hse.ru/news/345567546.html

38. Зязиков, М. М. Русский язык и приоритеты государственной политики Российской Федерации в языковой сфере / М. М. Зязиков [Электронный ресурс]. — URL: https://izborsk-club.ru/author/zyazikov

39. Идельбаев, М. Х. Авторская изустная поэзия тюркских народов [Текст] / М. Х. Идельбаев // Россия и Восток. Взаимодействие стран и народов : труды X Всерос. съезда востоковедов (Уфа, 7–10 октября 2015 г.). — Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. — С. 399–402.

40. Илишев, И. Г. Языковые права народов в европейском измерении: опыт государств-членов ОБСЕ [Текст] / И. Г. Илишев. — Уфа : Гилем, 2002. — 227 с.

41. История — миф — фольклор в еврейской и славянской культурной традиции [Текст] : сб. статей. — М. : Пробел-2000, 2009. — 439 с.

42. Кацнельсон, С. Д. Содержательно-типологическая концепция Вильгельма Гумбольдта [Текст] / С. Д. Кацнельсон // Понимание историзма и развития в языкознании 1-й половины XIX в. — Л., 1984. — С. 126–135

43. Кессиди, Ф. Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии) [Текст] / Ф. Х. Кессиди. — М. : Мысль, 1972. — 312 с.

44. Князева, М. И. Информационное пространство социокультурной идентичности / М. И. Князева, Н. И. Фадеева, И. Н. Холкин [Электронный ресурс]. — URL: www.isiksp.ru/library/knyazeva_mm/knyazeva-000004.html

45. Козырева, Т. В. Дуалистичность политического мифа [Текст] / Т. В. Козырева, В. А. Слободчикова // Вестник Югорского государственного университета. — 2017. — Вып. 1 (44). — С. 72–76.

46. Кольев, А. Политическая мифология. Ремифологизация социального опыта / А. Кольев [Электронный ресурс]. — URL: https://velikoross.org/wp-content/uploads/2014/05/politicheskaya-mifologiya-andrey-savelev-2003.pdf

47. Коновалова, Н. И. Мифологема как свернутый сакральный текст [Текст] / Н. И. Коновалова // Политическая лингвистика. — 2013. — № 4 (46). — С. 209–215.

48. Кононенко, Р. В. Фольклор как коллективная идентичность и wow-factor: социокультурный анализ [Текст] / Р. В. Кононенко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2012. — № 4 (20). — Вып. 1. — С. 152–165.

49. Корякина, А. А. Языковое поликультурное образование в этно-региональном контексте / А. А. Корякина [Электронный ресурс]. — URL: https://mir-nauki.com/PDF/32PDMN117.pdf

50. Кувакова, И. М. Государственная языковая политика, лингвистическая безопасность и современные вызовы [Текст] / И. М. Кувакова // Языковая политика и лингвистическая безопасность : мат-лы II Междунар. научно-образовательного форума (25–26 сентября 2018 г.). — Нижний Новгород : НГЛУ, 2018. — С. 90–97.

51. Леви-Стросс, К. Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа [Текст] / К. Леви-Стросс // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М. : Прогресс, 2000. — С. 121–152.

52. Лобок, А. М. Антропология мифа [Текст] / А. М. Лобок. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 1997. — 685 с.

53. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа [Текст] / А. Ф. Лосев. — М. : Мысль, 2001. — 558 с. (Философское наследие).

54. Лосев, А. Ф. Миф. Число. Сущность [Текст] / А. Ф. Лосев. — М. : Мысль, 1994. — 920 с. (Философское наследие).

55. Лурье С. В. Историческая этнология [Текст] : учеб. пособие для вузов / С. В. Лурье. — М. : Аспект-Пресс, 1997. — 445 с.

56. Манн, Т. Художник и общество : статьи и письма [Текст] / Т. Манн ; пер. с нем.; сост., предисл. и примеч. С. Апта, послесл. И. Голика. — М. : Радуга, 1986. — 438 с.

57. Манойло, А. В. Проблемы демонтажа политических режимов в современном мире / А. В. Манойло [Электронный ресурс]. — URL: http://nic-pnb.ru/articles/problemy-demontazha-politicheskix-rezhimov-v-sovremennom-mire/

58. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский. — М. : Наука, 1976. — 407 с.

59. Минпросвещения хочет создать концепцию изучения и преподавания родных языков. Новости. Февраль 07, 2019 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.idelreal.org/a/29756696.html

60. Мирзаян, Г. Патриотизм, культура, правда и язык: какие изменения в конституцию одобрил президент / Г. Марзоян [Электронный ресурс]. — URL: https://life.ru/p/1309794

61. Михайлов, В. Т. Идентификация человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации [Текст] / В. Т. Михайлов, Й. Рунге // Социологические исследования. — 2019. — № 1. — С. 52–62.

62. Мириманов, В. Б. Искусство и миф. Центральный образ картины мир [Текст] / В. Б. Мириманов. — М. : Согласие, 1997. — 327 с.

63. Мудрак, О. А. Кыпчакские языки Урало-Поволжья [Текст] / О. А. Мудрак, Ф. Г. Хисамитдинова. — Астана : «Ғылым» баспасы, 2017. — 164 с.

64. Мурзин, Д. Г. Фронт в тылу врага [Текст] / Д. Г. Мурзин. — Уфа : Китап, 2005. — 182 с.

65. Мусихин, Г. И. Политический миф как разновидность политической символизации [Текст] / Г. И. Мусихин // Общественные науки и современность. — 2015. — № 5. — С. 102–117.

66. Надршина, Ф. А. Военно-патриотическая тема в башкирском фольклоре (Отечественная война 1812 г.) / Ф. А. Надршина [Электронный ресурс]. — URL: // http://vatandash.ru/index.php? article=2170

67. Накануне переписи населения 2021 года Казань и Уфа раздувают конфликт [Электронный ресурс]. — URL: https://eadaily.com/ru/news/2021/01/22/nakanune-perepisi-naseleniya-2021-goda-kazan-i-ufa-razduvayut-konflikt

68. Негмати, А. Э. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков [Текст] / А. Э. Негмати. — Душанбе : Дониш, 1989. — 126 с.

69. Нежданов, Д. В. Политический дизайн как инструмент политической борьбы [Текст] / Д. В. Нежданов // Политология. — 2011. — № 10. — С. 97–99.

70. Неклюдов, С. Ю. Несколько слов о «постфольклоре» / С. Ю. Неклюдов [Электронный ресурс]. — URL: http:// www.ruthenia.ru/folklore/postfolk.htm

71. Неклюдов, С. Ю. Структура и функции мифа [Текст] / С. Ю. Неклюдов // Современная российская мифология : сб. статей. — М. : РГГУ, 2005. — С. 9–27.

72. Некрылова, А. Ф. Этнический праздник в современных условиях [Текст] / А. Ф. Некрылова // Фольклор и этнокультурная идентичность : мат-лы IV Междунар. Школы молодых фольклористов / сост. Н. Н. Глазунова. — СПб. : РИИИ, 2014. — С. 44–53.

73. Нигматуллина, Е. Лингвистический аспект национальной идентичности / Е. Нигматуллина [Электронный ресурс]. — URL: https://pandia.ru/text/78/437/60522.php

74. Никитина, И. В. Миф, эстетическое и художественное как источники духовности [Текст] / И. В. Никитина, Н. В. Виницкая. — Бийск : АГПУ им. В. М. Шукшина, 2018. — 429 с.

75. Никитин, М. В. Основания когнитивной семантики [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / М. В. Никитин. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. — 277 с.

76. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки [Текст] / Фридрих Ницше. — СПб. : Азбука, 2000. — 219 с.

77. Ницше Ф. Так говорил Заратустра [Текст] / Фридрих Ницше ; пер. Ю. М. Антоновского ; под ред. К. А. Свасьяна. — М. : АСТ, 2019. — 162 с.

78. Новодворская, В. Шестидесятники и пустота [Текст] / В. Новодворская // Новая юность. — 1999. — № 1.

79. Нора, П. Проблематика мест памяти [Текст] / П. Нора ; пер. с фр. Д. Халаевой // Франция — память. — СПб. : Изд-во СПГУ, 1999. С. 17–50 (Новая петербургская библиотека : Коллекция «Память века»).

80. Осаченко, Ю. С. Введение в философию мифа : учеб. пособие для вузов [Текст] / Ю. С. Осаченко, Л. В. Дмитриева. — М. : Интерпракс, 1994. —173 с.

81. Обряды и обрядовый фольклор [Текст] : сб. статей / отв. ред. В. К. Соколова. — М. : Наука, 1982. — 279 с.

82. Осмонова, Н. И. Культурные основания мифа как фактора национальной идентификации [Текст] / Н. И. Осмонова // Общечеловеческое и национальное в философии. Кантовские чтения в КРСУ (22 апреля 2004 г.) : мат-лы II Междунар. науч.-практич. конф. КРСУ (27–28 мая 2004 г.) / под общ. ред. И. И. Ивановой. — Бишкек : КРСУ имени Б. Н. Ельцина, 2004. — С. 158–165.

83. Пивоев, В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира [Текст] / В. М. Пивоев. — Петрозаводск : Карелия, 1991. — 109 с.

84. Под председательством Владимира Путина в режиме видеоконференции состоялось десятое заседание Совета при Президенте по межнациональным отношениям [Электронный ресурс]. — URL: http://kremlin.ru/events/president/news/65252

85. Политическая мифология [Электронный ресурс]. — URL: https://iphras.ru/uplfile/histan/kruglye_stoly_pdf/Politicheskaya_mifologiya_%E2%84%962%2848%29,_2012.pdf

86. Полосин, В. С. Миф. Религия. Государство : исследование политической мифологии [Текст] / В. С. Полосин. — М. : Ладомир, 1999. — 440 с.

87. Поспелова, Т. П. Национально-культурная идентичность российского общества в условиях проведения образовательных реформ

[Текст] : дис. ... канд. филос. наук / Т. П. Поспелова. — Нижний Новгород, 2014. — 28 с.

88. Программист, врач или ученый? Какие профессии выбирает поколение Z [Электронный ресурс]. — URL: http://genz.style.rbc.ru/article-9.html?utm_source=top&utm_medium=spec&utm_campaign=pokziri20sp-a9-prof-i

89. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность [Текст] / В. Я. Пропп. — М. : Наука, 1976. — 325 с.

90. Путин призвал к созданию программы поддержки языкового многообразия [Электронный ресурс]. — URL: https://ria.ru/20191105/1560608576.html

91. Пятигорский, А. М. Литература и миф. Беседу вел Григорий Бондаренко [Текст] / А. М. Пятигорский // Газета Завтра. — 1999. — № 8 (26). — 16 авг.

92. Рахматуллина, З. Я. Башкирский национальный дух : (социально-философский очерк) [Текст] / З. Я. Рахматуллина. — Уфа : БашГУ, 2002. — 152 с.

93. Рождественская, Е. Социальная память как объект социологического изучения [Текст] / Е. Рождественская, В. Семенова // Интеракция. Интервью. Интерпретация. — 2011. — № 6. — С. 027–048.

94. Росстат: В переписи-2020 разрешат указывать несколько национальностей и родных языков [Электронный ресурс]. — URL: https://www.business-gazeta.ru/news/457162

95. Рыбаков, А. В. Мультикультурализм как социальная теория и политическая практика [Текст] / А. В. Рыбаков, Д. А. Квон // Власть. — 2016. — № 6. — С. 64–70.

96. Савинов, А. В. Идеи европейской этнополитики: реалии и перспективы [Текст] / А. В. Савинов // Идеи и идеалы. — 2013. — № 1 (15). — С. 123–138.

97. Савченко, И. А. Многоэтническое сообщество в поисках маршрута интеграции идеология, наука, практика [Текст] / И. А. Савченко. — М. : РИОР: ИНФРА-М, 2019. — 189 с.

98. Саитбатталов, И. Генетически и лингвистически северо-западный диалект — часть башкирского языка» / И. Саитбатталов [Электронный ресурс]. — URL: https://news.rambler.ru/education/45120076/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

99. Сахибгоряев, В. Х. Имагинативная природа феноменологии «оранжевой революции» на Украине [Текст] / В. Х. Сахибгоряев, С. В. Котов, А. В. Понеделков // Власть. — 2016. — № 10. — С. 198–204.

100. Сванидзе, Н. Если все будут довольны — никто не захочет разбегаться. Если не довольны — не остановишь / Николай Сванидзе [Электронный ресурс]. — URL: http://echomskufa.ru/2020/01/20/59674

101. Соколовский, С. В. Языковое многообразие и социальное согласие: непростое равновесие [Текст] / С. В. Соколовский, Е. И. Филиппова // Языковая политика, конфликты и согласие. — 2-е изд., испр. и доп. / под ред. С. В. Соколовского, Е. И. Филипповой. — М. : ИЭА РАН, 2018. — С. 4–16.

102. Стеблин-Каменский, М. И. Миф [Текст] / М. И. Стеблин-Каменский. — Л. : Наука. Ленигр. отд-е, 1976. — 104 с.

103. Стеблин-Каменский, М. И. Миф. Теории мифа / М. И. Стеблин-Каменский [Электронный ресурс]. — URL: http://litra.pro/mif/steblin-kamenskij-mihail-ivanovich/read/2

104. Строганов, М. В. Исторические корни фольклорных жанров. [Текст] / М. В. Строганов. — М. : РГУ им. А. Н. Косыгина, 2019. — 175 с.

105. Султангареева, Р. А. Народные знания о священности горы-останца Тратау [Текст] : сб. статей III Междунар. науч.-практич. конкурса / Р. А. Султангареева. — Пенза : Наука и просвещение, 2016. — С. 69–76.

106. Султангареева, Р. А. Священность горы Тратау:постижение обычаев и номра неприкосновенности (по материалам фольклорных и этнографических записей последних лет) [Текст] / Р. А. Султангареева // Мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. (с междунар. участием), посвященной 75-летию профессора Р. З. Янгузина «Люди, культуры, пространство: социокультурная динамика мира Евразии» (Уфа, 15–16 ноября 2016 г.). — Уфа : БашГУ, 2016. — С. 293–301.

107. Татаро-башкирский спор и русско-украинские параллели [Электронный ресурс]. — URL: https://www.idelreal.org/a/30619417.html

108. Тишков, В. А. Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием [Текст] / В. А. Тишков // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М. Б. Погребинского, А. К. Толпыго. — М. : Весь Мир, 2013. — С. 144–194.

109. Тишков, В. А. Стройка наций. Российская полиэтничность в мировом контексте / Тишков В. А. [Электронный ресурс]. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/stroyka-natsiy-rossiyskaya-polietnichnost-v-mirovom-kontekst/

110. Тишков, В. А. Этнополитология: политические функции этничности [Текст] : учебник для вузов / В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев. — М. : Изд-во Московского ун-та, 2011. — 376 с. (Библиотека факультета политологии МГУ).

111. Токарев, С. А. Обряды и мифы [Текст] / С. А. Токарев // Мифы народов мира : Энциклопедия : в 2 т. — Т. 2. М. : Сов. энцикл., 1980. — 720 с.

112. Топоров, В. Н. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам [Текст] / В. Н. Топоров // Этимология. 1972. — М. : Наука, 1974.

113. Трошина, Н. Н. Экология языка [Текст] : аналит. обзор / Н. Н. Трошина. — М. : ИНИОН РАН, 2020. — 54 с.

114. Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности [Текст] / О. М. Фрейденберг. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Восточная лит-ра, 1998. — 800 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

115. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности [Текст] / Э. Фромм ; пер. с англ. с англ. Э. М. Телятникова, Т. В. Панфилова. — М. : АСТ-ЛТД, 1998. — 635 с. (Philosophy).

116. Фромм Э. Душа человека : сб. исследований [Текст] / Э. Фромм ; пер. с нем. В. А. Закс, Э. М. Телятникова ; пер. с англ. Т. В. Панфилова, Т. И. Перепелова. — М. : Республика, 1992. — 432 с. (Мыслители XX века).

117. Хамматов, Я. Северные амуры [Текст] / Хамматов Яныбай ; пер. с башк. В. Василевского. — Уфа : Китап, 2012. — 581 с.

118. Хамидуллин, С. И. Шихан Торатау: прибежище святых, миф о ногайском хане и «книга Чингыз» / С. И. Хамидуллин [Электронный ресурс]. — URL: https://realnoevremya.ru/articles/97434-chem-shihan-toratau-sakralen-dlya-bashkir (дата обращения 26.08.2020).

119. Хисамитдинова, Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка [Текст] / Ф. Г. Хисамитдинова. — М. : Наука, 2010. — 455 с.

120. Хобсбаум, Э. Изобретение традиций [Текст] / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. — 2000. — № 1(8). — С. 47–62.

121. Чернявская, Ю. В. Идентичность на фоне мифа / Ю. В. Чернявская [Электронный ресурс]. — URL: http://geum.ru/aref/3924-1-ant-ropolog-iche-kiy-forum-8-198-yuliya-chernyavskaya-identichnost-fone-mifa-pozhiloy-professor-molodo-ref.php

122. Чернявская, Ю. Идентичность на фоне мифа / Юлия Чернявская [Электронный ресурс]. — URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/05/18/1271955806/08_03_cherniavskaya_k.pdf

123. Чубукова, Е. И. Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта / Е. И. Чубукова [Электронный ресурс]. — URL: http://anthropology.ru/ru/text/chubukova-ei/mifologicheskaya-koncepciya-kommunikacii-r-barta

124. Шинкаренко, В. Д. Формирование знаково-смысловой структуры социокультурного пространства: социологические аспекты про-

исхождения игры, ритуала, магии, мифа и сказки [Текст] : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / В. Д. Шинкаренко. — М., 2006. — 49 с.

125. Шлегель, Ф. Разговор о поэзии [Текст] / Ф. Шлегель // Зарубежная литература XIX века. Романтизм : хрестоматия историко-литературных мат-лов / сост. А. С. Дмитриев, Б. И. Николаев. — М. : Высш. шк., 1990. — С. 46–47.

126. Элиаде Мирча. Священное и мирское [Текст] / Элиаде Мирча ; пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Грабовского. — М. : Изд-во МГУ, 1994. —143 с.

127. Эпштейн, М. Н. Человек словотворящий. 16 вопросов Михаилу Эпштейну о культуре, о времени и о себе [Текст] / М. Н. Эпштейн // Сфера культуры. — 2020. — № 1. — С. 137–145.

128. Языковая политика в контексте современных языковых процессов [Текст] / коллектив авторов Ин-та языкознания РАН. — М. : Азбуковник, 2015. — 472 с.

129. Янгузин, Р. З. Коренные народы России. Башкиры [Текст] / Р. З. Янгузин, Ф. Г. Хисамитдинова. — Уфа : Китап, 2018. — 347 с.

130. 30 лет новейшей истории Башкортостана: 4 смысловых сюжета вице-премьера Азата Бадранова [Электронный ресурс]. — URL: https://www.bashinform.ru/detalno/1506097/

131. Smith, A. D. Ethno-symbolism and nationalism: A cultural approach [Text] / A. D. Smith. — London; New York : Routledge, 2009. — 184 p.

Научное издание

Нигматуллина Танзиля Алтафовна

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОДИФИКАЦИЯ МНОЖЕСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Компьютерная верстка А. Г. Бурмистровой
Техническое редактирование: Т. Е. Бочарова

Сдано в в набор 14.05.2021. Подписано в печать 25.05.2021.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 12,03. Уч.-изд. 13,48.
Тираж 500. Заказ 41

ООО «НБ-Медиа»
117465. г. Москва, ул. Генерала Тюленева, 31/1-210
Тел./факс: (495) 424-26-02
www.nbpublish.com

Отпечатано в типографии
Башкирского института социальных технологий (филиала)
Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования
«Академия труда и социальных отношений»
Проспект Октября, 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054
Тел.: +7 (347) 216-41-62
www.ufabist.ru